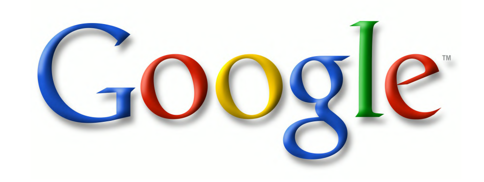
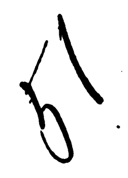
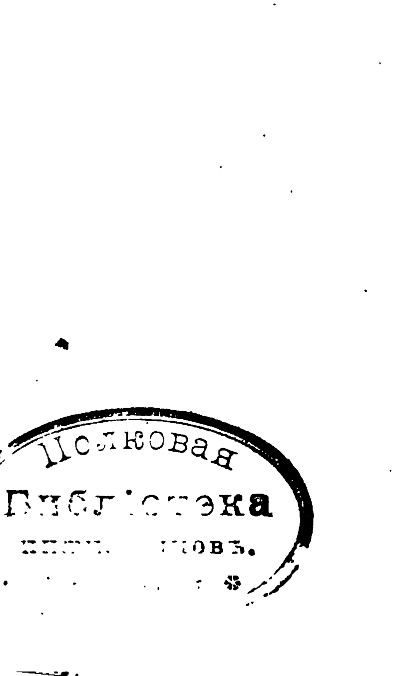



PG
3467
N4K3
v.1




Полковая
Библіотека

Nemirovich-Danchenko, V. I.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія".

КАВКАЗСКІЕ БОГАТЫРИ

(ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ВОЙНЫ ВЪ ДАГЕСТАНѢ).

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

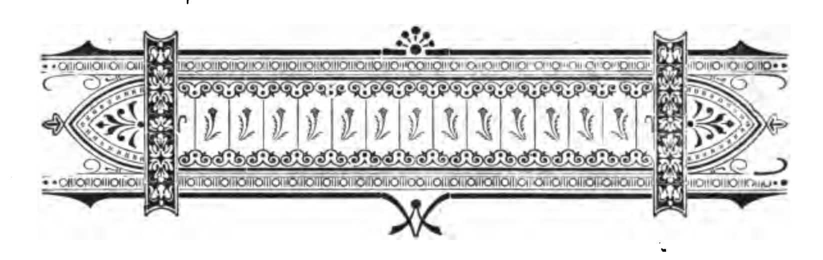
ГАЗАВАТЪ

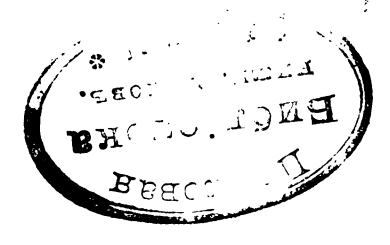
(СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА).





МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 5
1902.





I

Аулъ.

На скалѣ, точно на ладони приподнятый къ самому небу, весь въ розовомъ сіяніи утренней зари, лѣпился каменный, склеившійся изъ башенъ аулъ. Съ одной стороны надъ бездною онъ повисъ ласточкинымъ гнѣздомъ. Въ потемкахъ пропасти ворочалось и стонало неугомонное чудовище горнаго потока. Сакли будто выросли изъ самаго утеса. По крайней мѣрѣ, нельзя было опредѣлить, гдѣ кончался онъ и начинались тѣ. Отъ грохота воды, бушевавшей въ тѣснинахъ, иной разъ чудилось, точно вздрагивали горы. Во время оно крики такихъ-же потоковъ подслушалъ грекъ-странникъ и создалъ дивный миѳъ о Прометеѣ, прикованномъ къ кавказскому утесу. Лезгины тоже одушевляли свою грозную природу: по ночамъ ангелы всемогущаго Аллаха падающими звѣздами поражаютъ гордыхъ шайтановъ, и побѣжденные демоны низвергаются въ глубину дагестанскихъ безднъ и тамъ, въ пѣнѣ и волнахъ студеныхъ водъ, мучатся отъ невыносимыхъ страданій.

Одинокое дерево чуть-чуть выдалось кудрявою вершиною надъ зубчатою стѣной у самаго купола горной мечети, тоже похожей на башню. Напрягая зрѣніе, отсюда, въ ослѣпительномъ блескѣ уже родившагося дня, можно было бы отличить и на другихъ утесахъ далеко-далеко забравшіеся въ самое поднебесье такіе же аулы.

Кажется, дунетъ вѣтеръ посильнѣе, и всѣ ихъ башни и стѣны разомъ снесетъ въ бездонные провалы по сторонамъ. Но годы проходятъ за годами; непогоды бѣшенно громятъ горные узлы и твердыни Дагестана, а скалы лезгинскихъ ауловъ стоятъ себѣ среди каменнаго великолѣпія своей сумрачной родины.

Тишина!...

Такая тишина, что шумъ потоковъ въ безднахъ еще болѣе оттѣняетъ ее. Гулкій выстрѣлъ, прокатившійся по дну заполоненнаго туманомъ ущелья, повторился несчетно отдаленнѣйшими долинами. Ему отозвались привѣтомъ на привѣтъ скалы, какихъ не разобрало бы око зоркаго вершиннаго горца, привыкшаго къ безграничнымъ горизонтамъ. Въ ближайшемъ аулѣ на плоскую кровлю сакли выбѣжалъ лезгинъ, приставилъ ладонь къ бровямъ, пытаясь всмотрѣться внизъ во мглу. Но тамъ опять все замерло, и, постоявъ немного, онъ сообразилъ, что по зарѣ охотники-дидойцы выслѣдили джейрана у воды. Въ самой саклѣ проснулась и на ея каменный порогъ выбѣжала дѣвушка съ глинянымъ кувшиномъ въ рукахъ.

— Эй, урусъ! *)—задорно и громко крикнула она во мглу еще не проснувшагося ущелья...

— Изъ этой мглы выступала только темная плоская кровля затерявшейся тамъ сакли.

— Урусъ! Тебя я зову! — смѣялась она, сверкая большими, черными глазами, надъ которыми сростались тонкія брови.

Ей не отвѣчалъ никто.

— Спитъ еще, должно быть!

Она стала увѣренно спускаться внизъ къ потоку, шумѣвшему въ туманѣ, по крохотнымъ ступенямъ, вырубленнымъ въ цѣльной скалѣ. Она даже не смотрѣла, куда идетъ, до того освоилась съ этою козьей тропою. Ей отъ прохлады внизу стало весело.

— Что-жъ это Асланъ Козъ... и другія?.. Или я встала слишкомъ рано.

Около былъ клочекъ земли, на которомъ раскрыли благоуханные вѣнчики горныя фіалки. Дѣвушка поставила кувшинъ и, въ ожиданіи другихъ лезгинокъ, сѣла на каменную ступень, глядя внизъ.

---

*) Урусъ - русскій.

Ее не смущало, что путь былъ пробитъ надъ пропастью, по карнизу, гдѣ только и помѣщалась ея узенькая ступня. Она даже стала шаловливо раскачиваться, рискуя слетѣть въ бездонную низину. Ее въ утреннемъ воздухѣ точно поддерживали крылья.

— Эй, урусъ! — крикнула она еще разъ.

Эхо замерло въ далекомъ ущельѣ, но никто опять не отозвался.

Она ненадолго задумалась, о чемъ — и сама бы не отвѣтила, и вдругъ по всему этому ущелью прокатился ея звучный, грудной голосъ. Казалось, чудной природѣ недоставало только пѣсни, чтобы разомъ стряхнуть съ себя очарованіе холодной ночи.

Полузажмурясь, дѣвушка пѣла, нисколько не заботясь, слушаетъ ее кто или нѣтъ:

„Смертоносный клинокъ мой со мною,
Я очистилъ и дуло ружья.
Глазъ мой вѣренъ и зорокъ... Съ тобою
Будетъ весело горной тропою
Убѣжать намъ, орлица моя!
Пусть настигнетъ, исполненный мести,
Твой отецъ, насъ обоихъ кляня.
Умереть не боимся мы вмѣстѣ:—
Пуля мѣткая — въ сердце невѣстѣ,
Смертоносный клинокъ—для меня.
Азраилъ унесетъ насъ высоко,
Гдѣ волшебныя птицы поютъ.
У дворцовъ бирюзовыхъ Пророка
Тамъ прекрасныя звѣзды востока
На деревьяхъ волшебныхъ цвѣтутъ.

Она даже подняла голову вверхъ, точно желая разсмотрѣть, не покажется ли и ей въ густѣвшей уже синевѣ неба сказочный дворецъ, но, вмѣсто его бирюзовыхъ стѣнъ, она увидѣла своихъ подругъ, по такимъ же узенькимъ тропинкамъ и лѣстницамъ бѣжавшихъ съ кувшинами на правомъ плечѣ и звавшихъ ее.

— Селтанетъ, Селтанетъ! Ты всегда первая!.. Ранняя птичка!..

Онѣ вмѣстѣ сошли внизъ, откуда скоро послышался звонъ воды, падавшей въ кувшины, и громкій смѣхъ молодыхъ лезгинокъ. Селтанетъ хохотала громче всѣхъ, точно отводя душу послѣ долгаго молчанія въ домѣ суроваго отца.

— Что это съ тобою?—спрашивали ее другія дѣвушки.

— Ей урусъ сегодня сорветъ вѣтку аксана!

Селтанетъ нахмурилась, Сорвать вѣтку этого горнаго куста значило то же, что посвататься.

— Мнѣ не за чѣмъ: меня еще не собираются продавать туркамъ.

Одна изъ дѣвушекъ безпечно захохотала.

— Это ты „на мою кровлю шелуху выбросила“. Что-жъ, я нисколько не жалѣю, что меня отецъ продаетъ. Мнѣ ужъ надоѣло здѣсь на однихъ чурекахъ да на кисломъ арьянѣ (простоквашѣ) сидѣть. Рубашки не на что спить: одна, да и та въ лохмотьяхъ. А тамъ богато живутъ: каждый день буду новыя шелковыя шальвары надѣвать... Съ позументами. Чахланъ (куртка) въ золотѣ... Всѣ мнѣ позавидуютъ; безъ баранины ѣсть не стану. Ни одна казикумукская невѣста такой жизни не видала. Всѣ вы станете завидовать Девлетъ-Канъ. Каждое утро я буду пить душабъ *).

— Кукуруза дома лучше шербета на чужбинѣ!

— Оставь ее, Селтанетъ; ты видишь, дѣвка съ ума сошла совсѣмъ. Скорѣе заставишь змѣю хвостомъ шипѣть, чѣмъ ее убѣдишь.

Селтанетъ еще разъ оглянулась на толстую Девлетъ-Канъ и, покачавъ головою, пошла вверхъ. За нею быстро подымалась та, которая первою отозвалась ей.

— Ну, что, Селтанетъ, ты все сдѣлала, что я совѣтовала тебѣ?

— Да, Асланъ-Козъ! Положила себѣ на ночь подъ подушку *турланъ* съ жареными зернами ячменя.

— А турланъ сама вырвала въ полѣ?

— Какъ солнце садилось, — нашла эту траву и выдернула, глядя на западъ, къ Меккѣ.

— И все зеленымъ шелкомъ завернула?

— Какъ ты говорила, такъ и сдѣлала. Только Богъ знаетъ какіе сны видѣли: душили меня, въ водѣ я тонула, въ пропасти падала.

— Это значитъ — „дивы“ пошутили надъ тобою. Повтори еще разъ сегодня. Да! вѣдь вчера суббота была, — тогда все понятно. Суббота самый несчастный день въ недѣлѣ, — въ субботу, сама знаешь, никто ничего не предпринимаетъ. А ужъ гадать и подавно не слѣдуетъ. Повтори опять сегодня, — увидишь. Я на прошлой недѣлѣ сдѣлала это въ ночь на четвергъ, — отличный сонъ видѣла.

---

*) Питье, составленное изъ меду съ лепестками различныхъ цвѣтовъ.

Какъ-будто мой братъ изъ набѣга привезъ пропасть всякаго добра, и шелковыхъ матерій, и золотыхъ монетъ. А Селимъ вмѣстѣ съ нимъ столько награбилъ, что сразу весь калымъ заплатилъ за меня отцу и женился на мнѣ. Должно быть, скоро наши уйдутъ на газаватъ*), за Дербентъ и тогда сонъ мой исполнится. Жаль, Селтанетъ, что послѣ такихъ сновъ просыпаться приходится! Вмѣстѣ бы мы и свадьбу сыграли.

— Не вбивай гвоздя въ стѣну для роговъ, когда туръ еще по горамъ бѣгаетъ.

— Сонъ на четвергъ лгать не можетъ. Четвергъ не суббота. А мнѣ жалко Девлетъ-Канъ, все-таки она росла съ нами.

— Что ее жалѣть; тоже нашла! Она спитъ и видитъ, чтобы ее продали скорѣе. И родня у нея все такая. Бабка ея у насъ по горамъ славилась—колдунья была. Никто лучше ея не могъ найти хапулипхеръ (собачья—лай-трава) въ полѣ. А искала вѣдь въ темныя ночи, когда ни одной звѣзды на небѣ не было!

— Зачѣмъ ей?

— Много она народа этимъ корнемъ испортила! Ты знаешь, онъ вѣдь на медвѣжью лапу похожъ. Рвать его надо съ умомъ. Лечь на землю такъ, чтобы собою всѣ его листья покрыть, вырвать сразу, — когда оканчиваешь заклятье, а потомъ высушить въ печи и опрыскать кровью совы... Тогда примѣшай къ просу или къ айрану—и дай кому хочешь, сейчасъ же залаетъ собакой, умъ потеряетъ, высохнетъ весь и умретъ. Такого испорченнаго убить надо, потому что онъ на смерть можетъ закусать каждаго.

— Ну, Девлетъ-Канъ не такая. Она просто глупа.

— Не такая? А я разъ ее на чемъ поймала. Иду мимо ночью, а она золу изъ дому выбрасываетъ **). Не такая! Нѣтъ, ужъ лучше пусть ее туркамъ продадутъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ей тамъ слаще будетъ.

Асланъ-Козъ оборвалась разомъ.

Надъ одной изъ башенъ вверху, стоявшей на самомъ темени утеса, показался мулла въ зеленой чалмѣ и, окинувъ взглядомъ

*) Газаватъ—священная война съ невѣрными.

**) Это, по мнѣнію сувѣрныхъ лезгинъ значитъ наводить порчу на ту сторону, куда летитъ зола.

горы и ущелья, вдругъ приложилъ къ губамъ ладони и на весь этотъ просторъ, надъ безлюдными улицами аула медленно и печально сталъ выкрикивать священныя слова корана:

— Ля-илляхи-иль-Алла!.. Магометъ-рассуль-Алла!.. (Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Бога!).

Точно ожидавшій этого призыва, на голосъ муэззина со всѣхъ сторонъ на кровли саклей выползалъ народъ. У каждаго лезгина былъ коврикъ въ рукахъ, у кого такого не было, тотъ выходилъ съ черкеской. Разостлавъ ихъ на крышѣ, правовѣрные становились на колѣни.

Начинался самый важный изъ намазовъ—первый утренній. Всѣ въ ожиданіи его уже совершили положенное закономъ омовеніе и теперь, обращаясь лицомъ къ Меккѣ, читали молитвы и дѣлали установленные поклоны. Пропустить этотъ намазъ—большой грѣхъ. Вышелъ на кровлю и отецъ Селтанетъ, снялъ верхнюю одежду, разостлалъ ее и, сначала стоя, прочелъ первую молитву—альхамъ:

„Во имя Бога милосердаго, да будетъ благословенъ день и часъ сей. Хвала Господу всѣхъ тварей, Царю суднаго дня. Хвала Владыкѣ добродѣющему всѣмъ на землѣ, имѣющимъ дыханіе, и на томъ свѣтѣ вознаграждающему добрыхъ и карающему злыхъ... Тебѣ мы служимъ, къ Тебѣ прибѣгаемъ за помощью, настави насъ на путь правый, угодный Тебѣ, отклони отъ насъ все злое. Избави насъ отъ соблазновъ шайтана. Да будетъ такъ, да будетъ такъ, да будетъ такъ!“

Старикъ теперь опустился на колѣни.

Окончивъ намазъ, старикъ строго посмотрѣлъ на стоявшихъ внизу въ благоговѣніи Селтанетъ и Асланъ-Козъ.

— Если бы вы не болтали внизу лишняго,—не опаздывали бы къ молитвѣ... Недаромъ наша пословица говоритъ: гдѣ соберутся двѣ дѣвушки,—тамъ три зла, потому что между ними всегда шайтанъ!

Онъ дождался, когда зеленая чалма муллы исчезла съ башни, замѣнявшей здѣсь минаретъ, и зорко началъ вглядываться въ глубину долинъ, откуда туманъ ужъ подымался вверхъ по утесамъ и склонамъ горъ. Сакля стараго Гассана стояла у края аула—тамъ, гдѣ защитниками его были построены про всякій случай каменныя стѣны съ зубцами. За ними—пропасть, по другую сторону кото-

рой далеко,-далеко одно за другимъ ракидывались ущелья, и долины, и Богъ вѣсть гдѣ—въ воздухѣ, у самаго небосклона, голубѣлъ похожій на миражъ Каспій.

Когда отецъ Селтанетъ усталъ смотрѣть вдаль, вниманіе его вызвалъ шумъ на узкихъ улицахъ аула. Путь по нимъ шелъ ступенями, то вверхъ, то внизъ. Онѣ змѣились во всѣ стороны, то огибая выступы скалы, то минуя трещину, дна которой было не видно, переплетались узлами, запутывались въ лабиринты и распадались на другія но всякій разъ такъ, чтобы любое мѣсто ихъ можно было обстрѣливать, по крайней мѣрѣ изъ трехъ или четырехъ пунктовъ сразу. Часто поперекъ такой тѣснины между саклями торчала башня, опиравшаяся на ихъ кровли и кое-какъ выложенная изъ дикаго камня. Перегораживая улицу, она давала возможность нѣсколькимъ удальцамъ, засѣвшимъ въ нее, бить на выборъ вверхъ или внизъ всѣхъ, кто неосторожно забрался бы въ эту западню. Проходъ для народа былъ подъ башней, а ея бойницы грозно смотрѣли во всѣ стороны. Самыя сакли лезгинскаго аула были выстроены такъ, что всякая при необходимости могла обратиться въ крѣпость. Окна узкія и черныя были достаточны для ружейнаго дула, но слишкомъ малы для того, чтобы свѣтъ проникалъ въ темноту, за ними. Плоскія кровли, крытыя киромъ, тоже ступенями лѣстницъ разбѣгались во всѣ стороны. Эти ступени покрыли вершину горы, на самое темя которой взобралась старая мечеть. Каждая кровля была дворикомъ для слѣдующей, стоявшей надъ ней, сакли. Отъ одной къ другой часто опускались деревянныя лѣсенки, и словоохотливыя лезгинки вовсе не нуждались въ улицахъ, чтобы съ одного конца этого населеннаго и большого аула попасть на другой его край. Кое-гдѣ были площадки съ ладонь. На нихъ порою торчало жалкое деревцо, чаще всего карагачъ, не находившее достаточно соковъ въ жесткомъ тѣлѣ утеса, трещины, котораго оно заполоняло своими цѣпкими корнями. Около мечети, вверху, по обычаю, раскидывалась главная аульная площадь—*Гудеканъ*, гдѣ происходилъ *джамаатъ*—народныя собранія, совѣты стариковъ. Издали площади этой видно не было, но зато на нее снизу горцы нанесли въ корзинахъ земли, и тамъ выросла единственная, здѣсь могучая чинара, покрывавшая ее шатромъ своихъ вѣтвей. Со всѣхъ сторонъ на этой площади сдѣланы

были навѣсы, подъ которыми въ обыкновенные дни продавались всякая мелочь и оружіе. Въ праздники здѣсь совершался судъ по обычаю (адатъ), или по корану (шаріатъ). Старикъ Гассанъ выросъ въ этомъ аулѣ. Въ молодости онъ выѣзжалъ отсюда только въ набѣги на русскія станицы; но когда глаза его стали плохо видѣть, а душа охладѣла къ боевымъ приключеніямъ, онъ засѣлъ въ скалѣ и сталъ только принимать участіе въ джамаатѣ. Вліяніе его на немъ росло, и онъ вмѣстѣ съ другими „почетными стариками" сталъ красить себѣ бороду въ красное—хною, занималъ въ мечети мѣсто у рѣшетки, за которой засѣдали муталлимы, и во всѣхъ процессіяхъ ему принадлежала завидная роль нести передъ муллою саблю и рубить голову жертвенному барану, кровь котораго непремѣнно должна была брызнуть на ступень мечети. У Гассана была только одна дочь Селтанетъ, но онъ гордился ею. Такой красавицы не было ни въ одномъ изъ окрестныхъ ауловъ. Джансеидъ хотѣлъ жениться на ней, — но у кавказскихъ горцевъ невѣстъ покупали, а старикъ зналъ цѣну своему товару и назначилъ за дѣвушку такой калымъ, что юношѣ оставалось или отказаться отъ нея, или сдѣлать отчаянный набѣгъ въ русскіе предѣлы. Онъ ждалъ такого вмѣстѣ съ своимъ другомъ Селимомъ, женихомъ Асланъ-Козъ. Въ лезгинскихъ аулахъ дѣвушки были свободны. Онѣ дѣлались рабынями, только выходя замужъ, когда старухи покрывали имъ лицо бѣлыми чадрами.

Солнце начинало уже сильно пригрѣвать.

Гассанъ сбросилъ длинную тавлинскую шубу съ узкими рукавами въ которые нельзя было просунуть руки, рукавами, падавшими на землю и волочившимися по ней, — и растянулся на плоской кровлѣ. Онъ сталъ было засыпать, какъ вдругъ вздрогнулъ и поднялся. Совсѣмъ не въ урочное время „будунъ" — помощникъ муллы съ верхушки башни сталъ выкрикивать на весь лезгинскій аулъ — призывъ на джамаатъ:

„Великъ Аллахъ, великъ Аллахъ!..
Свидѣтельствую: нѣтъ иного, кромѣ Единаго!
Свидѣтельствую: Магометъ—посолъ его!..
Приходите молиться,
Приходите къ счастію:
Молитва лучше сна и покоя!..

Великъ Богъ, великъ Богъ!—
Нѣтъ Бога, кромѣ Бога—
Сходитесь, правовѣрные, къ джамаату,
Бросайте сакли и занятія,
Торопитесь послужить дѣлу вѣры,
И да будетъ проклятъ тотъ,
Кто отвратитъ сердце отъ этого призыва!"...

Аулъ ожилъ.

Точно кто-то расшевелилъ муравейникъ. Ступени узкихъ улицъ покрылись народомъ. Люди перескакивали съ кровли на кровлю, перекликались съ одной башни въ другую. Старикъ Гассанъ оправилъ на поясѣ кинжалъ, съ которымъ горецъ не разстается даже у себя въ саклѣ, крикнулъ Селтанетъ, чтобы та подала ему пистолеты и папаху, опять надѣлъ на плечи длинную тавлинскую шубу и съ важнымъ видомъ сошелъ въ тѣнь и прохладу закоулка, круто поднимавшагося вверхъ къ мечети. По пути его нагналъ другой „почетный старикъ", тоже съ окрашенною хною бородою, но въ зеленой чалмѣ.

— Алла да благословитъ тебя, Гассанъ.

— Милость его на тебѣ.

Обоихъ разбирало любопытство: зачѣмъ ихъ зовутъ на гуде-канъ, что за джамаатъ долженъ тамъ собраться? Но оба были бы слишкомъ плохими горскими дипломатами, если бы выразили это хоть однимъ вопросомъ. Напротивъ, лица у обоихъ выражали, какъ-будто каждый изъ нихъ отлично знаетъ въ чемъ дѣло, но бережетъ это про себя. Гассанъ тѣмъ не менѣе не выдержалъ и спросилъ у пріятеля:

— Вчера кабардинскій князь пріѣхалъ и остановился въ кунацкой у муллы?

— Я его видѣлъ. Шашка въ золотѣ... Конь изъ Карабаха,— шерсть такъ и горитъ на солнцѣ. Ночью привезли стараго турецкаго муллу, того самаго, что недавно жилъ у казикумухцевъ и хунзахцевъ.

— Онъ у себя въ Требизондѣ великій шейхъ.

Позади нетерпѣливо подымалась толпа молодежи. Ихъ черкески были въ позументахъ, оружіе въ серебрѣ. Только нѣсколько узденей между ними щеголяли лохмотьями, точно показывая презрѣніе къ

пышности. Глаза у всѣхъ такъ и горѣли. Хотѣлось каждому узнать скорѣе, зачѣмъ зовутъ на джамаатъ, но никто не рѣшался перегнать стариковъ, медленно подымавшихся впереди. Даже когда усталый Гассанъ остановился и рукою пригласилъ ихъ идти далѣе, Джансеидъ и Селимъ, шедшіе въ головѣ этой внезапно присмирѣвшей орды, покорно сложили руки на груди и потупились въ знакъ полнаго самоотреченія.

— Идите, идите! Молодымъ соколамъ трудно ожидать старыхъ ослабѣвшихъ воронъ.

— Нѣтъ, отецъ, — отозвался Джансеидъ,— у насъ еще только отростаютъ когти,— кому же, какъ не сильному лезгинскому орлу вести насъ и въ бой, и на джамаатъ.

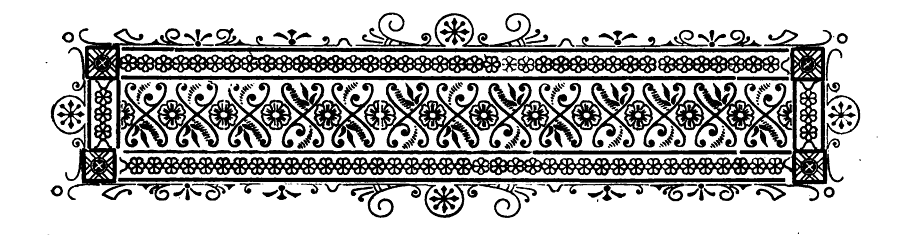
Гассанъ ласково улыбнулся и положилъ руку на плечо Джансеиду.

— Помоги мнѣ, соколенокъ.

Онъ подымался вверхъ, опираясь на него, и Джансеидъ боялся только одного, какъ бы не оступиться, уравнивая свой шагъ съ медленною поступью отца своей Селтанетъ. Джансеидъ являлся образчикомъ горской красоты и старикъ Гассанъ искоса любовался имъ.

— „Я самъ былъ когда-то такой,“ — думалъ онъ.

Подъ черными сроставшимися бровями открыто смотрѣли пламенныя глаза. Тонкій носъ придавалъ лицу молодого лезгина что-то хищное. Смѣло улыбались губы, и выраженіе силы и мужества лежало на всей его фигурѣ, сказывалось въ каждомъ его движеніи: Широкія плечи и тонкая, какъ у дѣвушки, талія—по горской пословицѣ, — если бы онъ легъ на бокъ, то подъ его станомъ свободно могла пробѣжать кошка.



II

Джамаатъ.

Улочка, бѣжавшая вверхъ ступенями, изогнулась колѣномъ, пропала во мракѣ подъ старою башней и снова по ту сторону выбѣжала на солнце. Тутъ построились аульные купцы и ремесленники. Сакли ихъ открывались наружу, опуская надъ улицей пестрые навѣсы, поддерживавшіеся тонкими жердями. Въ ихъ тѣни кипѣла своеобразная жизнь дагестанскаго базара. Стучали молотки чеканщиковъ по мѣднымъ тазамъ и подносамъ, шипѣло въ маленькихъ горнахъ пламя горскихъ кузнецовъ и брызгали во всѣ стороны искры отъ подковъ, выковывавшихся здѣсь на славу. Рядомъ кумухцы молчаливо и сосредоточенно расшивали золотыми шнурками и шелками сѣдла, кожи для туфель; цѣлыми сотнями приготовлялись чевяки. Своеобразные ювелиры наводили чернь на серебро. Зѣваки стояли сплошною толпою передъ оружейниками, набивавшими золотые узоры на узкія дула ружей, на сталь шашекъ и кинжаловъ. Сердоликъ, бирюза, рубины—вдѣлывались на рукояти. Около небольшихъ лавченокъ съ канаусомъ, дараей и верблюжьимъ сукномъ, безмолвными призраками мелькали лезгинки, закутанныя съ головой въ сѣрыя отъ пыли и грязи чадры, глядя жадно на пестрыя персидскія матеріи. Увидѣвъ молодежь, стремившуюся въ джамаатъ,—лезгинки по мѣстному обычаю отвернулись лицомъ къ стѣнѣ и словно за-

мерли, пропуская ихъ мимо. Только нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ съ любопытствомъ пялили большіе глаза на мужчинъ. До тринадцати лѣтъ дѣвочекъ не прятали, и онѣ, бѣгая по улицамъ, росли на свободѣ, обвѣшанныя серебряными монетами, звенѣвшими при каждомъ движеніи ребенка. Одна изъ дѣвочекъ подбѣжала къ Гассану, застѣнчиво и дико ткнулась ему головою въ руку, какъ котенокъ, просящій ласки. Старикъ засмѣялся, узнавъ племянницу, и погладилъ ея голову, всю въ мелко-мелко заплетеныхъ и перевитыхъ съ золотыми шнурками косичкахъ.

Отсюда уже было недалеко до площади передъ мечетью.

Справа и слѣва въ канавкахъ журчала вода, бѣжавшая такимъ образомъ сверху изъ общественнаго басейна. Еще нѣсколько шаговъ, и гудеканъ раскинулся передъ Гассаномъ, кишa большими группами собравшагося народа. Джансеидъ и Селимъ остались съ другой молодежью у края площади, а старики важно прошли впередъ на почетныя мѣста, подъ громадное дерево, съ такимъ трудомъ еще ихъ прадѣдами выращенное передъ мечетью. Въ тѣни его неподвижно и истово ужъ сидѣли крашеныя бороды лезгинскаго аула. На привѣтствія подошедшихъ они отвѣтили также величаво и опять погрузились въ вѣчное созерцаніе своего достоинства и въ удивленіе къ нему. Между ними шныряли муталлимы—ученики муллы, готовившіе себя въ служители пророку, и разстилали на землѣ небольшіе коврики для остальныхъ, которые еще должны были собраться на призывъ будуна.

— Да будетъ благословенъ твой приходъ!—прошепталъ такой-же юноша, разстилавшій коврикъ для Гассана.

— Магометъ да вспомнитъ тебя,—отвѣтилъ тотъ и медленно опустился, поглаживая бороду и смыкая глаза, точно отъ усталости.

Никто не обнаруживалъ любопытства, зачѣмъ ихъ созвали сюда, хотя равнодушныхъ въ этомъ отношеніи здѣсь не было. Слѣдовало ждать появленіе муллы,—поэтому старики нѣтъ-нѣтъ да и взглядывали исподлобья направо, гдѣ рядомъ съ мечетью была въ глухой стѣнѣ прорѣзана калитка. Когда всѣ коврики оказались занятыми, муталлимы кинулись опрометью къ ней. Собраніе замерло. Смолкла даже нетерпѣливая молодежь, толпившаяся по краямъ площади. Она не смѣла садиться въ присутствіи стариковъ и потому, по горскому обычаю, стояла, опираясь правою рукою на кинжалъ, а

лѣвую закинувъ назадъ за позументъ отдѣланнаго серебромъ пояса. Джансеидъ съ Селимомъ выдвинулись впередъ. У обоихъ не было отцовъ, и потому они пользовались значеніемъ старшихъ въ своихъ семействахъ.

Медленно отворилась калитка, и въ ней показался въ зеленой чалмѣ и такомъ-же халатѣ согбенный турецкій мулла, наканунѣ пріѣхавшій въ аулъ. Длинная, сѣдая борода его низко падала на грудь, въ рукахъ у него былъ посохъ. По всей толпѣ джамаата пробѣжалъ шопотъ сдержаннаго привѣтствія, и руки присутствовавшихъ замелькали, касаясь сердца, устъ и головы. Мулла всмотрѣлся подслѣповатыми глазами въ толпу и, подхваченный муталлимами, не отвѣчая на горскій поклонъ, тихо направился къ своему мѣсту. Черезъ каждые пять шаговъ, по мѣстному церемоніалу онъ останавливался и отдыхалъ. За нимъ слѣдовалъ мѣстный мулла, наклонясь и стараясь всей особой изобразить величайшее почтеніе. Позади, сверкая богатымъ оружіемъ, золотомъ ноженъ и рукоятей кинжала и шашки, широкими позументами черкески, серебромъ патроновъ и пистолетныхъ головокъ, торчавшихъ изъ-за пояса, гордо закинувъ на затылокъ бѣлую папаху, показался кабардинскій князь, гостившій въ аулѣ, съ цѣлою свитою узденей и нукеровъ. И тотчасъ-же плоскія кровли саклей, выходившихъ на площадь, ихъ балконы и веранды, крыша и карнизы мечети покрылись сплошь закутанными въ бѣлое женщинами; онѣ усаживались одна къ другой плотно, стараясь выгадать какъ можно больше мѣста для сосѣдокъ, знакомыхъ, со всѣхъ концовъ аула торопившихся сюда по такимъ-же кровлямъ и лѣсенкамъ. Со стороны показалось-бы, что, испуганныя какою-то страшною опасностью, онѣ бѣгутъ отъ края аула къ его центру, не разбирая, какими путями имъ приходится достигнуть этого убѣжища.

Мулла съ гостями усѣлись.

Позади кабардинскаго князя стѣною стала блестящая свита, гордо поглядывая на лезгинъ и щеголевато оправляясь. Въ лезгинскихъ аулахъ кабардинцы считали себя прирожденными господами и не безъ пренебреженія относились къ своимъ союзникамъ и единовѣрцамъ.

— Честь и почетъ нашимъ гостямъ, благословеніе народу!—тихо проговорилъ старый мулла.

И гости, и народъ, наклоняясь, отвѣтили шепотомъ:

— Милосердіе Аллаха да почіетъ надъ всѣми нами.

Мулла обвелъ глазами молодежь и, остановивъ взглядъ на Джансеидѣ, подозвалъ его къ себѣ.

— Пойди, мой сынъ, и приведи на джамаатъ плѣннаго уруса... скажи, что онъ нуженъ народу,—пусть не боится. Здѣсь ему никто не сдѣлаетъ зла.

Когда ушелъ Джансеидъ,—лезгинское народное собраніе не долго хранило почтительное молчаніе. Мулла слишкомъ долго думалъ, разглаживая длинную бороду, а турецкій гость не считалъ сообразнымъ съ своимъ достоинствомъ начать бесѣду ранѣе, чѣмъ тотъ не предупредитъ стариковъ о томъ, кто онъ и зачѣмъ пріѣхалъ. Но оба они разсчитали, не принявъ въ соображеніе нетерпѣнія молодого кабардинскаго князя. Тому надоѣло стоять подъ лучами сильно уже припекавшаго солнца, и онъ вдругъ вскинулъ еще болѣе на бритый затылокъ папаху, вышелъ впередъ и вызывающе посмотрѣлъ на лезгинъ.

— Привѣтъ джамаату... я пришелъ къ вамъ изъ вольной Кабарды узнать, не ткутъ-ли у васъ мужчины холстовъ, и не стали-ли женщины носить за нихъ ружья и кинжалы.

Старикъ Гассанъ вспыхнулъ. Его подслѣповатые глаза загорѣлись молодымъ блескомъ. Онъ поднялся и громко заговорилъ, обращаясь къ узденю:

— Лезгинскія женщины не разъ учили кабардинскихъ князей храбрости, и, во всякомъ случаѣ, ни у одной лезгинской матери не могло быть сына, не знающаго, что когда старики молчатъ,—молодымъ щенкамъ лаять не слѣдуетъ.

Свита узденя схватилась за рукояти кинжаловъ. Самъ князь, отступивъ назадъ, смѣрилъ съ ногъ до головы Гассана и круто обернулся къ тому углу площади, гдѣ собралась молодежь.

— Мнѣ неприлично мѣряться съ крашеными бородами, но если изъ васъ найдется кто-нибудь...

Селимъ, очи котораго изъ подъ нахмуренныхъ бровей давно уже сверкали недобрымъ огонькомъ, въ одно мгновеніе оказался лицомъ къ лицу съ кабардинцемъ. Рука его была, какъ и у противника, на рукояти кинжала... „Аманъ“,—страстнымъ воплемъ вырвалось изъ толпы женщинъ съ ближайшей кровли. Испугавшаяся за своего

жениха Асланъ-Козъ даже чадру сбросила и во весь ростъ выпрямилась. Къ счастію, мулла, наконецъ, поднялся и тихо заговорилъ, обращаясь къ старикамъ, сидѣвшимъ вокругъ:

— Успокойся, князь! Лезгинскіе юноши нисколько не благоразумнѣе тебя, и до сихъ поръ еще никто безнаказанно не садился къ нимъ на плечи. А вы должны помнить, что нашъ гость Сеферъ-Хатхўа извѣстенъ въ горахъ давно̀, какъ первый джигитъ своего народа, что до сихъ поръ всякій бой съ невѣрными, въ которомъ онъ участвовалъ, оканчивался торжествомъ нашей вѣры и гибелью гяуровъ. Сеферъ-Хатхуа со вчерашняго дня подъ защитою нашего аула.

Услышавъ фамилію кабардинскаго узденя, Селимъ отступилъ на шагъ и, покорно сложивъ руки на груди, низко передъ нимъ склонился. Тотъ опомнился тоже и, привѣтливо улыбаясь, проговорилъ:

— Я радъ, если ты вмѣстѣ со мною противу русскихъ покажешь столько-же смѣлости и горячности, сколько у тебя ихъ было теперь.

— Привѣтъ джамаату! — продолжалъ мулла.—Аллахъ взыскалъ нашъ аулъ великою милостію: такихъ славныхъ гостей давно уже не было въ его каменныхъ стѣнахъ. Вчера вечеромъ сюда прибылъ изъ Хунзаха знаменитый свѣтильникъ вѣры Ибраимъ-мулла, къ голосу котораго съ почтеніемъ прислушивается самъ блистательный султанъ въ Стамбулѣ. Ибраимъ-мулла привезъ намъ привѣтъ нашихъ друзей и союзниковъ турокъ и новости, отъ которыхъ порадуется сердце всякаго истиннаго лезгина. Мы живемъ на челѣ горъ, и глаза наши видятъ далеко; на своей высотѣ мы ближе къ Аллаху, чѣмъ жители долинъ, и потому болѣе чѣмъ кто-либо мы должны цѣнить такихъ достославныхъ пословъ. Самъ Ибраимъ-мулла повторитъ вамъ то, что онъ мнѣ сказалъ вчера. Слова его—цвѣты, выросшіе на тучной почвѣ Халиля. Слушайте его, и пусть ваши души, какъ и моя, исполнятся ихъ благоуханіемъ.

— Хорошо говоритъ мулла,—послышалось кругомъ. Одобрительный шопотъ перекинулся къ молодежи и отъ нея перешелъ на кровли къ женщинамъ.

Турецкому муллѣ нельзя было оставаться въ долгу.

— Я давно слышалъ,—медленно и важно началъ онъ,—о глубокой мудрости муллы Керима и радъ теперь, что жажда моей души вполнѣ утолилась, внимая ему. Мулла Керимъ, такихъ, какъ ты,

у пророка немного. Если бы Стамбулъ имѣлъ счастіе считать тебя своимъ, — въ совѣтѣ у нашего султана (да продлитъ Аллахъ его дни!) было-бы однимъ великимъ умомъ больше. Правда, что на высотѣ горъ вы привыкли къ орламъ небеснымъ, и ваше слово, какъ и они, тонетъ въ недоступномъ другимъ величіи. Шейхъ-уль-исламъ много мнѣ говорилъ о тебѣ, и самъ великій визирь поручилъ мнѣ испросить твоихъ великихъ молитвъ для него. О, трижды счастливы вы, жители Салтинскіе, внимающіе каждый день муллѣ Кериму!

Выдержавъ паузу и замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное имъ на собравшихся, Ибраимъ продолжалъ:

— Непобѣдимый мечъ вѣры, гроза язычниковъ и христіанскихъ собакъ, нашъ великолѣпный султанъ Махмудъ шлетъ привѣтъ джамаату.

Всѣ, не исключая и муллы, встали и склонились низко, низко.

— Да будетъ извѣстно всѣмъ вѣрнымъ мусульманамъ, что судьба Московъ-султана *) и всѣхъ урусовъ отнынѣ сочтена и рѣшена окончательно. Султанъ долго терпѣлъ ихъ беззаконія, его милостивой душѣ не хотѣлось губить ихъ. Онъ ждалъ покорности, потому что лукавые послы ихъ, желая спастись отъ смерти, возили ему „землю и воду“ въ знакъ своего вѣчнаго рабства. Но теперь онъ внялъ воплямъ мусульманъ, страдающихъ въ неволѣ у невѣрныхъ. Мольбы народовъ горъ и народовъ долинъ нашли доступъ къ его сердцу, и оно открылось имъ. Въ эту минуту, когда я говорю съ вами, несчетные милліоны его воиновъ, храбрыхъ, какъ львы, и кровожадныхъ, какъ тигры, вторглись въ предѣлы Россіи и всюду сѣютъ смерть и уничтоженіе. Передъ ними — страхъ, за ними—пустыня. Уже Московъ-султанъ бѣжалъ изъ своей столицы. Войска его разбиты **), вся его судьба — на кончикѣ сабли наслѣдника халифовъ. Рѣки и моря покраснѣли отъ русской крови. Какъ тучи опускаются на землю, такъ и дымъ пожарищъ разстилается по вражеской землѣ.

— Валлахъ-Биллахъ! — послышалось кругомъ.

Яркая картина, нарисованная муллою Ибраимомъ, поразила воображеніе легковѣрныхъ лезгинъ.

*) Такъ они называли нашихъ государей.

**) Такими вымыслами турецкіе послы всегда называли горные набѣги на наши границы.

— Теперь я пріѣхалъ къ вамъ отъ имени самого наслѣдника халифовъ. Султанъ хочетъ, чтобы и вамъ было хорошо. Онъ и васъ зоветъ на общій пиръ всего мусульманскаго міра. Подымайтесь всѣ отъ мала до велика. Кабарда готова, Чечня тоже. Князь Сеферъ-Хатхуа явился со мной свидѣтельствовать, что все его племя выступаетъ въ священный газаватъ противъ невѣрныхъ. Кто хочетъ носить на себѣ золото, ѣсть на серебрѣ, имѣть рабовъ и коровъ, пить бузу и жить, не работая, а заставлять на себя трудиться невѣрныхъ, — пусть опояшется саблею и выступитъ вмѣстѣ съ Сеферъ-Хатхуа.

— Мы всѣ, мы всѣ! — послышался единодушный крикъ молодежи.

— Молчать! — удивительно, гдѣ нашелъ въ старческой груди столько силы дряхлый Гассанъ. Крикъ его на минуту покрылъ все. — Молчать! Здѣсь говорятъ старики, а молодые слушаютъ. Ибраимъ-мулла, много прошло лѣтъ у Аллаха, прежде чѣмъ сѣдина покрыла мою голову, а эти руки ослабѣли и стали годны только на то, чтобы опираться на посохъ. Въ свое время я былъ не послѣднимъ бойцомъ въ аулѣ. Мои сверстники помнятъ это. Я всегда грудью встрѣчалъ врага, и на своемъ тѣлѣ я могу указать десятокъ, другой почетныхъ шрамовъ. У меня было трое сыновей, — и всѣ они погибли во славу Аллаха. Все, что я имѣлъ, — я отдалъ борьбѣ съ гяурами. Меня поэтому ни ты, ни весь почтенный джамаатъ не могутъ подозрѣвать, чтобы я желалъ мира съ ними, — да обрушитъ Всемогущій на ихъ головы всѣ сто-сорокъ-пять тысячъ бѣдствій, о которыхъ говорится въ коранѣ. Но я знаю и наши, и ихъ силы. Тебѣ, Ибраимъ-мулла, легко. Ты уйдешь домой, оставивъ насъ на жертву ихъ мести. Не одинъ разъ мы слышали, что великій султанъ ворвался въ предѣлы Россіи и не щадитъ тамъ никого, что города невѣрныхъ разрушены, нѣтъ тамъ камня на камнѣ, на ихъ мѣстѣ посыпана соль. Не разъ уже говорили намъ, что у Бѣлаго Царя нѣтъ ни одного солдата, а побѣдители тонутъ въ крови гяуровъ. Если бы это было такъ, — русскимъ пришлось бы оставить Дербентъ и уйти прочь. Тогда какъ они еще недавно захватили Кубанское ханство, стараго хана отправили въ Тифлисъ, на Самурѣ строятъ крѣпости, окружили елисуйцевъ войсками, а въ Джаро-Белоканскомъ округѣ селятъ казаковъ. Не разъ, слушая такихъ же, какъ и ты, Ибраимъ-мулла, мы ки-

дались въ самую кипень боя — и гибли. Султанъ далеко. Наши раны ему не больны. Запахъ крови лезгинской не достигаетъ до него. Когда мы голодны, — въ Стамбулѣ ѣдятъ, какъ и всегда; когда намъ холодно,—тамъ по-прежнему грѣются у мангаловъ. Еще недавно дидойцы послушались васъ, — и вотъ двѣнадцати ауловъ ихнихъ какъ не бывало. Остались только кучи камней, и, гдѣ прежде слышались веселыя пѣсни, теперь по ночамъ воютъ шакалы. Русскіе не трогаютъ насъ, мы далеки отъ нихъ. Они долго еще не дойдутъ до нашихъ горъ, — намъ не за чѣмъ трогать медвѣдя въ берлогѣ.

— Вѣрно, твои раны слишкомъ болятъ въ ненастные дни, что ты толкуешь о примиреніи съ русскими.

— Неправда, Ибраимъ-мулла! Не о примиреніи я говорю, а объ осторожности. Соколъ — смѣлая птица, но первая не нападаетъ на орла. Я никогда не былъ противъ набѣговъ нашей молодежи на русскихъ. Въ такихъ набѣгахъ крѣпнутъ юноши и дѣлаются взрослыми. Оттуда они привозятъ намъ много прекрасныхъ вещей и еще болѣе славныхъ подвиговъ. Это именно, та война, которая намъ доступна, но нельзя всему нашему народу подыматься въ газаватъ — прежде всего потому, что мы голодны.

— У русскихъ много хлѣба.

— Поди и вырви у тигра изо рта ягненка. Тебѣ хорошо, мулла Керимъ. Ибраимъ изъ Стамбула привезъ тебѣ много подарковъ. Ты заботишься вообще обо всемъ мусульманскомъ мірѣ, а намъ, старикамъ Салтинскаго аула, надо только о своихъ думать. О тѣхъ, которые насъ выбрали, я сказалъ то, что я сказалъ. Если джамаатъ велитъ быть газавату, то я первый забуду о боли своихъ старыхъ ранъ и покажу молодымъ, какъ въ наши времена дрались и умирали во славу Аллаха и его пророка.

Старикъ Гассанъ сѣлъ.

Нѣсколько мгновеній всѣ молчали, когда изъ переулка показался Джансеидъ съ русскимъ плѣнникомъ. По пути молодому лезгину уже передали, о чемъ толкуютъ на джамаатѣ. Плѣнный, характерный типъ солдата того времени, хмурый, но крѣпкій и стойкій, шелъ смѣло, глядя передъ собою. На немъ еще была шинель Ширванскаго полка, но вся въ лохмотьяхъ и прорѣхахъ. Солнце посреди площади ослѣпило его, и онъ зажмурился. Потомъ приста-

вилъ ладони къ глазамъ, осмотрѣлъ присутствовавшихъ и, кивнувъ муллѣ Кериму, крикнулъ ему по-лезгински:

— Здравствуй, старый чортъ.

— Мы тебя призвали...— началъ было мулла.

— Вижу, что призвали. Не самъ къ вамъ, оборванцамъ, пришелъ. Ишь, бритолобый! Ну, давай мѣсто солдату.

И, нисколько не стѣсняясь, онъ вошелъ подъ тѣнь дерева, отодвинулъ локтемъ муллу и сѣлъ рядомъ.

— Теперь давай разговаривать. Въ чемъ дѣло-то? — обернулся онъ къ старику-сосѣду, долго жившему въ Россіи.

— Мулла отъ турецкаго султана пріѣхалъ, — отвѣтилъ тотъ по-русски. — Султанъ шибко вашихъ побилъ, всю Россію повоевалъ.

Солдатъ засмѣялся.

— Скажи ему, что дуракъ онъ... мулла твой! Отъ самого султана дуракъ.

— Нельзя этого сказать, — испугался старикъ.

— Скажи ему, что ежели мы ротами васъ гнали... взводами отъ тысячъ отбивались, такъ куда же ей, турецкой шебардѣ, съ русскими справиться?.. У насъ войсковъ не здѣшнимъ чета... и говорить-то съ вами, пустыми людьми, тошно.

Солдатъ, впрочемъ, самъ уже понимавшій по-лезгински, внимательно прислушивался, какъ его слова передавалъ старикъ, и покачалъ головой.

— Не то, не то, другъ. Давай-ка я самъ стану разговаривать съ остолопью этой. Ты думаешь, дурья голова, боимся мы васъ? Да ежели я одинъ здѣсь между вами и нисколечко не страшусь, такъ какъ же васъ вся Россія испугается? Вы вѣдь бритолобые, въ котлѣ сварить меня можете, — а я вамъ все-таки подражать не согласенъ, потому что и въ плѣну присягу помню, и наплевать мнѣ на васъ... А только одно вамъ скажу: забрались вы подъ небеса подъ самыя, какъ птицы, такъ ужъ и сидите вы смирно. Потому иначе и хвостовъ отъ васъ не останется. Не было еще такого народу, чтобы подъ нозѣ намъ не покорился. Да ты понимаешь ли, слѣпая сова,— обратился онъ прямо къ Ибраиму-муллѣ,— о комъ ты разговаривать осмѣлился! Да прикажи царь, такъ со всѣми вами вотъ что будетъ.— И, быстро наклонившись, онъ захватилъ горсть пыли и сдунулъ ее прямо въ глаза пріѣзжему муллѣ.

Тотъ вскочилъ. Джамаатъ всполошился. Ропотъ негодованія раздался повсюду. Кое-кто выхватилъ кинжалы. Старику Гассану жаль было своего плѣннаго, но онъ не смѣлъ вступиться за него.

Солдатъ спокойно глядѣлъ на всѣхъ, и на его огрубѣвшемъ отъ бури и стужи лицѣ не отражалось ни малѣйшаго испуга.

— Ну, чего-жъ вы?.. на одного ширванца не можете, а на всю Россію захотѣли. Орда, такъ орда и есть! Дай дорогу, пріятель. — И, отстранивъ локтемъ муллу, онъ не глядя ни на кого, пошелъ себѣ съ площадки въ переулокъ, а по немъ добрался до своей лачуги.

По пути онъ смѣялся про себя:

— „Дикій народъ, что задумалъ! Со мной справиться задача, а на-тко о чемъ загалдѣли. И меня бы не поймали, коли бы не стреножили, какъ лошадь... Ну, да ладно, урвусь я отъ васъ“.

Джамаатъ зашумѣлъ по уходѣ русскаго. Молодежь горячилась. Старики одни тихо переговаривались между собою. Даже кабардинскаго князя, несмотря на его значеніе, попросили удалиться въ сторону. Но и тутъ крашенымъ бородамъ мѣшалъ гвалтъ и крики толпы.

Гассанъ всталъ первый и пригласилъ другихъ...

— Пойдемъ въ мечеть, тамъ обсудимъ.

За нимъ послѣдовали и муллы. Молодые лезгины, оставшись на площади, одни стѣною окружили Сеферъ-Хатхуа. Джансеидъ и Селимъ, хорошо знавшіе о подвигахъ этого горскаго удальца, не отводили глазъ отъ него.

— Князь, что бы джамаатъ ни рѣшилъ, а мы съ тобою.

— Спасибо! Не раскаетесь. Мнѣ нужны храбрые люди.

— Вся наша салтинская молодежь за тебя.

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. У кого оружія нѣтъ, — дамъ.

— У всѣхъ, у всѣхъ есть,— послышалось кругомъ.

— У насъ, — заговорилъ Селимъ, — хлѣба, случается, не бываетъ, а оружія сколько угодно.

— Много-ли изъ вашихъ участвовало въ схваткѣ съ русскими?

— Всѣ почти!

— Мы съ дидойцами прежде на нихъ ходили.

— Насъ знаютъ подъ самымъ Дербентомъ.

— Постойте, а кто это изъ вашихъ молодцовъ, — только теперь я припомнилъ, — ворвался въ самый Дербентъ и, проскакавъ по его улицамъ, на глазахъ у русскихъ изрубилъ нѣсколько солдатъ?

— Джансеидъ, Селимъ, — заорала толпа. — Чего же вы молчите? О васъ вѣдь.

— Джансеидъ! Селимъ!

— Вотъ они, вотъ эти!

Оба юноши стояли молча, потупясь.

— Слава вамъ, — радостно взглянулъ на нихъ кабардинскій узденъ. — Такихъ и у насъ мало. Абдула! дай мою чашу.

Одинъ изъ его свиты кинулся въ домъ къ муллѣ и принесъ оттуда серебряный, очевидно, у русскихъ отбитый ковшъ.

— Будемъ же мы съ сегодняшняго дня кунаками и братьями! Будемъ всегда другъ съ другомъ и другъ за друга. Умремъ всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ!

Джансеидъ, Селимъ и Сеферъ-Хатхуа вытянули правыя руки, засучивъ черкески. Кабардинецъ, принесшій ковшъ, чуть-чуть коснулся ихъ кинжаломъ такъ, чтобы въ ковшъ попало по нѣскольку капель крови. Изъ ближайшей сакли принесли бузы. Ею налили ковшъ до краевъ и, положивъ другъ другу на плечо лѣвыя руки, трое молодыхъ людей пили ее, повторяя каждый:

— На жизнь и на смерть!

Кабардинскій князь, благодаря этому, дѣлался роднымъ цѣлому аулу.

Теперь, еще недавно негодовавшіе на него лезгины, умерли бы по одному знаку его руки.



III

Газаватъ.

Солнце стояло уже посреди неба, обдавая все внизу своимъ палящимъ зноемъ. Далеко, далеко, куда только проникли взоры, — тянулись причудливыя вершины Аварскихъ горъ. Долины между ними затянуло свѣтомъ. Грохотъ горныхъ потоковъ, ревъ водопадовъ, заглушавшіе все по ночамъ и на разсвѣтѣ, теперь притаились. Два или три раза среди общаго молчанія утомленной зноемъ природы, раздавались внизу выстрѣлы, но на нихъ никто не обращалъ вниманія. Какой-то пернатый хищникъ, раскинувъ громадныя, темныя крылья, ринулся въ одну изъ саклей и, выхвативъ съ ея двора курицу, взвился съ нею опять въ головокружительную высоту. Кабардинскій князь взялъ было ружье у своего нукера, да Джансеидъ остановилъ его.

— Ради Аллаха! Что ты дѣлаешь?

— А что?—удивился тотъ, недовольный тѣмъ, что ему помѣшали.

— Развѣ ты не знаешь нашего адата?

— У лезгинъ на все адаты!

— Это старый. Не у насъ однихъ! И по всей Чечнѣ его соблюдаютъ: когда старики передъ лицомъ Аллаха совѣщаются въ мечети, никто не смѣетъ стрѣлять въ аулѣ.

Узденъ передалъ ружье слугѣ и нахмурился.

— Долго ли они будутъ еще болтать. Нѣтъ, у насъ не такъ: нашъ джамаатъ передъ всѣмъ народомъ.

Но онъ не кончилъ: двери мечети растворились.

Всѣ жадно устремили туда горѣвшіе страстнымъ любопытствомъ взоры.

„Что-то покажется въ дверяхъ: вынесутъ ли муталлимы саблю или выйдутъ съ пустыми руками?“

Съ кровель поднялись женщины. Въ эту торжественную минуту онѣ забыли осторожность, и чадры сами спали съ нихъ... Вдругъ вся площадь точно ахнула... Въ темнотѣ изъ мечети показался самъ мулла Керимъ. Его никто не поддерживалъ, онъ шелъ по-юношески легко и въ правой рукѣ высоко держалъ обнаженную саблю. И не успѣлъ еще онъ ступить на накалившіеся каменья площади, какъ молодежь выхватила изъ-за поясовъ пистолеты, у кого были—скинули ружья изъ-за спины, и весь аулъ, казалось, затрепеталъ на темени утеса отъ оглушительной трескотни безпорядочныхъ выстрѣловъ. Подъ этотъ грохотъ старики выходили изъ мечети. Гассанъ шелъ позади, печальный, сумрачный. Мнѣніе его не одержало верхъ. Онъ зналъ русскихъ и предвидѣлъ гибель родного аула. Залпы вверху отдались въ долинахъ. Въ скалахъ все, что оставалось дома, выскочило на крыши и оттуда снизу тоже стало посылать выстрѣлы въ бездонную синь огневого неба. Съ окрестныхъ утесовъ всполошились спавшіе совы и филины, отдыхавшіе кречеты и соколы. Все это со-слѣпа поднялось вверхъ, и долго жалобные крики встревоженныхъ пернатыхъ разбойниковъ неслись съ высоты въ узкія улицы аула. Издалека другіе аулы съ другихъ вершинъ отозвались такими же выстрѣлами. Тамъ поняли, въ чемъ дѣло, и точно привѣтствовали отовсюду вспыхнувшій въ Салтахъ газаватъ. Сегодня весь Дагестанъ, такимъ образомъ, узналъ о священной войнѣ и сталъ снаряжать узденей на битву.

Одни только аулы казикумухцевъ (лаковъ) остались равнодушны. Впрочемъ, нѣтъ: всѣ ихъ жители поспѣшно собирались домой и соображали, какъ бы имъ дать знать „урусу“, что они не причемъ въ общемъ безуміи своего народа.

Лаки — купцы и промышленники. Они, какъ разносчики и ремесленники, бродятъ повсюду.

„Подними любой камень и ты подъ нимъ найдешь лака“, — го-

ворятъ лезгины. — „Если не застанешь его, то поколоти мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ“. Такъ непріязненно дагестанцы относятся къ продавшемуся шайтану казикумухцу.

Еще не успѣли старики выйти изъ мечети, какъ молодежь къ ея порогу приволокла за рога черныхъ барановъ.

Война была объявлена, — поэтому бѣлые не годились для сегодняшняго торжества. Одного за другимъ подводили животныхъ къ джаміи. Мутталлимы должны были держать ихъ за рога, а лезгины однимъ ударомъ шашки рубили имъ головы. Удачные удары возбуждали общій восторгъ, неудачные — насмѣшки... Быстрѣе молніи взвилась шашка Джансеида, и черная, кудлатая голова барана покатилась на плиты... Кровь его облила порогъ мечети.

— Хорошо, джигитъ! Руби такъ русскія головы... Хвала твоему отцу, да возрадуется его душа!.. Въ твоей саклѣ всегда будетъ достатокъ. Горе твоимъ врагамъ!

Бѣдному Селиму не повезло.

Своего барана онъ обезглавилъ съ трехъ разъ. Общій смѣхъ пошелъ по всей площади.

— Эй, Селимъ! — кричали ему, — ты бы остался дома холсты ткать, съ нашими женщинами, да чужихъ ребятъ няньчить.

— Селимъ по ошибкѣ носитъ черкеску.

Весь блѣдный стоялъ онъ, опустивъ голову. По горскому обычаю онъ не смѣлъ сердиться въ такую минуту.

Джансеидъ вступился за друга, замѣтивъ слезы на глазахъ Асланъ-Козъ.

— Чего вы напали на него? Виноватъ онъ развѣ, что у него шашка зазубрилась. Нашимъ шашкамъ давно вѣдь не было дѣла. Не мудрено! Не опускай головы, Селимъ. Я сейчасъ приведу тебѣ новаго барана. Только возьми мою шашку и оставь ее себѣ.

Но раньше, тѣмъ онъ пошелъ за животнымъ, Асланъ-Козъ крикнула сверху:

— Я сама приведу его, погодите. Селимъ всѣмъ вамъ докажетъ, что не у него, а у васъ прялки въ рукахъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ и оправился, услышавъ голосъ невѣсты, такъ смѣло вступившейся за него. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, — какъ она сама показалась на площади, едва волоча за рога обреченную жертву.

— Я встану рядомъ. И если тебѣ не удастся, — умру отъ стыда! — шепнула она на ухо Селиму.

— Джансеидъ, спасибо тебѣ! Возьми свою шашку назадъ.

— Оставь, оставь ее, она лучше твоей.

— Я покажу этимъ эшакамъ (эшакъ — оселъ), — презрительно окинулъ Селимъ всю площадь, — что моя сила не на кончикѣ языка. Не надо мнѣ шашки, у меня и кинжалъ исполнитъ ту же службу. Держи за рога, Асланъ-Козъ.

А самъ на мгновеніе зажмурился.

— Алла, Алла! — про себя прошепталъ онъ. — Если мнѣ не удастся, я вторымъ ударомъ себя принесу тебѣ въ жертву.

Весь блѣдный, онъ замахнулся,—и разрубленное животное, обливаясь кровью, рухнуло на камни площади.

Все кругомъ дрогнуло отъ восторга: обезглавить крупнаго барана однимъ ударомъ кинжала считалось самымъ мастерскимъ дѣломъ. Асланъ-Козъ — невыронила отрубленной башки. Она удержала ее, высоко поднимая надъ собою и не замѣчая, что кровь каплетъ прямо на ея шелковый башметъ.

— Слава Селиму! — восторженно кричала молодежь. Джансеидъ съ радостной гордостью смотрѣлъ на пріятеля.

Въ такой торжественный день нечего было беречь дорогого въ лезгинскихъ аулахъ дерева.

Мальчишки натаскали его на площадь, женщины принесли большіе чугунные котлы. Дѣвушки побѣжали внизъ къ потоку за водою...

Старики усѣлись подъ деревомъ въ ожиданіи общаго пира.

Только мулла Ибрагимъ не успокоился. Онъ спросилъ у Керима:

— Гдѣ у васъ русскій этотъ, плѣнный аскеръ?

— Внизу.

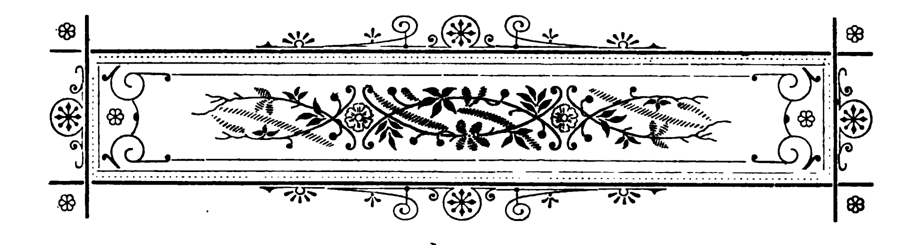
— Пойдемъ туда. Мнѣ надо убѣдить его спасти свою душу и тѣло. Онъ храбрый джигитъ.

— Я уже пробовалъ. Обѣщалъ ему саклю.

— Что же онъ?

— Подлая собака, въ глаза мнѣ плюнулъ. Пойдемъ, можетъ быть, сердце гяура не устоитъ передъ твоею мудростію.

И оба старика пошли по ступенямъ крутой улицы, внизъ, къ лачугѣ русскаго плѣннаго.



IV

Степанъ Груздевъ.

Первое время плѣна Степана Груздева держали въ колодкахъ, на цѣпи. Солдатъ все это выдерживалъ спокойно, вызывая уваженіе хозяина Гассана. Когда, наконецъ, сняли желѣзо съ плѣннаго,— ширванецъ началъ работать около дома, облегчая такимъ образомъ каторжный трудъ лезгинскихъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе долго еще по ночамъ его приковывали, такъ что, смѣясь, онъ самъ себя называлъ Валеткой и считалъ, что у лезгинъ онъ находится „на песьемъ положеніи". Часто въ безсонныя ночи, приподымаясь на локтяхъ, онъ вспоминалъ недавнее прошлое и съ добродушнымъ юморомъ отзывался, что азіаты накрыли его „силками", какъ перепела. И дѣйствительно: Степанъ Груздевъ былъ страстный охотникъ; его отпускали изъ Всесвятскаго укрѣпленія на нѣсколько дней, и всякій разъ онъ возвращался домой, едва передвигая ноги подъ тяжестью набитой имъ дичи. Случалось ему приносить и джейрана и части кабана. Въ одну изъ такихъ охотъ онъ усталъ и заснулъ въ лѣсу подъ громаднымъ дубомъ, на толстыхъ сукахъ котораго повѣсилъ ружье, патронташъ и, въ предосторожность отъ чекалокъ,—цѣлую вязку всякой птицу. Жара его такъ сморила, что въ прохладѣ молчаливаго лѣса онъ лежалъ, какъ убитый. Только къ вечеру Степанъ проснулся и глазамъ не повѣрилъ. Хотѣлъ было ихъ протереть, но руки его оказались къ колышкамъ привязаны.

Встать нельзя,—ноги спутаны. Онъ приподнялъ голову,—невдалекѣ горѣлъ костеръ, и въ багровомъ его заревѣ Груздевъ разсмотрѣлъ горбоносыя лица съ встопорщенными бровями, бритые лбы и крашеныя бороды.

— Эй вы! — крикнулъ онъ имъ, — воображая, что надъ нимъ подшутили мирные лезгины.

Но тутъ ему совершенно неожиданно пришлось опять упасть навзничь.

Какой-то пожилой горецъ подошелъ къ нему, прицѣлился въ упоръ и проговорилъ ломаннымъ языкомъ:

— Кричалъ іокъ. Яманъ будетъ. Башка кончалъ.

— Да вы, черти, что это? — уже потише, примирительнымъ тономъ заговорилъ Степанъ.

Лезгинъ снялъ путы у него съ рукъ. Степанъ замѣтилъ, что ноги ему связали обыкновеннымъ конскимъ треногомъ. Едва передвигая ихъ, онъ подобрался къ костру.

— Что жъ теперь будетъ, кунакъ?

— Мой кунакъ — іокъ. Мой твой Салты таскалъ, деньга бралъ.

Груздеву даже смѣшно стало, и онъ засмѣялся.

— Баранья башка! Какой за солдата выкупъ тебѣ, разбойнику. У нашего царя такихъ, какъ я, не перечесть. На всякаго выкупу не наберешь... Получай два абаза (абазъ — 20 коп.) на свое счастье!

Лезгины слушали его, ничего не понимая.

— Твой офицеръ или Иванъ?

Иванами они называли солдатъ.

— Иванъ, Иванъ!

Тѣ начали что-то болтать по-своему.

Степанъ Груздевъ замѣтилъ, что надъ костромъ жарится убитая имъ дичь и вынулъ изъ кармана соль.

— Хлѣбъ да соль!

Лезгины обрадовались. Соль считалась драгоцѣнностью въ горахъ.

Поужинали и, какъ только взошелъ мѣсяцъ и облилъ густыя вершины лѣса серебрянымъ свѣтомъ, лезгины поднялись, привязали Груздева за шею къ поводу, скрутили ему руки назадъ и растреножили ноги. До утра имъ надо было уйти въ горы, и только

тутъ ширванецъ понялъ, что онъ въ плѣну. Горевать, впрочемъ, ему было некогда. За горскими конями приходилось чуть ли не бѣжать на крутые въѣзды; когда онъ пріостанавливался, его стегали по плечамъ нагайкой, и разъ даже старый тогда Гассанъ ударилъ его слегка кинжаломъ въ спину. Колючки истерзали плѣнному ноги, крутые и острые кремни горнаго ската впивались въ нихъ, и скоро изъ ступней показалась кровь. Сапоги, какъ величайшую, рѣдкую въ горахъ, драгоцѣнность, лезгины съ него сняли.

— Ну, дѣлать нечего... Пропадать, видно, душѣ христіанской! и онъ уже рѣшительно легъ на землю.

Лезгинъ дернулъ коня, поводъ натянулся, и солдатъ чуть не задохнулся въ петлѣ, но выдержалъ и не поднялся съ земли.

— Кончай башку, шайтанъ треклятый! — ругался онъ.

Ногайка изъ сыромятнаго ремня заходила по его тѣлу. Груздевъ лежалъ пластомъ.

Гассанъ приставилъ дуло пистолета къ его виску. Степанъ началъ читать молитву:

— „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ“.

А потомъ, тихо уже, проговорилъ, словно про себя:

— Со святыми упокой. Со святыми упокой. Со святыми упокой!

Дуло отдѣлилось отъ его виска.

Лезгины сошлись около, залопотали что-то по-своему, осмотрѣли его ноги и тѣло и опять начали переговариваться. Дѣло кончилось тѣмъ, что на коня, который оказывался посильнѣе другихъ, посадили Степана; лезгинъ, сѣвшій позади его, крѣпко держалъ Груздева, точно боясь, что плѣнникъ даже истерзанный, убѣжитъ отъ него. Прячась по горнымъ трущобамъ, останавливаясь во рвахъ и оврагахъ днемъ и выѣзжая въ путь только ночью, лезгины черезъ недѣлю вернулись домой и сдали солдата своимъ бабамъ.

Появленіе русскаго въ аулѣ подняло всѣхъ на ноги.

Тяжелые дни переживалъ бѣдный ширванецъ.

Старухи, дѣтей которыхъ въ бою убили русскіе, нарочно прибѣгали въ саклю къ Гассану, чтобы плевать въ лицо связанному солдату. Одна впилась въ его щеки острыми когтями и ободрала ему кожу. Взбѣшенный Груздевъ вскочилъ на ноги, откуда сила взялась, — веревка, связывавшая ему руки, оборвалась, и бѣшенная

вѣдьма вверхъ ногами полетѣла внизъ по лѣстницамъ аульной улицы.

Груздевъ остервенѣлъ, онъ кинулся на другихъ, крича во все горло:

— Убей, а не мучь!

Прибѣжалъ Гассанъ, выгналъ бабъ и заперъ саклю, гдѣ былъ Степанъ. Теперь аульныя старухи приходили клясть его въ окна, но онъ уже не обращалъ на нихъ вниманія или отругивался по-своему. Когда онъ жаловался на цѣпь, Гассанъ ему говорилъ:

— Ты не долженъ оскорбляться этимъ: если бы ты былъ женщиною или рабомъ, мы бы тебѣ предоставили свободу, а вольнаго человѣка можно удержать въ плѣну только желѣзомъ.

Потомъ, впрочемъ, къ нему привыкли и сняли съ него цѣпь. Точно оправдывая мнѣніе горца, онъ попробовалъ было уйти, его поймали. Надрѣзали ему пятку, положили въ рану рубленнаго конскаго волоса и забили ноги въ колодки. Когда надрѣзы зажили, колодки сняли, но Груздевъ могъ уже двигаться только на носкахъ. Черезъ годъ ему уже совсѣмъ вылѣчили ноги; онъ сталъ работать на хозяина, философски рѣшивъ, что такъ значитъ тому и быть, а придется ему вѣкъ свѣковать въ этомъ горномъ аулѣ у азіатовъ... Онъ даже подружился съ Селтанетъ, приносившей ему по вечерамъ чашку съ хинкаломъ (галушками) и другую съ чесночнымъ соусомъ. Онъ пѣлъ ей русскія пѣсни, а оставаясь одинъ, случалось, даже плакалъ, вспоминая далекое село на Окѣ, ракиты, поросшія вокругъ и старую избу съ завалинкой, на которой сидитъ теперь его одряхлѣвшій отецъ и ждетъ не дождется вѣсточки о сынѣ.

Сегодня послѣ ссоры на джамаатѣ ему было особенно тяжко.

Онъ вышелъ изъ своей лачуги и между камнями сѣлъ надъ обрывомъ въ бездну, гдѣ гремѣлъ и бѣсился потокъ. Вѣтеркомъ вѣяло съ сѣвера. Съ родимой стороны тянуло, и старому солдату чудилось, что пахнетъ спѣющею озимью, тяжело осѣвшими къ землѣ хлѣвами равниннаго села.

Степанъ Груздевъ вздохнулъ и проговорилъ про себя:—„эхъ, ты доля долюшка!“

Отовсюду вѣяло дикою мощью.

Вонъ въ чащѣ движется какая-то точка.

Степанъ уже привыкъ къ далекимъ разстояніямъ, онъ разли-

чилъ сѣраго чеченскаго коня, всадника въ мохнатой буркѣ и бурой папахѣ. За нимъ другой, третій, четвертый. На скатѣ противоположной горы другіе, такіе же всадники. А тамъ еще и еще. Со всѣхъ ауловъ спускаются внизъ, сюда, въ Салты.

— „Почуяли праздникъ, — соображаетъ солдатъ. — Даровыхъ барановъ жрать! Теперь налопаются бузы, станутъ пѣсни пѣть да бахвалиться. Погоди! Доберутся до васъ наши ширванцы: насыплютъ вамъ соли на хвостъ, долго, оборванцы, не забудете... А впрочемъ, народъ ничего: храбрый народъ. Бунтуютъ ежели, такъ сдуру. Забрался на вышки и думаетъ, что здѣсь его рукой не достанешь. Небось, и не такихъ побѣждали. Руки не хватитъ, — штыкомъ нащупаемъ. А народъ, надо правду сказать, — воинъ; коли бы имъ настоящее понятіе, хорошіе бы солдаты были. Теперь барановъ рѣжутъ — глядь, и мнѣ лопатка достанется. На этотъ счетъ у нихъ благородио. А что работать заставляютъ, такъ вѣдь даромъ-то поди и чирій не вскочитъ. Вотъ только зеленая мулла ихняя, тоже лопочетъ: „Махнуткѣ нашему поклонись“. Нашелъ кому! Такой же гололобый былъ. Да у насъ въ полку Махнутку-то ихняго на задній редантъ поставили бы въ слабосильную команду“.

— Селямъ, Селямъ! — послышалось за нимъ.

— Навалило чертей! — встрѣтилъ двухъ муллъ съ переводчиками и муталлимами Степанъ Груздевъ. — Ну, чего еще?

— Да просвѣтитъ твое сердце Аллахъ!

— У насъ, братъ, свой Аллахъ есть, почище вашего будетъ.

Ибрагимъ-мулла указалъ мѣсто на гладкомъ камнѣ, муталлимъ разостлалъ ему коврикъ. Мулла Керимъ сдѣлалъ тоже. Оба сѣли и начали поглаживать бороды. Степанъ Груздевъ смотрѣлъ на горскихъ духовныхъ недоброжелательно. Очень ужъ надоѣли они ему.

— Твоя Иванъ, — заговорилъ Керимъ по-русски, — слушай, что его, большой мулла, говорилъ.

— Понапрасну стараться станете! Я бы вамъ сказалъ словечко, да не стоите вы.

— Ты ему передай, — важно обратился Ибрагимъ-мулла къ переводчику, — что скоро нашъ благословенный Султанъ, мечъ вѣры, огонь Аллаха, спалитъ всѣхъ невѣрныхъ и уничтожитъ ихъ, что уже готовы тьмы аскеровъ, истинныхъ тигровъ пророка. Отъ ихъ рыканія вздрогнула вселенная. Тысячи кораблей, каждый больше

этой горы, стоятъ въ Золотомъ Рогѣ и ждутъ только мановенія руки Султана. По слову Аллаха сбудется. Мы построимъ у нихъ вездѣ мечети.

— Ты ему скажи-ка,—заговорилъ Степанъ,—что въ Казани я стоялъ, новобранцемъ еще, съ полкомъ; тамъ добре много мечетей этихъ. А тамошняя татарва больше мыломъ торгуетъ. А насчетъ солдатъ ихнихъ — такъ наши нисколечко ихъ не боятся. Есть у насъ капитанъ Шерстобитовъ, такъ онъ одинъ со своею ротою, гарнадерская у ево рота, вашего султана повоюетъ и разнесетъ, какъ жидовскую перину. Только пухъ полетитъ. Ты ему, дураку, гололобому объясни по душѣ: коли я здѣсь одинъ, да всѣхъ васъ не боюсь, такъ какъ же матушка Россея турки ихней испугается. Эхъ, вы! одно слово Азія необразованная. Полковникъ Клюквинъ, теперь его возьми — ужели же онъ да вашего султана не осилитъ. Дастъ сигналъ: разсыпьтесь молодцы за камни, за кусты по два въ рядъ!

— Ты переведи ему,—важно продолжалъ мулла:—пускай онъ, пока еще есть время, приметъ нашу вѣру.

— Господи упаси!

— Мы его назначимъ бимъ-башею.

— Это еще что за чинъ?

— Большой начальникъ, значитъ.

— Вотъ оно! Хороши у васъ войска, когда вы простого солдатишку въ большіе начальники зовете. Нашли, чѣмъ смущать. Нѣтъ, братъ, здорово разнесемъ мы васъ, только суньтесь. У насъ такъ: какъ скомандуютъ „на руку—ура“, такъ мы хоть кого хочешь слопаемъ. Бимъ-башей тоже. Эхъ, рухлядь!

— Пусть онъ каждый день приходитъ въ мечеть. Я буду его много, много учить, пока Аллахъ не просвѣтитъ его разумъ.

— И вниманія не возьму. Чтобы я, рядовой третьей роты Ширванскаго полка да сталъ къ тебѣ ходить! И съ чего это тебѣ въ башку влѣзло.

— Не хочетъ онъ въ мечеть ходить, передалъ переводчикъ.

— Тогда его на цѣпь посадятъ, будутъ конопляными лепешками кормить.

— Всего, братъ, попробовалъ. Не испугаешь. Развѣ что голову срубите, — ваше дѣло, а на плечахъ останется — сами набѣ-

жите ордой просить аману. Скажи ему, что скоро придутъ сюда наши ширванцы, и отъ всего разбойнаго гнѣзда здѣшняго и мусорной кучи не оставятъ. Ровно будетъ. Точно никто никогда здѣсь и не жилъ. Поняли, гололобые?

— А почему ты знаешь, что русскіе придутъ сюда?

— Чудакъ человѣкъ, да какъ же имъ не прійти сюда, если капитанъ Шерстобитовъ скомандуетъ: „скорымъ шагомъ маршъ". Небось и не на такія вышки вскочишь. Ты ему, умница, разъясни, что ежели барабанщикъ да горнисты заиграютъ наступленіе, такъ тамъ никакъ нельзя не идти. Хоть въ лобъ, а пойдемъ. Такую мы присягу принимали.

— Мы васъ всѣхъ сверху перестрѣляемъ.

— Что жъ, бывало и это. Роту перестрѣляете,—вторая за ней; а тамъ и третья готова. У насъ народу много, побольше чѣмъ у васъ пуль. Тутъ вамъ и крышка будетъ.

— А ежели я на джамаатѣ скажу, чтобъ тебѣ голову отрубили?

— Кончалъ башка по вашему? Много доволенъ. Помирать-то надо каждому. Не очень-то ужъ сладка жизнь у васъ здѣсь. Только онъ пущай сначала Гассану за меня калымъ заплатитъ. Я знаю, на это у васъ адатъ есть. Ну, а заплатилъ, — твоя воля, тѣшь свою душеньку; коли есть на это твое такое произволеніе. Такъ ему и передай, и пущай онъ уходитъ къ себѣ, потому надоѣло мнѣ съ нимъ разговоры разговаривать! Все равно умнаго ничего не услышишь, а дуростью вашей я ужъ довольно по горло сытъ. Шли бы вы, старички, съ Богомъ, а не то я уйду. Сидите себѣ здѣсь на камени, мнѣ и то пора Гассану айранъ готовить.

И Груздевъ спокойно всталъ и поползъ вверхъ въ саклю своего хозяина.



V

Пиръ въ аулѣ.

Солнце закатывалось за отдаленные утесы Аварскихъ горъ и зажигало алтари на Шагъ-Дагѣ на Дервишъ-Баирѣ и Шайтанъ-Олсу. Еще нѣсколько мгновеній, и ихъ облило густымъ румянцемъ заката, точно по скалистымъ отвѣсамъ заструилась жертвеная кровь. Аулы пропали въ золотистомъ морѣ, наводнившемъ въ этотъ торжественный часъ все кругомъ. Скоро въ потемнѣвшей на востокѣ синевѣ вспыхнула звѣзда на челѣ ангела, полагающаго конецъ утомленному дню. И въ это мгновеніе со всѣхъ скалъ и утесовъ, отовсюду, гдѣ стояли аулы подъ минаретами своихъ мечетей — печальное и торжественное раздалось пѣніе муэззиновъ. Близился вечерній намазъ, и служители пророка напоминали правовѣрнымъ о томъ, что Аллахъ единъ и всемогущъ, что славѣ его нѣтъ конца и предѣла. Сначала запѣлъ на минаретѣ своемъ будунъ аула Салты. Изъ-за долины съ слѣдующей мечети отозвался ему муэззинъ Кадаха. Не успѣлъ еще печальный голосъ его всколыхнуть застоявшійся воздухъ, какъ съ третьей вершины надъ Кара-Койсу откликнулся такимъ же заунывнымъ напѣвомъ тамошній мулла. Аулъ былъ бѣденъ и не могъ содержать будуна. Скоро казалось, что всѣ эти утесы сами поютъ, славя всемогущество Господа. И когда напѣвы ихъ погасили, точно растаяли въ строгой

тишинѣ засыпающаго Дагестана, — кругомъ была уже тьма, и въ ней задумчиво сіяли звѣзды.

Не успѣлъ мѣсяцъ еще подняться надъ молчаливыми горами, какъ Селимъ выбилъ огонь изъ кремня, засвѣтилъ фитиль въ плошкѣ съ бараньимъ саломъ, при трепетномъ блескѣ его отыскалъ кинжалъ, пистолеты, подтянулъ серебромъ отдѣланный поясъ и, взбросивъ папаху на голову, беззаботно двинулся вверхъ на площадь джамаата.

Туда собрался уже почти весь аулъ.

Посреди ярко горѣли костры. Зарево ихъ багровѣло на стѣнахъ мечети и саклей. Минаретъ пропадалъ въ темени, но на кровляхъ всюду закутанныя въ бѣлое лезгинки казались фантомами, родившимися во мракѣ и осужденными въ немъ же и разсѣяться. Вода въ бассейнѣ отъ краснаго блеска костра алѣла кровью, и тонкія струйки этой крови струились оттуда по узенькимъ канавкамъ, исчезая въ черныхъ трещинахъ улицъ.

У костровъ толпился народъ.

Съ папахами на затылкахъ, опираясь на рукояти кинжаловъ, молодежь салтинская прислушивалась къ разсказамъ стариковъ о далекомъ времени, когда ихъ очи сверкали еще по-соколиному, а въ рукахъ не изсякала сила.

Кое-гдѣ сказочники тѣшили народъ преданіями о богатыряхъ; и порою шепотъ удивленія бѣжалъ оттуда, когда импровизаторъ сосредоточивалъ эффектъ на слишкомъ невѣроятномъ подвигѣ. То и дѣло, изъ окрестнаго мрака вырисовывались зловѣщія фигуры вновь пріѣзжавшихъ горцевъ. Салты давали праздникъ на всю окрестность; съ ближайшихъ вершинъ тянулись сюда джигиты, зная, что сегодня каждому здѣсь будетъ вволю айрану и бузы, и, какъ гостю, непремѣнно достанется баранья лопатка. Кое-гдѣ трепетали уже струны, и тихіе напѣвы неслись къ меланхолическимъ звѣздамъ дагестанскаго неба. У одного изъ костровъ сидѣли кабардинскій князь и Джансеидъ, жадно слушавшій разсказы молодого удальца, котораго знала и Чечня, и Аварія за перваго бойца и безпощаднаго врага русскихъ. Онъ передавалъ, какъ ему удалось бѣжать изъ плѣна, изрубивъ часового и укравъ у коменданта крѣпости его лучшаго коня. Отъ словъ его, дышавшихъ дикой волею и разгуломъ, слушатели разгорались жаждою боевыхъ

впечатлѣній. Казалось, это горный орелъ кричитъ съ высоты скалы, созывая другихъ на добычу. И какъ онъ преображался, вспоминая недавнія битвы. Глаза его загорались острымъ блескомъ; грудь подымалась высоко - высоко; онъ порою вскакивалъ, точно ему было тѣсно въ этомъ кружкѣ внимательныхъ слушателей. У кого - то въ рукахъ оказалась трехструнная лезгинская балалайка. Когда Хатхуа смолкъ, — тотъ заперебиралъ струны. Лезгины страстно любятъ пѣсню и у костра всѣ замолкли, слѣдуя за нервно трепетавшею ритурнелью. Въ холодѣющемъ воздухѣ южной ночи ни одного звука не пропадало, мелодія струилась въ ея мракъ и наполняла его неутолимою жаждою чего-то. Чего? Едва-ли кто-нибудь здѣсь могъ бы сказать объ этомъ. Жизни, подвига, счастія! Всѣхъ манило за этимъ напѣвомъ. Скоро вмѣстѣ съ нимъ, сплетаясь и расплетаясь, зазвучалъ тихій голосъ игравшаго. Каждая строка его пѣсни млѣла, тянулась и умирала, и вмѣстѣ съ нею словно что-то рвалось въ груди у слушавшаго. Кабардинскій князь кинулъ бурку къ огню и, растянувшись на ней, внималъ молча.

„Каждое утро по улицѣ красиво идешь ты.
Хороша!
Красиво надѣваешь алый шелкъ поверхъ зеленаго.
Хороша!
На тонкомъ станѣ твоемъ золотой поясъ съ эмалью.
Хороша!
На выкрашенныхъ хною рукахъ золотые браслеты.
Хороша!
Каждое утро разбрасываешь кудри.
Хороша!

Оборвавъ разомъ, пѣвецъ передалъ балалайку сосѣду. Тотъ долго перебиралъ ея струны. Напѣвъ ихъ дѣлался все жалобнѣе. Отъ сосѣднихъ костровъ собралось сюда много народа. Джансеидъ славился какъ хорошій пѣвецъ и, узнавъ, что онъ будетъ пѣть тоже, гости, съѣхавшіеся въ Салты, приблизились къ этому кружку и слушали, не слѣзая съ коней. Пламя костра бросало на ихъ суровыя лица свой зловѣщій отсвѣтъ. Прежде чѣмъ Джансеидъ началъ пѣсню, съ одной изъ кровель послышался тихій женскій голосъ:

„Вышла я утромъ на кровлю,
Гляжу я кругомъ и сквозь слезы

Вижу, какъ братъ мой далеко
Ѣдетъ, спускаясь въ ущелье".

Джансеидъ узналъ голосъ Селтанетъ. Онъ улыбнулся и, уже забывъ, что его слушаютъ посторонніе, запѣлъ съ тѣми модуляціями, съ тою дрожью голоса, которая присуща восточной пѣснѣ и придаетъ ей столько задушевности въ тихія ночи на улицахъ горныхъ ауловъ или въ благоуханныхъ садахъ долинъ, нѣжащихся въ сладкой дремѣ.

Джансеидъ кончилъ подъ общій гулъ одобренія.

— Твоя очередь, князь. Хочешь нехочешь, — долженъ пѣть, таковъ нашъ обычай.

И Джансеидъ передалъ балалайку Хатхуа.

Князь отбросилъ ее съ пренебреженіемъ и крикнулъ:

— Эй, Аметъ!

Нукеръ вышелъ изъ толпы.

— Принеси мнѣ мою садзу.

— Она здѣсь, господинъ.

— Дай мнѣ.

Пятиструнная садза была отдѣлана золотомъ и серебромъ. Джансеидъ залюбовался ею.

— Откуда ты досталъ такую?

— Турки возятъ къ намъ. Я на русскую плѣнницу вымѣнялъ. Нравится тебѣ?

— Да, я еще не видалъ такихъ.

— Значитъ, она твоя. Кончу пѣсню, и бери ее.

— Господинъ, что ты! Для меня это слишкомъ дорогой подарокъ.

Князь Хатхуа засмѣялся.

— Теперь ужъ поздно. У насъ въ Кабардѣ свои обычаи. Что другъ похвалитъ, то и отдай ему. Садза твоя, Джансеидъ. Только выучись играть на ней настоящія пѣсни. Вотъ у насъ въ Кабардѣ какъ поютъ.

Онъ смѣло ударилъ по струнамъ. Онѣ точно крикнули, и въ ихъ звукѣ почуялся отзывъ неукротимой души. Кабардинскій князь гордо оглянулся на всѣхъ и громко запѣлъ:

„Острый мечъ, рази вѣрнѣй!
Я смѣюся встрѣчной пулѣ!

Кто, скажите, всѣхъ смѣлѣй,
Веселѣе всѣхъ въ аулѣ?
Это я! Съ дороги прочь!
Въ вражьемъ станѣ у сосѣда
Не меня ли въ эту ночь
Пуля ждетъ или побѣда, —
Въ сѣчу дружину свою,
Поведя по самой кручѣ,
Буду виденъ я въ бою
Яркой молніею въ тучѣ.
Смерть врагу! Съ дороги прочь!

Вѣяніемъ бури неслась пѣснь по джамаату. Въ душахъ молодыхъ лезгинъ вспыхивало боевое одушевленіе; они невольно хватались за кинжалы и вскрикивали вмѣстѣ съ Хатхуа, бросая кому-то вызовы, точно въ потемкахъ, окружавшихъ площадь, таился близкій врагъ. Глаза ихъ разгорались. „Смерть ему!“ „Съ дороги прочь!“ отозвалось въ каждомъ сердцѣ, и когда кабардинскій князь допѣлъ, послѣ него никто уже не рѣшался дотронуться до струнъ. Всякая иная пѣсня показалась бы блѣдною передъ этой. Селимъ былъ уже около Джансеида; они вмѣстѣ дрожали отъ нетерпѣливаго желанія сразиться скорѣй и вернуться въ родной аулъ въ ореолѣ славныхъ подвиговъ. Скоро всѣ смолкли вокругъ костра. Люди смотрѣли въ огонь, будучи еще не въ силахъ пережить впечатлѣніе, навѣянное на нихъ пѣсней. Только громко трещали сухія вѣтки, разбрасывая тысячи искръ въ прохладную темень безмолвной ночи; точно золотыя змѣи пробѣгали въ огнистыхъ кучахъ угля, чьи-то кроваво-пламенные глаза и раскрывались, и смыкались тамъ. Молчали лезгины, молчали женщины на кровляхъ, мысленно повторяя про себя строфы молодого джигита, молчали всадники, еще окружавшіе сидѣвшихъ у огня. Лошади ихъ похрапывали, нетерпѣливо скребли копытами о камень и, помотывая головой, громко звенѣли отдѣланными въ серебро поводами. Послѣдній крикъ муэззина, меланхолическій и протяжный, замеръ надъ мечетью. Скоро пѣвшій будунъ сошелъ съ минарета и присоединился къ костру.

Скоро со всѣхъ сторонъ изъ окружающихъ площадь саклей показались слуги и женщины, неся на головахъ, громадные металлическіе подносы съ цѣлыми горами варенаго риса, проса и жаре-

наго мяса. Всѣ, начиная съ будуна и кончая послѣднимъ байгушемъ, встрепенулись. Пріѣзжимъ гостямъ очистили мѣсто, и за пловъ принялись просто пальцами. Для мяса у кинжаловъ есть маленькіе ножики, и у каждаго въ рукахъ оказался такой. Горцы ѣдятъ быстро и немного. Аппетиты были удовлетворены раньше, чѣмъ золотой рогъ луны зашелъ за черный минаретъ, и въ кружкахъ у костровъ показались большія чашки айрана и кувшины съ бузою. Бузу каждый отпивалъ сколько хотѣлъ и передавалъ сосѣду со словами: — „да благословитъ Аллахъ“; тотъ отвѣчалъ: — „да возвеличится твоя душа“. Когда дошла очередь до будуна, онъ посмотрѣлъ и оказалось, что еще полкувшина полно опьяняющимъ напиткомъ. Съ лукавою улыбкою надъ смѣявшимися джигитами, онъ долго держалъ устье кувшина у рта и, когда отвалился, вздохнувъ, проговорилъ сосѣду:

— Да будетъ твоя жизнь полна, какъ *былъ* этотъ кувшинъ, — и передалъ ему.

Горецъ припалъ, но съ изумленіемъ тотчасъ же отодвинулъ отъ себя кувшинъ и обернулъ его надъ огнемъ. Нѣсколько капель зашипѣло, падая въ полымя.

— Ай, да будунъ!.. Ай, да брюхо! Это онъ большой котелъ муллы въ животъ себѣ вставилъ.

Но будунъ уже не обращалъ на нихъ никакого вниманія и что-то напѣвая себѣ подъ носъ, безсмысленно смотрѣлъ въ костеръ.

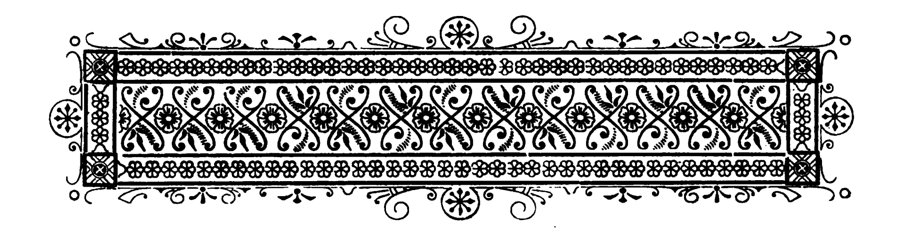
Востокъ уже свѣтлѣлъ. Туманы надъ ущельями и долинами бѣлѣли. Тускло пламя костровъ; румянымъ вѣнцомъ вспыхнула короновавшая весь Дагестанъ гора Шайтанъ-Дагъ. Женщинъ не было на кровляхъ. Звѣзды пропадали, и ночная темень неба точно блекла надъ утесами аула. Тихо привстали горцы отъ костра. Лезгины изъ другихъ горныхъ гнѣздъ вскочили на лошадей и лихо во весь карьеръ понеслись по ступенямъ крутыхъ улицъ. Только искры сыпались изъ-подъ копытъ. Вскакивая на сѣдла, джигиты стрѣляли на воздухъ, съ дикимъ гиканьемъ подвертывались подъ брюхо конямъ и оттуда опять посылали пули въ высоко подкидываемыя папахи. Сверху Хатхуа, Джансеидъ и Селимъ съ другой молодежью любовались джигитовкой всадниковъ и кричали имъ:

— До вечера!

А вечеромъ было назначено выступать въ набѣгъ на русскихъ.

Скоро стукъ копытъ и трескотня выстрѣловъ умолкли внизу. Однообразный туманъ точно проглотилъ всадниковъ и, когда Джансеидъ вернулся въ свою саклю и снялъ съ себя кинжалъ, чтобы улечься на нѣсколько часовъ до второго намаза, — вершины утесовъ уже горѣли, а по всему небу бѣжали огнистыя волны утренней зари, и въ старой чинарѣ, у мечети, проснулись и запѣли тысячи птицъ.

Будунъ такъ напился бузой и усталъ, что проспалъ свой намазъ. Весь аулъ былъ теперь погруженъ въ глубокую тишину, и только кошки бѣгали по его плоскимъ кровлямъ да собаки, лежа на холодныхъ и влажныхъ отъ ранняго тумана камняхъ, тявкали невѣдомо зачѣмъ.



VI

Набѣгъ.

Утромъ, когда послѣ вчерашняго пира аулъ, наконецъ, проснулся, народъ отправился къ мечети. Сегодня вечеромъ молодежь выступала въ набѣгъ, и мулла обѣщалъ торжественное служеніе съ пріѣхавшимъ изъ Кази-Кумуха муршидомъ (наставникомъ тариката), муридами (учениками, одержимыми джазме — влеченіемъ къ божеству) и съ проповѣдью турецкаго шейха. Плотно закутанныя въ бѣлыя покрывала, стуча кованными каблуками туфель, бѣжали женщины по деревяннымъ лѣстницамъ на хоры, отдѣленные отъ остальной мечети плотною рѣшеткой. Медленно и важно внизу усаживались на плетеныя камышевыя циновки и на принесенные съ собою коврики — крашеныя бороды — старики. Молодежь, которой вечеромъ предстояло оставить аулъ, вооруженная до зубовъ, заняла средину джаміи. Тишина царила въ ея полумракѣ. Огоньки лампадокъ, висѣвшихъ съ потолка на тонкихъ желѣзныхъ цѣпочкахъ, тускло мигали розоватымъ свѣтомъ. По стѣнамъ были развѣшаны пестрые картоны, безъ числа повторявшіе арабскою вязью святыя имена Аллаха и его пророка Магомета. Передъ порогомъ мечети площадь была завалена мелко рубленною соломою-саманомъ, чтобы стукъ копытъ подъѣзжавшихъ коней не мѣшалъ молитвѣ аула. Впереди уже сидѣли кази-кумухскій муршидъ съ одержимыми джазме

муридами. Они казались погруженными въ сонъ: и головы склонили на грудь, и тѣла ихъ были неподвижны. Только изрѣдка, точно просыпаясь, муршидъ восклицалъ: „Ля-илляги-иль-Аллахъ“, и тотчасъ же эта священная фраза, будто дуновенiемъ вѣтра, повторялась его учениками. Мулла и шейхъ по очереди читали свитокъ корана и заунывно пѣли молитвы, призывавшiя гнѣвъ вседержителя на головы гяуровъ. Мулла поднималъ порою саману и, разбрасывая его кругомъ, просилъ Магомета не посылать невѣрнымъ псамъ христiанамъ иной пищи, а шейхъ рекомендовалъ Азраилу такъ заострить шашки и кинжалы здѣ предстоящихъ джигитовъ, чтобы головы уруса валились въ грязь отъ одного прикосновенiя ихъ лезвiя. Потомъ оба, и мулла, и шейхъ, затянули общую пѣсню. Она призывала всѣхъ, павшихъ въ бою съ русскими и наслаждающихся теперь среди прелестей мусульманскаго рая, праведниковъ слетѣть съ лазурной высоты. Изъ бирюзовыхъ дворцовъ, изъ-подъ изумрудныхъ рощъ, сверкающихъ рубиновыми гроздями цвѣтовъ, отъ медовыхъ рѣкъ поспѣшить въ долины Шахъ-Дага и своимъ вмѣшательствомъ даровать въ бою побѣду ихъ вѣрнымъ служителямъ на вѣчное посрамленiе русскихъ. Гимнъ этотъ былъ подхваченъ присутствовавшими, и скоро дребезжавшiе голоса стариковъ и сильно грудные — молодежи присоединились къ нему. Въ тишинѣ аула казалось, что каждый камень джамiи поетъ надъ убогими саклями и безлюдными уступами улицъ. Пѣсня эта все росла и росла, крѣпла, охватывая, какъ пламя пожара, минаретъ и уносясь далеко въ небеса, потому что находившiйся на башнѣ будунъ присоединился къ ней, и его звучный голосъ покрывалъ всѣ остальные. Однѣ женщины наверху не смѣли пѣть общей молитвы; онѣ только били себя въ грудь, повторяя одну дозволенную имъ фразу: „ля-илляги-иль-Аллахъ“. Асланъ-Козъ и Селтанетъ, стоя у самой рѣшетки, сквозь ея просвѣты отыскали внизу Джансеида и Селима и уже не отрывались отъ нихъ печальными глазами. Напрасно мать Асланъ-Козъ дергала ее за чадру и вмѣстѣ съ чадрою—за косы, та даже не оглядывалась на старуху. Когда въ общемъ хорѣ слышались голоса ихъ избранниковъ, обѣ дѣвушки зажмуривались, прислушиваясь къ нимъ; а когда молитва, наконецъ, замерла, по восточному обычаю минорными тонами, онѣ переглянулись, улыбаясь одна другой.

— Ты его видѣла вчера? — спросила Селтанетъ.

— Да, передъ праздникомъ на джамаатѣ.

— Джансеидъ приходилъ ко мнѣ сегодня утромъ. Я отдала ему хатафъ и хаятъ.

— У тебя красный хатафъ?

— Да.

— Счастливая ты.

Красный хатафъ—находимый въ гнѣздѣ ласточки камень, укрѣпляетъ нервы, прогоняетъ печаль и дѣлаетъ сердце недоступнымъ страху. Хаятъ—тоже камень, въ видѣ пули. Онъ у нѣкоторыхъ змѣй, по преданію, растетъ въ головѣ. Его прикосновеніе сразу останавливаетъ кровь, текущую изъ раны.

— Счастливая ты. Я ничего не могла дать Селиму.

— Смотри, смотри, старый муршидъ подымается.

Двое муталлимовъ подбѣжали къ бѣлобородому учителю тариката и подняли его подъ руки. Тотчасъ же, не опираясь о землю, всѣ двѣнадцать муридовъ встали, какъ на пружинахъ. Муршидъ занялъ мѣсто посреди мечети, и муриды поочереди подходили къ нему и кланялись, а онъ возлагалъ имъ на головы руки. Блѣдныя лица муридовъ уже поводило судорогами, глаза начинали блистать неестественно и лихорадочно, груди ихъ задышали порывисто.

— „Приближается, приближается", запѣлъ муршидъ.—„Священный духъ джазме недалеко. Онъ палитъ огнемъ моя внутренняя".

Пѣсню эту подхватывали муриды.

И вдругъ, какъ-то странно качаясь, муршидъ подбѣжалъ сначала къ одному, потомъ къ другому и такъ ко всѣмъ двѣнадцати муридамъ поочереди, дуя имъ въ лица. Въ это время мулла, шейхъ и присутствовавшіе пѣли *зикра*, молитву, состоявшую изъ безчисленнаго повторенія: нѣтъ бога, кромѣ бога! Послѣ дуновенія муршида эта молитва ураганомъ подхватила учениковъ тариката. Ихъ всѣхъ обуялъ общій припадокъ фанатическаго изступленія, они схватились за руки и стали раскачиваться головами вправо и влѣво, впередъ и назадъ подъ тактъ священнымъ словамъ: „ля-илляги иль-Аллахъ" и вслѣдъ за головою двигалось ихъ тѣло, а стоявшій передъ ними муршидъ, исполняя то же самое, былъ для нихъ какъ бы камертономъ... „Ля-илляги иль-Аллахъ", и движенія ихъ дѣлались быстрѣе и порывистѣе. Еще минута, и ихъ нельзя было уловить, въ глазахъ у присутствовавшихъ мелькала стѣна этихъ людей,

качавшаяся во всѣ стороны, голоса ихъ сдѣлались хриплы, точно ранѣе, чѣмъ звукъ выходилъ изъ горла, что-то обрывало его тамъ и задерживало. Въ рѣдкія мгновенія, когда можно было замѣтить отдѣльныя лица, видно было, что они всѣ побагровѣли, глаза налились кровью, волосы поднялись на головѣ дыбомъ и вмѣстѣ съ нею вихрами носились во всѣ стороны. Какъ-то безсознательно ученики подчинялись муршиду: запрыгалъ онъ, и вся эта стѣна запрыгала, не прекращая прежняго движенія головою и корпусомъ. Скоро посреди мечети совершалось что-то невообразимое. Въ общемъ гулѣ гортаннаго хора конвульсивно трепетало, подскакивало, падало, раскачивалось судорожно, билось двѣнадцать тѣлъ. Взгляды потеряли человѣческое выраженіе. Молодежь съ благоговѣніемъ внимала имъ и смотрѣла на избранниковъ каримата (сновидѣнія)... Души этихъ одержимыхъ, по мнѣнію лезгинъ, были уже въ раю и видѣли тамъ Магомета и святыхъ. Даже край одеждъ Аллаховыхъ носился въ высотѣ надъ ними, и муриды уже были недалеко отъ звѣздъ и солнца, которыми оторочены эти одежды. Когда конвульсіи сильнѣй охватывали бѣснующихся, и въ крикахъ ихъ слышалось страданіе, это значило, что изъ рая души ихъ отправились съ адъ и видятъ, какъ тамъ мучаются грѣшники. Пророки говорили въ эти минуты съ муридами, ангелы подхватывали и уносили ихъ на бѣлыхъ крылахъ въ недосягаемыя бездны неба. Въ такія минуты муриды позволяли колоть себя кинжалами, жечь руки и ноги головнями, не ощущая ни малѣйшаго страданія. Салтинскіе старики мало-по-малу увлекались движеніемъ цѣпи муридовъ и состояніемъ джазме, въ которомъ тѣ находились. Они сами начинали, сидя, раскачиваться во всѣ стороны, повторяя:—„нѣтъ бога, кромѣ бога“, и, немного спустя, молодежь присоединялась къ нимъ.

Джансеидъ, Хатхуа и Селимъ вышли къ дверямъ, не желая поддаваться этому изступленію, надолго ослабляющему тѣло, и сѣли у порога. Солнце уже ярко свѣтило на площадь джамаата; всѣ ея камни блистали подъ лучами. Дерево посреди гудекана вздрагивало, точно каждый листокъ его хотѣлъ вволю напиться тепла и свѣта, и тысячи птицъ возились и щебетали въ его чащѣ. Долины и ущелья были теперь видны во всей прелести, въ пышномъ уборѣ весенней растительности, въ эмалевой отдѣлкѣ обрушивавшихся туда утесовъ, въ серебряныхъ нитяхъ бѣжавшихъ по

нимъ потоковъ, въ радужныхъ облакахъ водопадовъ. Немного спустя, изъ мечети стали выносить и класть въ тѣнь подъ чинару упавшихъ въ обморокъ муридовъ. Ихъ помѣщали точно дорожку бокъ къ боку, между ними улеглись болѣе благочестивые изъ мусульманъ и одержимые упорными болѣзнями. Матери приносили своихъ дѣтей и укладывали ихъ спинами вверхъ и лицомъ къ землѣ. Такимъ образомъ отъ чинары къ дверямъ мечети образовалась живая полоса плотно прижавшихся одно къ другому тѣлъ. Славившійся святостію муршидъ торжественно вышелъ оттуда, поддерживаемый подъ руки муллою и шейхомъ. Ему подвели лошадь, онъ сѣлъ на нее, тѣ же сановники взяли подъ уздцы и повели коня по спинамъ и грудямъ лежавшихъ богомольцевъ. Конь медленно ступалъ на нихъ своими копытами, муршидъ громко пѣлъ исповѣданіе тариката, ему вторили—мулла, шейхъ, будунъ и муталлимы, шедшіе позади всѣхъ по тѣмъ же тѣламъ. Той же дорогою они вернулись назадъ, и лежавшіе вскочили на ноги, славя мудрость Аллаха.

— Ты что жъ не легъ? — обратился насмѣшливо кабардинскій князь къ Джансеиду.

— Я не вѣрю въ это.

— И ты тоже?

— Я еще мальчикомъ,—засмѣялся Селимъ,—пробовалъ кольнуть иголкой одного изъ одержимыхъ.

— Ну?

— Онъ вскочилъ и убѣжалъ изъ мечети... Есть и между ними, только не всѣ. Я думаю, что Аллахъ и безъ этого пошлетъ намъ побѣду, потому что дѣло наше правое. Мы для него же идемъ на смерть. Ты знаешь нашу пѣсню?

— Какую?

— А вотъ!

И вполголоса онъ запѣлъ суровую боевую поэму лезгинскихъ абрековъ:

„Кто, отважный, обрекъ себя Богу,
Безъ боязни иди на дорогу.
Все, что видитъ орлиное око
Позади, впереди и далеко,
Облака и сіянье лазури,

И утесы, и вихри, и бури —
Все послужитъ, во славу Аллаха,
Начинанью джигита безъ страха.
И не мѣсто безплоднымъ тревогамъ,
Если смерть суждена тебѣ Богомъ.
Азраилъ надъ тобою несется,
Пусть душа, какъ орелъ, встрепенется;
Улыбайся, глаза закрывая,
Иль не слышишь — далекаго рая
Ужъ звучатъ, не смолкая, напѣвы;
Ждутъ тебя благодатныя дѣвы!“

Духовенство, вернувшись въ мечеть, опять вышло оттуда съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ. Оно теперь обходило всѣ улицы аула и передъ тѣми саклями, откуда должны были уѣхать джигиты въ набѣгъ, пѣло молитвы о ихъ благополучномъ возвращеніи. Джансеидъ и Селимъ отправились къ себѣ. Сегодня надо было сдѣлать еще многое. Дома у нихъ женщины давно собрали высушенную въ зернѣ коноплю, разминали ее между гладкими каменьями, мѣсили съ медомъ и приготовляли сухари. Надъ очагомъ сушились куски баранины. Всю эту провизію воинъ долженъ былъ взять съ собою, потому что вплоть до [illegible]къ-Дага не достанешь ничего. Эта часть Дагестана такъ бѣдна, что и въ окрестныхъ аулахъ дай Богъ самимъ какъ-нибудь прокормиться. Тутъ каждую пядень земли, годную для посѣва, надо отвоевать у камня. Въ горахъ не только у Койсабулинцевъ, но и вездѣ, даже подъ сравнительно богатыми Салтами, можно видѣть, какъ лезгины съ торбою, привязанною къ поясу, съ двулапымъ крючкомъ, насаженнымъ на длинную палку, ищутъ трещины, чтобы вонзить туда желѣзныя когти. И найдя, они подымаются на полшеста, вбиваютъ гвоздь между камнями надъ бездной, становятся на него и забрасываютъ дальше когти, пока не доцарапаются до нѣсколькихъ шаговъ земли на уступѣ, гдѣ можно посѣять горсточку пшеницы. Джансеидъ и Селимъ давно осмотрѣли свое оружіе. Оно у нихъ было въ порядкѣ. Коней сегодня кормили на славу ячменемъ, слегка облитымъ бузою. Ночью и завтра имъ предстояла трудная работа.

Когда мулла съ шейхомъ запѣли передъ саклею молитву, Джансеидъ вынесъ имъ мѣрку пшена, горсть проса, немного сукна, которое въ горахъ ткутъ женщины.

— Счастливаго возвращенія! Большой добычи,—кричали ему муталлимы.

Пришлось дать и имъ.

— Сотню плѣнниковъ и бочку золотыхъ монетъ,—сулилъ ему будунъ.

Съ будуна было довольно полуабаза.

За саклей Джансеида былъ небольшой дворикъ, обнесенный каменной стѣной... Когда духовные ушли, Джансеидъ раскинулъ свою черкеску на земляномъ полу, высматривая, что ему съ нею надо сдѣлать.

Сердце защемило, точно смерть уже коснулась его холодными пальцами. Чистя дуло ружья, онъ напѣвалъ про себя въ саклѣ чеченскую пѣсню, которую любили и аварскіе лезгины.

„Высохнетъ земля на могилѣ моей,
И забудетъ меня родная мать,
Поростетъ кладбище жесткою травою,
Заглушитъ трава твое горе, мой старый отецъ,
Но не забудетъ меня мой старшій братъ,
Пока не отомститъ за мою смерть.
Но не забудешь и ты меня, мой второй братъ,
Пока не ляжешь рядомъ со мною.
Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть,
Но не ты-ли была мнѣ вѣрною рабою?
Черная земля, ты покроешь меня,
Но не я-ли тебя конемъ топталъ?
Холодна ты, ранняя смерть,
Но вѣдь самъ я былъ твоимъ господиномъ“.

Не долго пришлось Джансеиду сидѣть у себя въ саклѣ.

Передъ заходомъ солнца будунъ съ минарета пропѣлъ экимджинамазъ. Не успѣли заунывные звуки его голоса разсѣяться въ воздухѣ, какъ въ саклѣ поднялась суматоха. Изъ женскаго отдѣленія выбѣжала старуха-мать и кинулась обнимать и цѣловать сына, едва сохранявшаго приличную мужчинѣ сдержанность, у порога появилась маленькая сестренка его — Керимать; она держала въ поводу уже засѣдланнаго вороного коня, нетерпѣливо бившаго копытомъ о земь. Конь былъ снаряженъ къ походу. Онъ грызъ удила и, оглядываясь на джигита, точно спрашивалъ его большимъ умнымъ взглядомъ: скоро-ли ты, наконецъ?

Джансеидъ, освободившись отъ объятій матери, хоть у самого въ глазахъ стояли слезы, набросилъ на себя бурку, приторочилъ

къ сѣдлу связку тонкихъ веревокъ, закинулъ за спину ружье въ мохнатомъ чехлѣ, сунулъ за поясъ пистолеты, у порога нагнулся, взялъ горсточку земли и, всыпавъ ее въ маленькій мѣшочекъ, повѣсилъ его себѣ на шею. Родная земля должна была сопровождать его повсюду. Если-бы его убили, — товарищи, зарывъ его трупъ, посыпали-бы его этой землей. Ему-бы легко было въ могилѣ, и это-бы значило, что онъ похороненъ дома. Сестра держала ему стремя, таращa на брата громадные глаза, сверкавшіе жаднымъ любопытствомъ. Джансеидъ передъ самымъ отъѣздомъ всетаки не выдержалъ, бросился къ матери еще разъ, порывисто обнялъ ее, припалъ головою къ ея плечу и черезъ нѣсколько мгновеній, наклонясь къ лукѣ, стремглавъ несся вверхъ къ мечети по ступенямъ улицы. Изъ-подъ копытъ его коня летѣли искры. Молодые лезгины уже начинали собираться. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ. Посреди гудекана, недвижно сидѣлъ въ сѣдлѣ, окруженный муталлимами мулла съ зеленымъ знаменемъ. Онъ долженъ былъ проводить партію до Салтинской границы. По обычаю предковъ, надо было выступать вечеромъ въ семь часовъ, чтобы первую ночь провести на самомъ рубежѣ. Чохи и черкески блистали сегодня позументами. Салтинцы въ этомъ отношеніи не походили на другихъ горцевъ, они любили щеголять, и остальные лезгины называли ихъ „женихами“. Юноши и возмужалые бойцы молодцовато гарцовали по площади, зная, что съ кровель на нихъ смотрятъ и ими любуются дѣвушки. Джансеидъ подъѣхалъ къ Селтанетъ, Селимъ—къ Асланъ-Козъ, обѣ были рядомъ. Невѣсты осыпали ихъ лепестками розъ, что предвѣщало счастіе.

— Смотрите, не сдѣлайтесь русскими,—смѣялась Селтанетъ.

— Глядя на вечернюю звѣзду, думай обо мнѣ, — тихо проговорила грустная Асланъ-Козъ.

— И на вечернюю, — и на утреннюю!

— Желаю крѣпости твоей рукѣ, силы удару, вѣрности глазу, продолжала первая. Пусть конь твой вихремъ ворвется къ врагамъ, пусть твоя шашка молніей разитъ ихъ.

— Благодарю, соловей.

— Да хранитъ тебя Аллахъ для меня и для нашего счастія! — еще тише уронила Асланъ-Козъ и быстро закрыла лицо, чтобы никто не замѣтилъ, какъ предательскія слезы заструились по немъ.

Была пора.

Вокругъ муллы уже собрались вмѣстѣ съ кабардинскимъ княземъ всѣ, кто участвовалъ въ войнѣ съ русскими. Когда, взмахнувъ зеленымъ знаменемъ, мулла двинулся впереди въ узкую улицу аула, воиновъ со всѣхъ кровель осыпали цвѣтами, а старики рѣзали у дверей саклей барановъ и брызгали свѣжею кровью на родныхъ и знакомыхъ, восклицая:

— Такъ да прольется кровь невѣрныхъ изъ-подъ вашихъ шашекъ.

— Да дастъ Аллахъ благополучіе вамъ, отвѣчали тѣ.

Отовсюду слышались выстрѣлы, вопли матерей, рыданія невѣстъ, уже не сдерживавшихъ горя. И когда стѣна Салты осталась позади, мулла запѣлъ, и всѣ подхватили хоромъ боевую пѣсню, истинный гимнъ газавата, подъ который впослѣдствіи съ улыбкой умирали тысячи такихъ же джигитовъ.

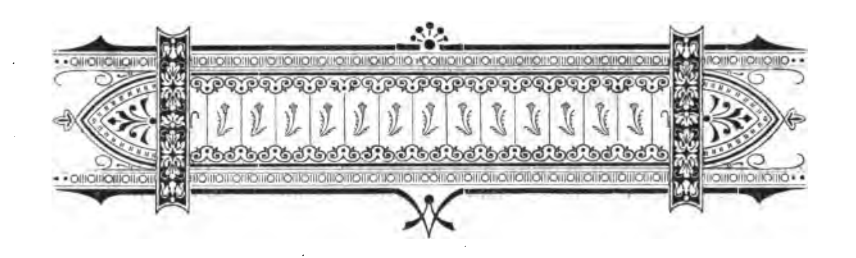
„Слуги вѣчнаго Аллаха!
Къ вамъ молитву мы возносимъ:
Въ дѣлѣ ратномъ счастья просимъ.
Пусть душа не знаетъ страха,
Руки — слабости позорной,
Чтобъ обваломъ безпощаднымъ
Мы къ врагамъ слетѣли жаднымъ
Съ высоты своей нагорной.

* * *

Помогите, помогите!
О, святые, къ вамъ взываемъ,
Магомета умолите, —
Безъ него мы погибаемъ.
Нѣтъ у насъ иной защиты,
Нѣтъ заступника иного,
Безъ него мы всѣ разбиты,
Съ нимъ сразимъ врага любого!

* * *

Двѣрь побѣды растворяя
Для рабовъ своихъ покорныхъ,
О, пророкъ, ауловъ горныхъ,
Не забудь въ утѣхахъ рая,
Наша кровь рѣкой польется,
Но за муки и страданья
Тѣмъ сторицею воздается,
Кто томится въ ожиданьи!“



VII

Въ ущельи.

Солнце давно зашло. Въ ущельи было темно. Подъ кустами, осыпанными ароматнымъ весеннимъ цвѣтомъ, уже проснулись свѣтляки. Далеко-далеко выли шакалы... У самаго пути въ густыхъ заросляхъ подымалось загадочное шуршанье, и слышалось недовольное хрипѣнье кабановъ, потревоженныхъ въ ихъ вечернемъ покоѣ. Мулла давно вернулся съ будуномъ и муталлимами, и боевая партія джигитовъ молча уже свершала путь... Слышался по дорогѣ только стукъ копытъ о кремнистую почву. И ни слова, ни шутки не звучало среди молодыхъ лезгинъ. Газаватъ — святое дѣло, — и кромѣ религіозныхъ гимновъ, обрекшимъ себя этому подвигу неприличны ни разговоры, ни смѣхъ. Оружіе было пригнано такъ, что, ступай кони по мягкой землѣ, врагъ въ пяти шагахъ не различилъ бы приближенія горцевъ. Ружья лежали въ бурочныхъ чехлахъ, кинжалы не стучали о пистолеты, пистолеты не сталкивались съ шашками, шашки висѣли—не встрѣчаясь съ стременами, обувь у всѣхъ была мягкая, кованныхъ каблуковъ ни у кого, такъ что и стремена не звучали подъ ногами всадниковъ. Смерть таилась въ зловѣщей тишинѣ. „Подступай къ врагу, какъ лисица, и нападай на него, какъ раненый кабанъ",—говоритъ горская пословица. Такъ они и дѣлали. Шамилю не пришлось ничего новаго выдумать въ

тактикѣ горной войны. Онъ только собралъ въ одно стройное цѣлое всѣ боевые привычки лезгинъ, чеченцевъ и кабардинскихъ племенъ, создавъ, такимъ образомъ, несравненный военный кодексъ кавказскихъ гверильясовъ, восемьдесятъ лѣтъ въ своихъ горныхъ узлахъ смѣявшихся надъ испытанными русскими войсками. „Умри, когда врагъ тебя ждетъ, и воскресни, когда онъ устанетъ и успокоится", — говорили лезгины. Чеченцы прибавляли къ этому: — „обмани, и только если нельзя этого,—бей врага лобъ въ лобъ!" Кабардинцы еще мѣтче выражали свою тактику: „огорчи послѣднее мгновеніе умирающаго непріятеля сознаніемъ того, что онъ, какъ ребенокъ, былъ обманутъ тобою".

Избранный вождемъ кабардинскій князь, нахмурясь, ѣхалъ впереди, и за нимъ Джансеидъ везъ значекъ партіи: трехъугольный зеленый лоскутъ на древкѣ, оканчивавшемся посеребренною рукою. Долго джигиты молча подвигались впередъ. То и дѣло, черезъ ущелье изъ поперечныхъ такихъ же съ грохотомъ и ревомъ проносились безчисленныя Койсу — весеннія рѣки. Онѣ казались облаками бѣлой пѣны, бѣсившейся въ камняхъ, перегородившихъ ихъ неудержимое стремленіе внизъ, въ долину. Въ этой пѣнѣ пропадали джигиты, но привычные горскіе кони ни разу не споткнулись на мокрыхъ каменьяхъ, шумъ потока не могъ оглушить ихъ, неукротимая быстрота его движенія не кружила имъ головы. Насквозь вымокшіе, но не потерявшіеся всадники и лошади, одолѣвшіе потокъ, взбирались на отвѣсы, бодро вскачь выносились на ихъ гребни, чтобы тотчасъ же спуститься въ неистовую кипѣнь такого же Койсу и пропасть въ немъ на нѣсколько мгновеній. Молодой мѣсяцъ въ эту ночь свѣтилъ уже больше чѣмъ, вчера, и туману, укутывавшему горы, придавалъ голубые оттѣнки. Вдали, въ глубинѣ боковыхъ ущелій, часто мигали огоньки. Всякій разъ, проѣзжая мимо нихъ, кабардинскій князь начиналъ гимнъ газавата, подхватывавшійся всѣми его всадниками.

„Слуги вѣчнаго Аллаха!
Къ вамъ молитву мы возносимъ,
Въ дѣлѣ ратномъ счастья просимъ,
Пусть душа не знаетъ страха,
Руки — слабости позорной,
Чтобъ обваломъ безпощаднымъ

Мы къ врагамъ слетѣли жаднымъ
Съ высоты своей нагорной“.

Когда огоньки приближались, въ сакляхъ горныхъ ауловъ лезгины, узнавшіе боевую пѣсню товарищей, выходили на стѣну и издали кричали:

— Да благословитъ Аллахъ ваше дѣло!

— Да дастъ Магометъ вамъ побѣду!

— Пусть погибнутъ русскіе отъ вашего приближенія, какъ хлѣбные черви отъ ранней зимы.

Такимъ образомъ джигиты подъѣзжали къ снѣговымъ шапкамъ трегдаваго Чарахъ-Дага, сіявшимъ теперь подъ луною, точно окованные матовымъ серебромъ вѣнцы сказочнаго великана; около курились туманы, но мѣсяцъ и ихъ заколдовалъ совсѣмъ, и они казались вѣнчальною фатою, раскинутою Чарахъ-Дагомъ надъ невѣстой, покоившейся въ его глубокой долинѣ. Гдѣ-то послышалось словно рыданіе въ воздухѣ, и тѣнь отъ большихъ крыльевъ проплыла надъ всадниками. Тутъ ущелье расширялось, мѣстная Койсу разлилась пятью рукавами и сверху вся была видна, какъ серебряный узоръ по черному шелку. Ревъ воды доносился къ всадникамъ, и, доѣхавъ сюда, кабардинскій князь круто остановилъ коня.

За пятью рукавами Чарахъ-Дагскаго Койсу, точно изъ чьей-то горсти, были разсыпаны огни большого аула. Еще нѣсколько огней тускло мигало съ отвѣсовъ горы. Когда партія джигитовъ остановилась, передовые замѣтили, что черезъ рукава рѣки тоже перебираются всадники навстрѣчу. Рѣка тутъ по широкой и ровной долинѣ неслась ровно и тихо. Кругомъ стояло мертвое безмолвіе горской ночи, такъ что, когда сверху изъ-подъ копытъ коня летѣлъ кремень внизъ въ додину, онъ своимъ легкимъ шумомъ наполнялъ тишину засыпающей природы.

— Это они? — спросилъ кабардинскій князь у Джансеида.

— Да, — тихо отвѣтилъ тотъ.

Здѣсь съ нимъ совершилось что-то странное.

Молодой лезгинъ былъ встревоженъ. Онъ опасливо оглядывался по сторонамъ, точно ожидая врага невзначай или удара издали. Значекъ онъ передалъ Селиму, а самъ старался оставаться незамѣченнымъ.

— Ты думаешь, — онъ съ ними?

— Да, думаю! Не посмѣетъ. Здѣсь вѣдь всѣ наши, а ихнихъ мало.

— Между вами давно кровь?

— Три поколѣнія.

— Чья послѣдняя?

— Ихняя. Мой отецъ вотъ въ томъ ущельѣ убилъ Мамадъ-Оглы.

— Давно это случилось?

— Семь лѣтъ назадъ.

Кабардинскій князь задумался.

— Джансеидъ! ты знаешь хорошо хаджи-Ибраима?

— Да, еще бы! Едва ноги унесъ отъ него въ прошломъ году. На охотѣ невзначай встрѣтилъ его, ихъ было четверо!—точно въ извиненіе себѣ прибавилъ онъ.

— Онъ первый джигитъ на Чарахъ-Дагѣ. Онъ уже далъ себя знать русскимъ. Не будь онъ мнѣ врагъ, лучшаго старшаго брата я бы и не желалъ. Хорошо бы его къ нашей партіи присоединить!

— Тогда я долженъ буду уѣхать, вернуться!

— Ты мнѣ кунакъ и другъ. Мы придумаемъ другое. Сегодня ночью, когда всѣ заснутъ,—пусть Селимъ съ нами поѣдетъ.

— Что ты хочешь дѣлать?

Кабардинецъ нахмурился.

— У васъ, у лезгинъ — старые обычаи, но глупые. Развѣ можно спрашивать у вождя, что онъ задумалъ? Мое дѣло — приказывать, ваше — повиноваться. Отруби у змѣи голову, — хвостъ тоже пропадетъ. Въ свое время самъ скажу!

Партія Чарахъ-Дагскаго аула ужъ переплыла Койсу. Теперь можно было сверху сосчитать двадцать-семь человѣкъ быстро подвигавшихся впередъ. Сначала тихо-тихо, — а потомъ все громче, по мѣрѣ того, какъ разстояніе между ними и ожидавшими на высотѣ салтинцами укорачивалось, раздавался оттуда гимнъ газавата. Скоро до кабардинскаго князя донеслись уже торжественныя слова этой пѣсни:

„Помогите, помогите,
О, святые, къ вамъ взываемъ!
Магомета вы молите, —
Безъ него мы погибаемъ,

Нѣтъ у насъ иной защиты,
Нѣтъ заступника иного,
Безъ него мы всѣ разбиты,
Съ нимъ сразимъ врага любого".

Приближавшіеся давали такимъ образомъ знать ожидавшимъ, что они тоже обрекли себя газавату. Разъ услышавъ напѣвъ военнаго гимна, большая партія должна была принять меньшую, какъ братьевъ и соаульниковъ. Отнынѣ чарахдагцы вступали въ число салтинцевъ на равныхъ съ ними правахъ, обязывались другъ друга защищать и умирать другъ за друга. Если бы чарахдагскій джигитъ оставилъ тѣло убитаго салтинца въ рукахъ враговъ,—всему чарахдагскому аулу былъ бы вѣчный стыдъ, если бы салтинецъ не попытался выручать чарахдагца изъ плѣна, чарахдагцы нѣсколько поколѣній корили бы салтинцевъ ихъ позоромъ и тѣ должны были бы молчать.

Когда, наконецъ, чарахдагцы были уже близко, ихъ припѣвъ подхватили салтинцы:

„Дверь побѣды растворяя
Для рабовъ твоихъ покорныхъ,—
О, пророкъ! въ утѣхахъ рая
Не забудь ауловъ горныхъ.
Наша кровь рѣкой прольется,
Но за муки и страданья
Тѣмъ сторицею воздается,
Кто томится въ ожиданьи!"

звучало уже вмѣстѣ, какъ вверху, такъ и внизу.

Когда гимнъ газавата замеръ,—вдали, тамъ, откуда свѣтились огни Чарахдага,—послышалась трескотня выстрѣловъ и мечеть вся освѣтилась вплоть до верхушки минарета. Такимъ образомъ, оттуда давали знать, что соаульники празднуютъ встрѣчу и братанье по оружію двухъ партій.

Тѣмъ не менѣе, надо было исполнить обрядъ. Поэтому кабардинскій князь выхватилъ изъ чехла ружье и, держа его на прицѣлѣ, помчался впередъ. На встрѣчу, тоже держа дуло наготовѣ, стрѣлою вынесся стройный молодой чарахдагецъ. Оба встрѣтились шагахъ въ пяти одинъ отъ другого и разомъ остановили коней, такъ что у тѣхъ только судорогой повело нервную кожу.

— Кто ты? — спросилъ его князь.

— Скажи сначала свое имя: насъ мало, васъ много.

— Я—князь Хатхуа, — слуга пророка, посвятившій душу свою богу, жизнь — газавату.

— Я Сулейманъ изъ роду Асталоръ. Моя душа тоже въ рукахъ Аллаха, а рука да послужитъ святому дѣлу.

Послѣ этого, оба забросили ружья за спину, но еще не сближались.

— Чего вы ищите, храбрые люди, на этой дорогѣ?

— Добрыхъ товарищей для своего боевого дѣла! — отвѣтилъ Сулейманъ.

— Съ кѣмъ собираетесь драться?

— Одинъ у насъ врагъ кровный — урусъ.

— Да будетъ благословенъ вашъ приходъ!

— Да дастъ намъ Аллахъ побѣду!

Всадники съѣхались, стали рядомъ — чарахдагецъ лицомъ къ салтинцамъ, князь—лицомъ къ чарахдагцамъ.

— Ля-илляги-иль-Алла! — ритмически-согласно крикнули они и крѣпко обнялись, не слѣзая съ сѣдла. Вслѣдъ за этимъ Сулейманъ Асталоръ поѣхалъ къ салтинцамъ и, круто обернувъ коня, занялъ мѣсто князя; князь также двинулся къ чарахдагцамъ и сталъ во главѣ ихъ. Тотчасъ же обѣ партіи выхватили ружья и послали выстрѣлы въ темное, усѣянное звѣздами небо. Троекратно пропѣвъ „селямъ“, и „алляги-аллага“, — обѣ партіи стали съѣзжаться. Съѣхались, смѣшались. Князь удержалъ коня рядомъ съ Сулейманомъ и спросилъ его по обычаю:

— Не хочешь-ли быть нашимъ вождемъ?

— Имя Хатхуа слишкомъ славно въ горахъ, чтобы я, ничтожный червь, осмѣлился показаться въ битвѣ впереди его. Клянусь Аллахомъ и святымъ его пророкомъ быть съ этой минуты вѣрнымъ слугою твоимъ. Клянусь за тебя и за своихъ чарахдагцевъ. Да будетъ вѣчный стыдъ не исполнившему эту клятву. Да пошлетъ Магометъ коршуновъ рвать ихъ тѣло, да сброситъ Аллахъ его черную душу въ адъ. Да покраснѣетъ его мать при одномъ имени сына-измѣнника, и закроетъ лицо его братъ. Князь, отнынѣ мы — твои рабы.

— Слушай, Сулейманъ, и всѣ вы храбрые чарахдагцы! у насъ нѣтъ рабовъ. Здѣсь только вождь и его воины. Клянусь — быть

тебѣ старшимъ братомъ и другомъ, да паду я отъ руки женщины, да побѣлѣютъ мои кости на выгонѣ у русскихъ, да проклянетъ Аллахъ мою память, если окажу вамъ несправедливость, клянусь умереть за васъ.

Теперь Сулейманъ отступилъ и замѣшался въ толпу.

Кабардинскій князь вынесся впередъ и крикнулъ:

— Селимъ! ставь значекъ здѣсь.

Значекъ былъ живо вбитъ въ землю. Хатхуа снялъ ружье и положилъ около. Сошелъ съ коня и разсѣдлалъ его. Окончивъ это, онъ обратился къ партіи:

— Братья! да пошлетъ вамъ Аллахъ спокойный сонъ, да укрѣпитъ этотъ сонъ ваши руки и души...

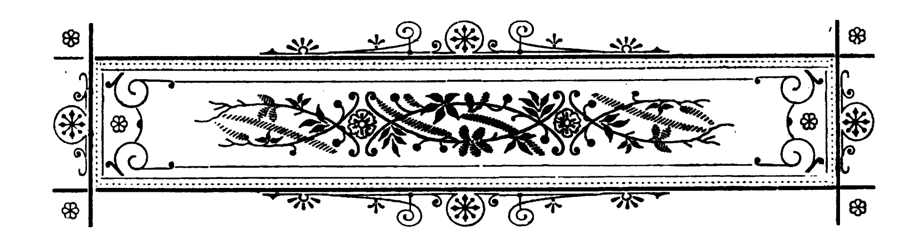
Ночлегъ былъ такимъ образомъ объявленъ и указанъ.

Какъ разъ въ это время изъ Чарахдагскаго минарета послѣдними слабыми своими отзвучіями донесся призывъ къ ночному намазу. Голосъ тамошняго муллы замеръ, когда всѣ джигиты вынули коврики и встали на молитву.

Яссы-намазъ, какъ и сабахъ-намазъ — самые святые, и кто ихъ исполнитъ, тому нечего бояться шайтана и сорока семи болѣзней — его сестеръ.

Яссы-намазъ — послѣдній ночной намазъ, сабахъ — утренній. Днемъ можно пропустить всѣ намазы, но этихъ ни одинъ правовѣрный не забудетъ. Они для него обязательны, какъ омовеніе. Джигиты на своихъ намазлыкахъ (коврикахъ) обернулись лицомъ къ Меккѣ (Кабѣ) и, дѣлая видъ, что они омываютъ руки, ноги, лицо и голову, тихо шептали молитву. Въ тишинѣ окружавшей ихъ ночи фыркали кони, силуэты которыхъ смутно выдѣлялись въ сумракѣ, да изъ ближайшаго ущелья доносился свистъ вѣтра, проснувшагося къ ночи и гнавшаго передъ собою цѣлую волну чудныхъ благоуханій.

Мусульманину, отправляющемуся въ газаватъ или на поклоненіе гробу Магомета, намазы не обязательны. Онъ совершаетъ сафаръ-халаль—богоугодное дѣло, и все время, проведенное въ немъ, считается у него за намазъ... Но сегодня еще лезгины должны были молиться; съ завтрашняго дня намазы отмѣнялись.



VIII

Дѣло крови.

Князь дождался, когда его джигиты, стреноживъ своихъ коней и отпустивъ ихъ на луга, заснули подъ бурками съ сѣдлами подъ головою.

Тогда онъ — по горской пословицѣ, „тайное дѣло требуетъ тишины“ — всталъ, подошелъ къ Сулейману, Джансеиду и Селиму. Тѣ не спали и, по знаку вождя, собрались вокругъ.

— Садитесь на коней... — приказалъ онъ имъ, ничего не объясняя.

Тѣ исполнили его приказаніе. Лошади были уже далеко, но на треногахъ, и потому ихъ легко было догнать... Хатхуа тихо поѣхалъ внизъ къ Койсу. Когда бѣлая вода ея уже обмыла ноги его коня, — онъ остановился.

— Сулейманъ!.. Хаджи Ибраимъ въ аулѣ?

— Да!..

— Отчего онъ, испытанный джигитъ, не съ вами?

Сулейманъ покосился на Джансеида.

— Между нимъ и вашими есть кровь.

— Знаю. А намъ все-таки нельзя упускать Ибраима. Слава о его подвигахъ гремитъ повсюду. Если онъ присоединится къ намъ, всѣ горные аулы встанутъ. Потомъ Хаджи Ибраимъ долго жилъ между русскими. Онъ знаетъ ихъ обычай и языкъ. Онъ одинъ стоитъ тысячи джигитовъ.

— Да, князь, ты правъ. Дидойцы сейчасъ-же всѣ за нимъ кинутся, какъ орлята за орлицей.

— Надо, значитъ, положить конецъ старой враждѣ... Я задумалъ кое-что. Выходитъ-ли мать Хаджи Ибраима въ кунацкую?

— Нѣтъ... Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Джансеида убилъ ея сына, она сидитъ у себя въ саклѣ и оплакиваетъ его память.

— Сулейманъ, ради общаго горскаго дѣла, во имя Аллаха, прошу тебя, поѣзжай впередъ. Скажи ей, что я явлюсь отъ имени моей матери и хочу говорить съ нею.

— Я понялъ тебя, Хатхуа.

— Смотри-же, чтобы Хаджи Ибраимъ не догадался. А то все пропадетъ и вмѣсто лишняго джигита мы потеряемъ своего.

Потомъ, когда топотъ Сулейманова коня замеръ вдалекѣ, Хатхуа подозвалъ къ себѣ Джансеида.

— Когда въѣдемъ въ аулъ, опусти башлыкъ на лицо такъ, чтобы тебя не узнали. Если Хаджи Ибраима и не будетъ въ саклѣ, все равно,— пока я тебя не вызову, какъ простой нукеръ оставайся во дворѣ у порога и не открывай лица. Въ Чарахдагѣ обычаи исполняются свято, и никто не осмѣлится спрашивать, кто ты. Держись тѣни, не выходи на огонь. Если Аллахъ хочетъ, къ утру между тобой и Хаджи Ибраимомъ не станетъ дѣла крови, и вы будете братьями.

Джансеидъ, въ знакъ покорности, поцѣловалъ стремя князя.

Таборъ лезгинъ позади спалъ глубокимъ сномъ. Только двое часовыхъ стояли на высокихъ камняхъ, сторожа окрестности. На то, что дѣлалъ князь, они не смѣли обращать вниманія. По адату они притворялись не замѣчающими ничего. Кабардинскій князь уже оставилъ за собою рѣку. Джансеидъ и Селимъ тихо ѣхали за нимъ. Въ слабомъ мерцаніи молодого мѣсяца показалось бѣлое марево обнесеннаго стѣнами аула. Точно почуявъ приближеніе чужихъ,— горскія собаки залаяли издали... Темный силуэтъ мечети и тонкій, какъ свѣча, минаретъ надъ нею.... Чарахдагъ спитъ. Никого нѣтъ за стѣнами... Скоро топотъ ихъ копытъ послышался на улицѣ аула. Собаки теперь выскакивали на плоскія кровли и оттуда яростно лаяли на пріѣзжихъ. Хатхуа подбадривалъ коня нагайкой, торопясь поспѣть въ саклю Хаджи Ибраима... Не успѣлъ онъ еще подняться къ площади джамаата, на которую она выходила, какъ

такъ же быстро сверху понесся на него всадникъ, въ которомъ онъ узналъ Сулеймана.

— Ну, что? Благословеніе или проклятіе несешь ты намъ съ собой?

— Хаджи Ибраимъ въ полѣ съ лошадьми... Въ саклѣ только младшій братъ и женщины.

— Слава Аллаху!.. Говорилъ ты съ матерью его?

— Да, князь. Она чтитъ твою мать и приметъ тебя сама... Теперь она проситъ всѣхъ въ кунацкую.

— Помни-же, Джансеидъ, что я говорилъ тебѣ.

Молодой человѣкъ низко опустилъ на лобъ край башлыка и поотсталъ, давая дорогу Селиму и Сулейману впереди. Самъ онъ, какъ слуга, ѣхалъ за ними... Вдали, на площади джамаата, вдругъ вспыхнулъ огонь.

— Что это? — остановился князь.

Дѣйствительно, подъ краснымъ блескомъ факела виденъ былъ всадникъ, державшій его и спускавшійся внизъ.

Кабардинецъ быстро обернулся.

— Джансеидъ, отстань подальше... Ты пріѣдешь, когда я уже буду въ кунацкой.

А самъ еще разъ сильно ударилъ коня нагайкой и вынесся впередъ.

— Съ добромъ-ли пріѣздъ твой?... — по адату спросилъ его младшій братъ Хаджи.

— Съ миромъ и благословеніемъ.

— Да услышитъ тебя Аллахъ! — и у порога сакли мальчикъ быстро соскочилъ съ сѣдла, чтобы поддержать стремя Хатхуа.

Князь въ сопровожденіи Селима и Сулеймана вошелъ въ кунацкую.

Ихъ подъ руки, какъ слѣдовало, повели и посадили на тахту, въ подушки. Приличіе требовало, чтобы они и не подымались съ нихъ все время, пока будутъ оставаться здѣсь. Изъ женской половины слышалась суматоха. Кто-то раздувалъ огонь, жалобно блеялъ барашекъ, котораго тащили подъ ножъ, чтобы угостить свѣжимъ шашлыкомъ дорогого и почетнаго гостя... Чей-то крикливый голосъ требовалъ проса и рису и наказывалъ принести „бузы“ — этого отвара изъ солоду — для Хатхуа и сопровождавшихъ его.

— Это твоя мать? — спросилъ князь.

— Да—тихо проговорилъ мальчикъ, стоя у порога.

— Подойди и сядь.

— Не смѣю... Я еще малъ...

— Я тебѣ говорю — садись

— Мнѣ отъ брата достанется... Позволь мнѣ остаться здѣсь у порога.

— Благополучно-ли все у васъ?.. какъ ваши стада и табуны?

— Благодареніе Аллаху!

— Нѣтъ-ли волковъ около? Хорошо-ли вашимъ отарамъ?

— Волковъ мы бьемъ, у насъ есть собаки—любого волка изорвутъ!

— Каковъ былъ урожай?

Истощивъ перечень городскихъ вопросовъ, князь погрузился въ безмолвіе... потомъ, точно что-то вспомнивъ, онъ поспѣшно обернулся къ мальчику.

— Когда твой братъ хотѣлъ быть сюда?

— Мы уже послали за нимъ... Мѣсяцъ не зайдетъ за минаретъ, какъ онъ здѣсь будетъ.

— Напрасно тревожили его...

— Нельзя, — онъ хозяинъ, — ему неприлично пропустить такихъ гостей.

Нарочно проснувшіеся по столь торжественному случаю, какъ пріѣздъ кабардинскаго князя къ Хаджи-Ибраиму, чарахдагцы одинъ за другимъ входили въ кунацкую и садились на корточки у порога, во всѣ глаза глядя на знаменитаго джигита, но не смѣя предлагать ему вопросовъ. Въ тишинѣ, царившей здѣсь, вдругъ послышался стукъ копытъ. Хатхуа сообразилъ, что это Джансеидъ и, когда мальчикъ хотѣлъ выскочить, рѣзко приказалъ ему:

— Останься... Это мой рабъ... Онъ подождетъ во дворѣ и тамъ проспитъ. Когда мы кончимъ ѣсть, вы ему дадите что-нибудь, хинкалу что-ли... Съ него и это хорошо. Кто опаздываетъ, тотъ всегда теряетъ.

Сидѣвшіе сообразили, что князь недоволенъ почему-то рабомъ и хочетъ наказать его, а потому и не трогались съ мѣста.

Джансеидъ завелъ коня въ уголъ, куда не падалъ свѣтъ мѣсяца, и сѣлъ на камень, ожидая сигнала изъ сакли.

Не прошло и нѣсколько минутъ, какъ изъ женской половины

черезъ дворъ прошло нѣсколько женщинъ; съ бьющимся сердцемъ Джансеидъ различилъ позади медленно и важно шедшую, опираясь на посохъ, мать Хаджи Ибраима. Впереди была его жена съ шампурами (вертелами), съ которыхъ дымился шашлыкъ. За нею служанки несли подносы съ просомъ и рисомъ, чашки съ хинкаломъ и соусами, сильно приправленными чеснокомъ. Позади какая-то рабыня тащила цѣлую гору чуреков.

Женщины взошли въ саклю. Старуха остановилась у порога и, замѣтивъ что-то въ темнотѣ двора, крикнула туда:

— Кто тамъ стоитъ? Чего ты не идешь въ кунацкую? Не покрывай стыдомъ кровлю нашего дома! Скажутъ, что мы оставили гостя на улицѣ и не накормили его.

Но къ счастію Джансеида, изъ сакли вышелъ младшій сынъ и прошепталъ матери:

— Оставь его женщина. Это рабъ князя Хатхуа, и тотъ не доволенъ имъ, потому и приказалъ ему остаться на дворѣ.

Старуха покачала головой.

— Молодъ еще князь. Не знаетъ стараго аварскаго адата: вина слуги прощается, если господинъ вступаетъ подъ кровъ гостепріимнаго друга. Ну, да я ему скажу сейчасъ. Не бойся!—крикнула она въ темноту.—Тебя накормятъ такъ, какъ будто-бы ты самъ былъ княземъ.

Удивленная молчаніемъ Джансеида, старуха получила о немъ совсѣмъ нелестное мнѣніе „вѣрно, стоитъ немилости своего господина!“ — подумала она и вошла въ кунацкую какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда, разставивъ передъ гостями блюда съ ѣдой, ея сноха и служанки столпились передъ дверями, чтобы выйти въ нихъ.

Старуха медленно переступила черезъ порогъ.

Князь всталъ и низко поклонился, не сходя съ тахты.

— Да благословитъ Аллахъ путь твой!

Тотъ поклонился еще ниже.

— Слышали, что вы подняли газаватъ. Да поможетъ вамъ Магометъ и всѣ силы силъ! Да сокрушитъ онъ врага и да дастъ вамъ побѣду, чтобы нашимъ пѣвцамъ было о чемъ запѣть новыя былины. Давно ихъ не складывали они, я уже думала, что вмѣсто кинжаловъ, наши молодцы веретена возьмутъ... Слава Аллаху!—не перевелись еще богатыри въ горахъ.

Князь стоялъ, не говоря ни слова.

— Ты хотѣлъ мнѣ передать что-то отъ матери. Я ее помню, она изъ знатнаго аварскаго рода. Что жъ ты молчишь, сынъ мой?

— Мать! я имѣю къ тебѣ тайное дѣло. Подойди ближе, мнѣ нельзя кричать на всю саклю.

Старуха удивилась и подошла.

— Еще ближе.

Селимъ и Сулейманъ, незамѣтно для нея, стали между нею и присутствовавшими.

— Ну, вотъ я... Чего тебѣ надо?

И не успѣли еще вскочить чарахдагцы, какъ князь, съ крикомъ: „Джансеидъ!“ схватилъ старуху за плечи и сжалъ ее стальными руками такъ, что она не могла шевельнуться... Какъ вихрь, со двора, съ кинжаломъ въ рукѣ ворвался въ саклю молодой человѣкъ. Селимъ и Сулейманъ разступились, пропустивъ его, и опять заслонили отъ чарахдагцевъ.

— Джансеидъ, врагъ... кровный врагъ!...— крикнула старуха.

И не успѣла еще она опамятоваться, какъ тотъ тихо проговорилъ:

— Мать, прости насъ!

Онъ отвелъ ея руки, взрѣзалъ кинжаломъ ея платье и припалъ губами къ ея шеѣ.

Какъ только случилось это, Селимъ и Сулейманъ вложили шашки въ ножны и отступили. Князь спокойно сѣлъ на тахту. Теперь личность Джансеида была священна въ этой саклѣ.

Исполнивъ обрядъ, молодой человѣкъ, опустивъ глаза внизъ, скромно отступилъ въ уголъ.

Старуха, шатаясь, упала на тахту и закрыла глаза. Она тихо плакала, вспоминая убитаго сына. Все ея тѣло вздрагивало. Присутствовавшіе, по обычаю, молчали. Благоговѣйная тишина, такая тишина, что дыханіе людей здѣсь было слышно, всѣхъ точно давила. Князь давалъ выплакаться старухѣ. Онъ понималъ, что та переживаетъ въ эти минуты страшное горе. Смерть ея сына останется не отмщенной.

— Аллахъ, Аллахъ! гдѣ твоя правда?

Опять смолкла старуха. Въ это время счелъ возможнымъ вступиться одинъ изъ почетнѣйшихъ чарахдагцевъ.

— Зейналъ, канлы тянется у васъ уже три поколѣнія. Не мало доброй крови пролилось изъ-за него.

— Джансеидъ,—замѣтилъ другой,—хорошій, славный джигитъ. Тебѣ онъ будетъ вѣрнымъ, преданнымъ сыномъ.

— Ты потеряла одного и нашла другого. Еще неизвѣстно, какой изъ нихъ лучше.

— Прости его, Зейналъ. Ты знаешь,—разъ онъ коснулся устами твоей шеи,—онъ такой-же сынъ тебѣ, какъ и убитый Алій.

Старуха продолжала плакать.

Уважая ея горе, гости опять замолкли. Въ эту минуту за дверями послышался топотъ коня. Кто-то подъѣхалъ къ саклѣ, соскочилъ съ сѣдла. Мальчикъ выбѣжалъ и подхватилъ поводъ, и еще мгновеніе, и Хаджи Ибраимъ вошелъ въ саклю.

— Прости, князь, что я не держалъ твое стремя. Если-бы я зналъ, что ты окажешь моему дому такое благодѣяніе своимъ пріѣздомъ, то... Но тутъ онъ вдругъ увидѣлъ Джансеида и широко раскрылъ глаза. Еще мгновеніе, и Хаджи Ибраимъ забылъ-бы, что тотъ его гость, что тотъ у него въ кунацкой. Дикій, полный ненависти крикъ, и, съ кинжаломъ въ рукѣ, лезгинъ кинулся къ врагу.

Тутъ случилось нѣчто, отъ чего кинжалъ выпалъ у него изъ рукъ, и самъ онъ попятился, точно увидѣвъ между собою — мстителемъ и врагомъ, своею добычею — призракъ.

Старуха Зейналъ разомъ выросла между ними. Сѣдыя космы ея волосъ растрепались, изорванное на груди платье висѣло лохмотьями, она вся дрожала отъ неулегшагося еще волненія.

— Поздно, сынъ мой, поздно...

И она на низко склонившуюся голову салтинца положила руку.

— Ибраимъ, вотъ братъ твой Джансеидъ.

И на его вопросительный взглядъ, она указала себѣ на свое изрѣзанное платье.

— Поздно... Обними своего брата, и да благословитъ Аллахъ наше примиреніе. Да упокоитъ онъ души убіенныхъ: Аслана, Керима, Меджида, Кебира, Мурада, Исмаила,—перечисляла она, не дѣлая разницы между жертвами, павшими въ обоихъ враждебныхъ семействахъ.

Потомъ она положила другую руку на голову Хаджи Ибраима.

— Опять у меня три сына! И да стыдно будетъ тому, кто вспомнитъ о враждѣ между нами. Объявляю конецъ канлы, длившейся восемьдесятъ лѣтъ! Пусть мулла прочтетъ разрѣшительную молитву, а я... пойду плакать. Мы, старики, не сразу забываемъ прошлое, да проститъ мнѣ Аллахъ мою тоску. Она не продлится дольше этой ночи. Когда встанетъ солнце, я одинаково весело улыбнусь и тебѣ, Ибраимъ, и тебѣ, Джансеидъ, дѣти мои.

Толпа съ уваженіемъ разступилась передъ нею.

Зейналъ вели подъ руки Ибраимъ, съ одной, и Джансеидъ съ другой стороны. Вернулись они вмѣстѣ, но еще стояли молча.

Пришелъ мулла, прочелъ молитву, и новые братья обнялись. Отнынѣ у нихъ все было общее.

— Чей родъ былъ правъ,—важно иачалъ князь,—предоставимъ рѣшить Аллаху. Вы-же оба теперь будете лучшими джигитами газавата. Кто уцѣлѣетъ, того сторона и права. Таковъ судъ Господа, а если оба будете живы, значитъ, предки Ибраима и Джансеида одинаково снискали милость предъ лицомъ Его.

— Да будетъ такъ,—разомъ отвѣтили окружающіе.

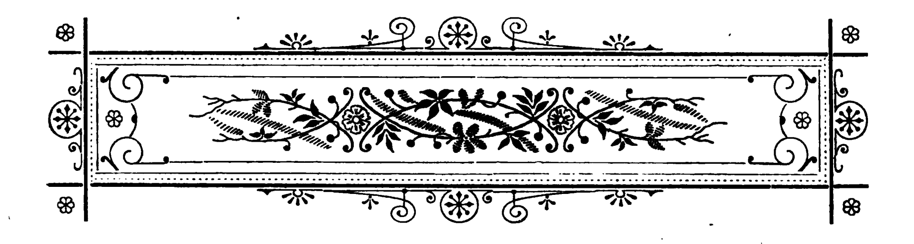
— Теперь, Ибраимъ и Джансеидъ, удалитесь изъ сакли, — мы со стариками рѣшимъ, сколько долженъ Джансеидъ уплатить твоей семьѣ за кровь.

Но тутъ неожиданно выступилъ Ибраимъ.

— Наша кровь не имѣетъ цѣны. Мы у его рода пролили ея столько же, сколько и тотъ у нашего. Отъ своего имени и отъ имени моей матери, и отъ своихъ предковъ, и отъ потомковъ, если Господь продлитъ родъ мой на землѣ, — отнынѣ и навсегда отказываюсь отъ цѣны крови.

Гулъ одобренія пронесся въ тишинѣ кунацкой.

Долго еще потомъ пѣвцы ауловъ Салты и Чарахдага славили Хаджи Ибраима.



IX

Месть.

Весело на другой день выступили лезгины въ походъ.

Съ такими джигитами, какъ Хаджи Ибраимъ и Хатхуа, нечего было бояться неудачи. Отдохнувшія за ночь лошади бодро ступали по крутизнамъ горъ, перегородившихъ дорогу къ русскимъ. Въ угрюмой красотѣ и дикомъ величіи первозданные великаны сдвигались отовсюду, точно грозя раздавить смѣлыхъ всадниковъ, пробивавшихъ путь по ихъ трещинамъ. Свѣжестью, свободой, привольемъ вѣяло отовсюду. Часто слышался рѣзкій и хищный крикъ, и большія, черныя птицы, разсѣкая воздухъ, точно камни шлепались въ зеленыя чащи айвовыхъ деревьевъ. Скоро уже показались громадные дубы и величавые буки. Темныя полосы орѣшника глушили ихъ, благоухающія кисти цвѣтовъ свѣшивались съ мощныхъ вѣтвей дикаго каштанника, но надъ этимъ зеленымъ царствомъ весенняго шелеста и птичьяго гомона по-прежнему, плавая въ лазури, сіяли голыя вершины скалистыхъ горъ. Со дна долинъ, когда надъ ними по узкимъ карнизамъ поднимались лезгины, — курился туманъ. Клубы его медленно ползли вверхъ, цѣпляясь по скаламъ и кручамъ. Издали туманъ этотъ принималъ видъ какихъ-то сказочныхъ чудищъ. Порою туманъ останавливался сѣрою пеленою въ полугорѣ, а надъ нимъ, точно миражъ вставали полуразрушенныя башни

старыхъ замковъ, круглыя башни, облитыя солнечнымъ свѣтомъ. Еще красивѣе были онѣ подъ луною. Бойница въ бойницу сквозили. Изъ синей тьмы сіяніе мѣсяца выхватывало и зубцы развалившейся стѣны, и словно изъѣденныя массы стариннаго храма съ провалившимся куполомъ... Верхушки такихъ развалинъ всѣ на свѣту, — ихъ основаніе прячется во тьмѣ. Къ вечеру второго дня тропинка, обогнувъ свободную отъ тумана вершину горы, убѣжала опять въ туманъ... А тамъ дальше—лишь бездны и кручи! Передъ нашими всадниками на свѣту обрисовалась вся черная арка полуразрушившихся воротъ... За ними весь въ аломъ блескѣ горѣлъ закатъ, и руины еще угрюмѣе на его огнистомъ фонѣ подымали темный силуэтъ. Когда кони въѣхали во дворъ, въ камняхъ, заваливавшихъ его, послышалось зловѣщее шуршаніе и шорохъ. Но отступать было некогда... Дальше ночью нельзя ѣхать, — карнизы надъ безднами узки, — едва можно поставить ногу — и затянуты туманомъ. Надо было во что бы то ни стало остановиться здѣсь. Когда бивуакъ расположился, внутренность развалинъ была вся уже ярко освѣщена далеко еще не полною луною. Позади — стѣны уходили во мракъ, и только бойницы сквозили, точно въ этой тьмѣ были свои просвѣты, узкіе, какъ лезвіе ножа.

Такъ хорошо, такъ хорошо, что сердце быстро, быстро бьется въ груди у Джансеида, и духъ у него захватываетъ.

А ночь-то, какая ночь!

— Думаетъ ли обо мнѣ Селтанетъ?—вспомнилъ Джансеидъ и приподнялся на локтѣ.

Около послышался вздохъ.

— Ты не спишь, Селимъ?—спросилъ шепотомъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ... О своемъ аулѣ думаю... Теперь Асланъ-Козъ убрала барановъ въ закуту... намолола ячменя къ завтраму и погасила огонь въ очагѣ.

И оба опять замолчали. Видъ развалины, дышущее небо словно мигающія звѣзды, стреноженные кони, ихъ фырканье и удары копытъ о камень, долго еще мерещились Джансеиду, пока онъ не утонулъ въ счастливомъ, беззаботномъ снѣ, увидѣвъ въ послѣднюю минуту облитую луннымъ сіяніемъ круглую башню стараго замка. Селимъ заснулъ не такъ скоро. Онъ самъ сталъ про себя тихо, тихо напѣвать горскую пѣсенку:

„Вѣтерокъ сорвалъ у розы
Легкій лепестокъ...
Закружилъ его въ ущельи
И понесъ въ потокъ.
Воды бѣшено клубятся
По пути у скалъ,
И обрывокъ бѣдной розы,
Закружась, пропалъ.
Далеко, внизу, на камень
Выброшенъ волной,
Умеръ онъ, благоухая,
Ночью подъ луной.

Но тутъ Селимъ вдругъ вздрогнулъ... Прямо передъ нимъ въ яркомъ, облитомъ луною пространствѣ показалась чья-то черная голова... Суевѣрный, какъ всѣ горцы, онъ помянулъ Аллаха и прочелъ молитву отъ оборотня. Голова пропала. Ему пришло въ голову, что это такъ почудилось, можетъ быть... Но вотъ опять она... большая, странная... крадется... растетъ... Селимъ сжалъ руку Джансеиду... Тотъ разомъ поднялся, но въ тотъ именно моментъ, когда голова припала къ камнямъ...

— Тише!—остановилъ его Селимъ: — лягъ! Посмотри въ ворота.

Джансеидъ взглянулъ и замѣтилъ какъ разъ поднявшуюся надъ камнями папаху.

— Ты видишь?—шепталъ ему Селимъ. — Это изъ дидойцевъ, должно быть.

— Нѣтъ, у дидойцевъ на папахахъ шерсть черная и подлиннѣе.

— Неужели казикумухъ?

— Или онъ, или изъ елисуйцевъ... Погоди, что онъ дѣлать будетъ,—а самъ тихо, тихо вытащилъ изъ-за пояса пистолетъ, взвелъ курокъ, попробовалъ, на мѣстѣ ли огниво, лежа присыпалъ пороху... и замеръ...

Голова въ папахѣ приближалась... вотъ и все тѣло видно...

— Елисуецъ и есть! Черная душа!.. Что онъ задумалъ еще?

— Сейчасъ увидимъ.

Въ это время лунный лучъ упалъ прямо на подползавшаго, и Селимъ почувствовалъ, какъ у него сильно до боли забилось сердце.

Въ зубахъ у предполагаемаго елисуйца былъ кинжалъ... Приподнявшись на ладоняхъ рукъ, онъ оглядѣлъ все становье джигитовъ, зорко высмотрѣлъ, и Джансеидъ на его лицѣ замѣтилъ улыбку

торжества и злобной радости. Елисуецъ теперь нашелъ то, что ему было надо, и поползъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ спалъ кабардинскій князь, закрывшись буркой и подложивъ сѣдло подъ голову. Но, очевидно, хищникъ разсчитывалъ безъ Джансеида. Молодой лезгинъ привыкъ подползать къ джейранамъ и горнымъ козламъ, такъ, что они его не замѣчали. Онъ обернулся живо лицомъ къ землѣ и, казалось, не двигая ни руками, ни ногами, змѣей потянулся за елисуйцемъ. Еслибы послѣдній взглянулъ назадъ, онъ бы замѣтилъ, что голова Джансеида находится у его пояса... но онъ такъ былъ поглощенъ дѣломъ, что даже камень, выскользнувшій изъ-подъ рукъ молодого салтинца, не испугалъ его. Лунный свѣтъ, очевидно, безпокоилъ спавшаго князя, и онъ натянулъ на лицо себѣ башлыкъ, такъ что тотъ покрывалъ его до усовъ. Елисуецъ былъ уже около... Неслышно опираясь на лѣвый локоть, онъ взялъ кинжалъ изо рта, быстро занесъ его надъ грудью Хатхуа, но въ то же мгновеніе почувствовалъ свою руку точно въ желѣзныхъ тискахъ.

— Невѣрно задумалъ! — замѣтилъ Джансеидъ — ты, другъ, у меня не спросился.

Елисуецъ обернулъ къ нему блѣдное отъ ужаса лицо, но Джансеидъ въ это время схватилъ его за горло и такъ сжалъ, что тотъ только забился и захрипѣлъ въ его рукахъ. Сонъ горцевъ очень чутокъ. Въ одну минуту князь былъ уже на ногахъ и другіе тоже.

— Что случилось? Джансеидъ, что здѣсь такое?

— А то, господинъ, что эта змѣя хотѣла тебя ужалить... Хорошо, что Селимъ замѣтилъ его издали и меня разбудилъ. Я во время придавилъ ей жало...

И онъ еще сильнѣе сжалъ тому горло... Елисуецъ побагровѣлъ, еще секунда и онъ задохнулся бы.

— Постой, Джансеидъ. Благодарю тебя... Отпусти его, все равно онъ не убѣжитъ отсюда.

Джансеидъ разнялъ руку и поднялся, не теряя изъ виду ни одного движенія плѣнника.

Князь наклонился и пристально всмотрѣлся ему въ лицо.

— Не въ добрый часъ ты встрѣтилъ меня, Курбанъ-Ага, — строго проговорилъ онъ. — Не въ добрый часъ! Аллахъ еще не хочетъ моей смерти. Развѣ ты забылъ, что по адату, — канлы пріостанавливается во время газавата? У насъ съ тобой старые счеты,

Курбанъ-Ага... Если-бы я со скалы не бросился въ Самуръ и не переплылъ его, быть бы мнѣ теперь въ Метехскомъ *) зaмкѣ. Ты вѣдь Асланбека тоже выдалъ. Ну, что-же, значитъ, такъ было въ книгѣ написано, чтобы сегодня ты попался мнѣ.

Курбанъ-Ага стоялъ, уже глядя въ землю. При послѣднихъ словахъ князя, онъ быстрѣе молнiи выхватилъ изъ-за его пояса пистолетъ, но сейчасъ-же былъ сраженъ страшнымъ ударомъ въ голову. Джансеидъ и тутъ подкараулилъ его. Хатхуа засмѣялся.

— Не везетъ тебѣ, Курбанъ-Ага. Не везетъ... Ты все забываешь, что около — мои кунаки. Еще разъ ты спасъ мнѣ жизнь, Джансеидъ. Сочтемся, за мною не пропадетъ... я добро помню и зла не забываю,—сверкнулъ онъ на елисуйца. — Ночь еще длинна... спать надо. Судить его мы будемъ завтра.

— Курбанъ-Ага, ты всегда былъ храбрымъ человѣкомъ,—тихо обратился къ нему Хатхуа, — съ тобою,—улыбнулся онъ, — прiятно имѣть дѣло, потому что ты не боишься смерти. Поклянись на коранѣ, что до утра ты не будешь искать моей гибели, что ты не сдѣлаешь попытки бѣжать, и я не прикажу тебя связывать, какъ барана подъ ножомъ.

Елисуецъ молчалъ.

— Помни, Ага, твой родъ благороденъ, веревка обезчеститъ тебя.

Кровь кинулась въ лицо плѣннику.

— Хатхуа! завтра разсудитъ насъ Богъ, а сегодня я дамъ тебѣ клятву.

Коранъ оказался у Хаджи-Ибраима. Онъ подалъ его кабардинскому князю. Курбанъ-Ага положилъ правую руку на священную книгу и, подымая глаза къ небу, торжественно проговорилъ:

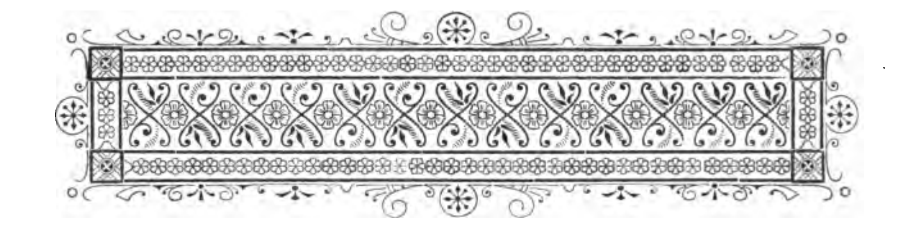
— „Да поразитъ меня Аллахъ проказой, да низвергнетъ онъ мою душу въ адъ, да проклянетъ онъ потомковъ моихъ до седьмого колѣна, ежели я до завтра, пока взойдетъ солнце, буду искать твоей смерти или думать о побѣгѣ“! — Довольно съ тебя, Хатхуа?

— Да, ты свободенъ до завтра, Ага. Можешь остаться здѣсь между нами и спать въ нашемъ лагерѣ, какъ товарищъ или уходи отсюда, но когда взойдетъ солнце, ты долженъ быть здѣсь.

Курбанъ-Ага выбралъ себѣ мѣсто около и спокойно легъ.

---

*) Замокъ надъ Курою въ Тифлисѣ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ содержали временно важнѣйшихъ изъ горскихъ плѣнниковъ.



X.

Судъ людской.

Скоро всѣ крѣпко спали уже, только елисуецъ смотрѣлъ широко открытыми очами въ бездонную пропасть неба, полнаго теперь ярко сверкающихъ звѣздъ. Молодой мѣсяцъ давно скрылся за горы. Въ темной синевѣ раскидывался млечный путь. „Мостовою звѣздъ" зовутъ его лезгины. Вонъ краснымъ блескомъ горитъ та, гдѣ въ ожиданіи велѣній Аллаха пребываетъ Азраилъ, безстрастный вѣстникъ смерти. Елисуецъ вздрогнулъ, глядя на нее. Не слетитъ-ли оттуда завтра грозный ангелъ, чтобъ поразить его... Разумѣется, Хатхуа не дастъ ему пощады. Съ тѣхъ поръ, какъ Курбанъ-Ага отдался русскимъ, — между ними кровь... Елисуецъ давно понималъ невозможность бороться съ желѣзнымъ кольцомъ непріятеля, все тѣснѣе и тѣснѣе стягивавшимъ его горы. Его султанство никогда открыто не враждовало съ гяурами. Напротивъ, оно было на ихъ сторонѣ, но Курбанъ-Ага хотѣлъ, чтобы миръ царилъ повсюду въ горахъ. И недаромъ онъ еще ребенкомъ былъ посланъ въ Тифлисъ, какъ аманатъ-заложникъ. Его тамъ приняли, какъ родного, отдали въ семью генерала, который воспитывалъ мальчика. Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго! Аманатовъ черезъ три года вернули въ горы, и Курбанъ-Ага опять попалъ въ свою дичь и глушь, но уже ознакомленный съ условіями

иной, болѣе заманчивой жизни... Такъ онъ и росъ дома, душой и тѣломъ принадлежа партіи, требовавшей примиренія съ русскими. Онъ даже ѣздилъ въ горы, проповѣдуя всюду покорность войскамъ, стоявшимъ у Дербента, Кубы и на Самурѣ. Но онъ не имѣлъ успѣха. Зато, во время этой поѣздки, въ Кабардѣ онъ встрѣтилъ дѣвушку, которую полюбилъ. Думать, чтобы кабардинка, да еще княжна, вышла замужъ за простого елисуйскаго агу — дворянина, было-бы безуміемъ. Оставалось одно — похитить ее. Курбанъ съ товарищами ночью подкрались къ ея саклѣ, зажгли ее и въ то время, какъ народъ кинулся тушить огонь, въ суматохѣ и шумѣ ага со своими выкралъ княжну, связалъ ее, сунулъ ей въ ротъ платокъ съ влажной землей, чтобы дѣвушка не кричала, и, перекинувъ ее черезъ сѣдло, кинулся вонъ изъ аула. Его никто не видѣлъ. Дѣвушку долго считали сгорѣвшей, пока не узнали, что она въ елисуйскомъ султанствѣ заперта въ саклѣ у Курбанъ-Аги и стала уже его женою... Будь это съ простымъ кабардинцемъ, — дѣло-бы кончилось ничѣмъ. Курбанъ уплатилъ-бы отцу калымъ — столько-то быковъ, козъ, лошадей, устроили-бы пирушку, и все оказалось-бы въ порядкѣ. Но княжна принадлежала къ владѣтельному роду. Тутъ только одна кровь могла стереть оскорбленіе. И вотъ, между двумя фамиліями началась истребительная война. Отецъ Курбанъ-Аги и братъ его были убиты въ одномъ изъ елисуйскихъ ущелій... Дядя кабардинской княжны зарѣзанъ у себя въ саклѣ братомъ Курбана. Сверхъ того, молодой и предпріимчивый Курбанъ-Ага нѣсколько разъ отбивалъ стада у родныхъ княжны и разъ даже увелъ цѣлый табунъ чудныхъ кабардинскихъ коней и продалъ его русскимъ въ Дербентъ. Потомъ онъ и сàмъ переселился въ Дербентъ и сталъ участвовать, какъ русскій милиціонеръ, во всѣхъ набѣгахъ и горныхъ экспедиціяхъ нашихъ въ Дагестанъ. Кабардинцы, бывшіе уже въ союзѣ съ Чечней и лезгинами, добились, чтобы Курбанъ-Агу всюду объявили измѣнникомъ. Теперь всякій, встрѣтившій его, долженъ былъ убить елисуйца.

Вражда между Курбанъ-Агою и Хатхуа будетъ вполнѣ понятна, если мы прибавимъ уже отъ себя, что украденная кабардинская княжна приходилась молодому предводителю партіи родною сестрою.

Ночь стыла. Ярче и ярче разгорались звѣзды. Снизу доносился вой чекалокъ. Изрѣдка похрапывали лошади да слышался отры-

вистый бредъ спавшаго лезгина. Елисуйцу и въ голову не приходило измѣнить клятвѣ. Къ смерти, ожидавшей его завтра, онъ относился спокойно: „Кысметъ!“ (такъ суждено!) Въ книгѣ Аллаха написано, что ему, Курбанъ-Агѣ, завтра умереть, и никто, значитъ, спасти его не можетъ. Надо только встрѣтить свою участь какъ подобаетъ мужчинѣ и джигиту, чтобы салтинцы не смѣли говорить, что въ груди у елисуйца бьется бабье сердце... А отчего-же и не умереть? Онъ знаетъ, что смерть его не останется не отомщенной. Дѣти его подрастутъ, въ свою очередь изловятъ гдѣ-нибудь Хатхуа или его дѣтей, и кровь омоется кровью, такъ что душа его въ горней обители возвеселится... Адатъ будетъ исполненъ, и пѣвцы въ горахъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе прославятъ его память. Старшій сынъ Курбана — Амедъ и теперь ужъ хоть куда. Едва-ли найдется въ горахъ юноша, равный силой и храбростью этому львенку. Жаль одно, ему не удастся предупредить друзей русскихъ. Пожалуй, набѣгъ Хатхуа разрастется, какъ лавина. Изо всѣхъ окрестныхъ ауловъ къ нему присоединятся всадники и воины, и на затерянныя въ горахъ крѣпостцы набросится уже громадная партія лезгинъ. А онъ долженъ былъ бы дать знать своимъ... Ну, значитъ, и на это не судьба!.. Ничего не подѣлаешь съ нею.

Отъ его смерти семья не потеряетъ нисколько. У него отличная сакля въ Елисуѣ. Русскіе его награждали щедро за службу.

Онъ недавно купилъ и въ Дербентѣ домъ. На-дняхъ покрылъ плоскую кровлю его киромъ и велѣлъ разрисовать пестрыми птицами потолки, а по стѣнамъ пуст красно-желтые узоры и зеленые листья. Послѣ его смерти вдова переселится туда. Ей будетъ спокойно... Значитъ, такъ угодно Богу. Она знаетъ, что у него въ углу двора, у конюшенъ, зарытъ старый котелъ съ золотыми монетами. Будетъ на что воспитать младшихъ дѣтей и сдѣлать ихъ настоящими джигитами, а старшій сынъ его и теперь ужъ славится по всему ханству. О немъ и заботиться нечего.

Скорѣе-бы только кончалась эта ночь.

На востокѣ стало свѣтлѣй. Темная синева неба тамъ поблѣднѣла. Снизу потянуло вѣтромъ... Близокъ предразсвѣтный часъ... Скоро день, а онъ еще сномъ не подкрѣпилъ своихъ силъ. Какъ-

бы завтра не показаться малодушнымъ предъ судомъ его враговъ. Нѣтъ, они не должны видѣть блѣдности на его лицѣ, замѣтить дрожь въ его рукахъ. Надо заснуть.

Курбанъ-Ага спокойно завернулся въ бурку, и черезъ нѣсколько минутъ ровное дыханіе его слилось съ дыханіемъ враговъ. Теперь здѣсь все спало.

Когда кабардинскій князь проснулся, за одной изъ горъ уже раскидывалось розовое сіяніе. Онъ дотронулся до Джансеида, Селима и Хаджи Ибраима. Послѣдній, какъ побывавшій въ Меккѣ, хотѣлъ было заунывно и печально запѣть призывъ къ намазу, но Хатхуа остановилъ его.

— Пусть Курбанъ-Ага не говоритъ, что мы ему не дали выспаться передъ смертью.

Скоро весь лагерь былъ на ногахъ. Лезгины разстилали намазлыки, становились на нихъ, совершая омовеніе.

А Курбанъ-Ага спокойно спалъ.

Даже угрюмый Ибраимъ и тотъ одобрительно улыбнулся.

— Смѣлая душа у этого елисуйца! Посмотри, онъ спитъ, какъ дома у себя въ постели.

Хатхуа сверкнулъ глазами и не могъ уже сдержать себя, толкнулъ ногою Курбанъ-Агу.

— Вставай, Ага! Пора намъ обоимъ предстать предъ судомъ.

Тотъ разомъ вскочилъ на ноги, раскинулъ бурку, всталъ на нее и совершилъ намазъ.

— Я готовъ, Хатхуа!

Лезгины выбрали тѣхъ, кто уже участвовалъ въ бояхъ съ русскими.

„Почетные люди“ должны были судить Курбанъ-Агу.

Хаджи-Ибраимъ сѣлъ на большой камень, остальные размѣстились кругомъ.

Когда все было готово, Ибраимъ громко прочелъ молитву.

— Курбанъ-Ага, князь Хатхуа, — помните: между нами теперь невидимо присутствуетъ ангелъ Аллаха. Всякую ложь, которая выйдетъ изъ вашихъ устъ,—онъ запишетъ и передастъ ему! Говорите правду, хотя-бы вамъ грозила смерть. Помните, смерть не безчестна, а ложь покрываетъ весь родъ стыдомъ. Лгать можно только русскимъ.

— Мнѣ нѣтъ надобности говорить неправду,—всталъ князь.— Хатхуа не боится суда выборныхъ.

Онъ подошелъ къ Курбанъ-Агѣ и положилъ руку на плечо ему.

— Я требую головы этого человѣка.

— Что онъ сдѣлалъ тебѣ?

— Мнѣ? До этого никому нѣтъ дѣла! За обиду я самъ мщу, и не судьямъ выдавать мнѣ врага! Между нами канлы!.. Но, видитъ Аллахъ,—во время газавата я бы забылъ свои счеты. На это и потомъ будетъ много времени.

— Ты хорошо говоришь, князь!—послышалось въ собраніи.

— Я требую головы этого человѣка, потому что онъ измѣнилъ намъ, потому что онъ служитъ русскимъ, потому что, если-бы ему удалось вчера убить меня, онъ-бы поѣхалъ къ нимъ и предупредилъ ихъ объ опасности. Спросите его самого объ этомъ.

— Правду-ли говоритъ князь, Курбанъ-Ага?

— Правду.

Ропотъ послышался кругомъ.

— Да неужели въ тебѣ собачья душа, что ты спасъ-бы врага отъ газавата?

— Да! Потому что я клялся ему, я служу ему...

— Смерть, смерть!—вырвалось неудержимымъ крикомъ изъ стоявшихъ кругомъ рядовъ молодыхъ лезгинъ.

— Молчать! — грозно обернулся къ нимъ Хаджи Ибраимъ.— Здѣсь мы судимъ, а вы только слушайте и учитесь горскому адату и боевой правдѣ... Курбанъ-Ага — повтори еще разъ: совершивъ свою месть, ты-бы поѣхалъ...

— Да!—прервалъ его елисуецъ: — я-бы сейчасъ-же — у меня скакунъ лучше вашего—я-бы сейчасъ, не теряя ни одной минуты, кинулся за Шахдагъ, на Самуръ къ ширванцамъ и тенгинцамъ,— тамъ стоятъ именно эти полки, и далъ-бы знать русскимъ, что вы идете на нихъ...

— Смерть, смерть!—раздалось уже въ рядахъ судей.

— Смерть ему суждена давно... Еще на джамаатахъ, три года назадъ, онъ объявленъ измѣнникомъ... Дѣло не въ томъ... Но смерть мы должны ему выбрать, только выслушавъ его. Говори, Курбанъ-Ага, сколько тебѣ заплатили русскіе за черную измѣну?.. За сколько золотыхъ ты продалъ родину и вѣру?

— Такой монеты еще нѣтъ, чтобы купить меня!—гордо поднялъ на него горящій негодованіемъ взглядъ Курбанъ-Ага... Русскіе мнѣ, какъ всѣмъ служащимъ у нихъ, платятъ жалованье, и, благодареніе Аллаху, у меня отложено довольно, чтобы твоя сестра,—оглянулся онъ на князя,—послѣ меня не знала нужды... Но за золото я не продаю души. У меня въ роду такихъ не было... Вы хотите знать, чѣмъ меня купили русскіе?.. Я скажу вамъ... Потому что вы, глупые горные волки, не имѣете понятія о томъ, что было вчера и что будетъ завтра, потому что вы, какъ листья подъ вѣтромъ, уноситесь туда, куда васъ влечетъ другая сила. Вы легковѣрны, какъ дѣти, и поддаетесь злому уговору, какъ женщины... Вы сами не знаете, какой судьбѣ обрекаете родину. Слушайте меня... Мнѣ было десять лѣтъ, когда меня привезли въ Тифлисъ аманатомъ *)... Еще недавно этотъ городъ курился пожарищемъ. Персы не оставили въ немъ камня на камнѣ... Всюду стояли кровавыя лужи, и подъ развалинами домовъ гнили десятки тысячъ мертвецовъ. По улицамъ бродили шакалы и волки: они одни жирѣли отъ легкой добычи. Шахъ оставилъ имъ довольно труповъ. Кругомъ была пустыня: деревни сожжены, жатвы вытоптаны, виноградники и сады вырублены... И вотъ пришли русскіе, и точно чудомъ какимъ-то, среди запустѣнія и развалинъ поднялась новая жизнь—выросли улицы, заблистали дворцы, зазеленѣли сады, раскинулись виноградники, и нивы стали радовать сердце народа, не знавшаго до тѣхъ поръ, что такое безопасность. Отовсюду изъ горныхъ пустырей, изъ лѣсныхъ дебрей возвращались, какъ разсѣянныя стада, бѣжавшіе; скоро, еще недавно покрытыя кровью, Грузія и Кахетія закипѣли медомъ и молокомъ... Когда мы ѣхали въ заложники, наши матери оплакивали насъ. Онѣ думали, что насъ зарѣжутъ на главной площади передъ идолами!.. Прости имъ, Аллахъ, ихъ невѣжество!.. Въ лучшемъ случаѣ, родные предполагали, что насъ заставятъ молиться ихъ Богу и перейти въ ихъ вѣру... Что-же мы увидѣли?.. На Майданѣ вся изукрашенная стоитъ наша мечеть, другая на Авлабарѣ... третья—посреди русскаго города... Муллы почтены, какъ и русскіе священники... Ни

*) Аманатъ — заложникъ. Такихъ брали изъ вліятельныхъ семей, чтобы народъ не подымался противъ владычества русскихъ.

въ семьѣ, гдѣ я жилъ, ни въ школѣ, гдѣ я учился, никто не корилъ меня моей вѣрой, никто не говорилъ о томъ, что русская лучше. Я ни разу не слышалъ предложенія измѣнить Аллаху и его пророку, да будетъ имя его священно во вѣки-вѣковъ! Я видѣлъ, что русскіе содержатъ школы для мусульманъ, и имамы въ нихъ невозбранно учатъ дѣтей нашему закону. Я видѣлъ, что въ войскахъ у русскихъ служитъ много магометанъ, и никто не дѣлаетъ разницы между ними и христіанами. Я видѣлъ татаръ между генералами, мусульманъ-начальниковъ, строго командовавшихъ офицерами христіанами, и тогда впервые я понялъ, что такое русская власть, и научился уважать ее... „Но это большой городъ, тамъ, можетъ быть, они дѣлаютъ это для показа". Признаюсь, эта мысль и мнѣ приходила въ голову. Тѣмъ не менѣе, уѣзжая домой, я плакалъ... Семья, пріютившая меня, какъ родного,—тоже... Когда я вернулся въ горы, — мнѣ показалось, что я попалъ въ адъ. Но я былъ добрымъ елисуйцемъ... Обращаюсь къ тебѣ, мой кровный врагъ, князь Хатхуа: кто меня можетъ упрекнуть въ трусости?

— Никто!—громко произнесъ кабардинецъ.

— Въ жестокости?..

— Никто!..

— Въ подлости?..

— На твоей памяти нѣтъ этого... Свидѣтельствую...

— Отказалъ-ли я кому-нибудь въ гостепріимствѣ?..

— Никому...

— Не дѣлился-ли я съ нищими, не одѣвалъ ли нагихъ, не кормилъ-ли голодныхъ?..

— Да, да, да!

— Измѣнялъ-ли я слову своему?..

— Нѣтъ...

— Совершалъ-ли я вѣрно всѣ обряды моей вѣры? Не выстроилъ-ли я въ Елисуѣ мечеть? Не далъ-ли золота на школу муршиду Али-Ходжѣ?

И когда князь подтвердилъ все это, Курбанъ-Ага поднялъ голову къ уже сіявшему утреннимъ блескомъ небу и торжественно проговорилъ:

— Аллахъ, о, Аллахъ! Ты слышалъ свидѣтельство враговъ моихъ. Вспомни его, когда черезъ часъ душа моя предстанетъ предъ

твоимъ вѣчнымъ престоломъ.—Итакъ, судьи, я вернулся въ горы и былъ добрымъ мусульманиномъ и добрымъ елисуйцемъ. И вотъ, когда я еще разъ и уже навсегда увѣрился, кто такіе русскіе, они заняли Кубу, всѣ линіи Самура, вокругъ Шахъ-дага ихъ казаки поили своихъ коней въ горныхъ рѣкахъ и потокахъ. На стѣнѣ Искендера великаго въ Дербентѣ давно уже развѣвалось ихъ знамя. И всюду, всюду, куда они приходили и гдѣ оставались,—развивались ремесла, цвѣла промышленность, начиналась торговля. Всюду выростали сады, украшались аулы... Сознаніе безопасности заставляло людей думать о завтрашнемъ днѣ, и горцы богатѣли. Наши мечети загорѣли позолотой, купола ихъ, какъ твоя чалма, ходжа, покрылись зеленой эмалью. Съ конца въ конецъ задвигались караваны. Чѣмъ были мы—елисуйцы? Послѣдними изъ послѣднихъ! Теперь мы,—гордо возвысилъ онъ голосъ,—первые изъ первыхъ въ горахъ. Трудъ и богатство широкою рѣкою льются за ихъ полками. Они ничего не отнимаютъ, — они платятъ за все... Ихъ суды справедливы, какъ враги, — они великодушны... Посмотрите на жалкихъ персовъ, на этихъ презрѣнныхъ собакъ, которыхъ у насъ рѣзали, какъ барановъ. Они выстроили громадный базаръ. Кто былъ въ Баку, Ленкорани, пусть спроситъ ихъ, гдѣ лучше: подъ отеческой сѣнью шаха — кровожаднаго тирана,— срубившаго столько головъ, сколько не было часовъ во всей его жизни, или подъ строгимъ управленіемъ русскихъ? И они покажутъ вамъ свои дома, полные, какъ золотая чаша, изъ которой сладкій напитокъ уже льется черезъ край... У себя въ Иранѣ они живутъ, зарывая деньги, какъ нищіе, въ смрадныхъ лохмотьяхъ, въ проказѣ, въ грязи, въ руинахъ... Имъ страшно показать богатство, потому что шахъ отниметъ его; — здѣсь они, какъ цвѣты — красуются яркими одеждами, какъ пестрыя птицы блистаютъ свѣтлыми крыльями и перьями... Такъ всюду, куда приходятъ русскіе... Храбрые и великодушные враги, справедливые судьи, мудрые правители... Служу имъ, какъ людямъ, которые—дадутъ намъ покой, счастье, богатство...

— За наше рабство?—спросилъ его Ибраимъ.

— У нихъ нѣтъ его для насъ.

— Мы предпочитаемъ остаться свободными горными орлами; лучше тощать на нашихъ скалахъ, чѣмъ жирѣть въ ихъ хлѣвахъ

и закутахъ. Намъ нужна наша воля, какъ коршу сторъ, какъ вѣтру—ущелья, черезъ которыя онъ шали, что говоритъ Курбанъ-Ага въ свое оправда ли онъ?

Изъ судей всталъ сѣдой старый лезгинъ... Его приняли въ джигиты, потому что, по обѣту, онъ долженъ былъ умереть въ бою съ невѣрными.

— Курбанъ-Ага! Во имя Аллаха, скажи намъ, клялся-ли ты на коранѣ служить имъ... гяурамъ?

— Да, клялся...

Старикъ сѣлъ и задумался... Остальные молчали тоже. Сѣдой лезгинъ заговорилъ опять.

— Онъ измѣнникъ, потому что служитъ русскимъ... Но если-бы онъ не служилъ имъ, онъ былъ бы тоже измѣнникомъ, ибо онъ клялся на коранѣ и призывалъ священное имя пророка... Какъ выйти изъ этого?..

— Позволено-ли будетъ мнѣ, младшему между вами, подать свое мнѣніе?—тихо спросилъ, наклоня голову, кабардинскій князь.

— Говори, сынъ мой.

Хатхуа положилъ руку на плечо Курбанъ-Агѣ.

— Во имя Аллаха и пророка его Магомета требую для моего и нашего общаго врага Божьяго суда!..

Одобрительный ропотъ пронесся по собранію...

Лица судей просвѣтлѣли...

— Божій судъ... Божій судъ...

Оглядѣвъ всѣхъ и убѣдясь, что таково общее мнѣніе, Хатхуа вынулъ кинжалъ и бросилъ его на землю, снялъ пистолеты и съ ними сдѣлалъ тоже и подошелъ опять къ Курбанъ-Агѣ.

— Курбанъ-Ага, вызываю тебя на Божій судъ... Да дастъ Аллахъ побѣду тому, кто правъ, и да уничтожитъ виновнаго... Прости мнѣ смерть твою, какъ я впередъ отъ всего сердца прощаю тебѣ свою.

Курбанъ-Ага подалъ ему руку.

Они быстро обнялись.

— Да будетъ, да будетъ, да будетъ!—крикнули хоромъ присутствовавшіе.

Теперь Курбанъ-Агу и князя Хатхуа развели въ разныя стороны...

XI

Божій судъ.

Утро сіяло въ горахъ Дагестана. Только что вставшее солнце разогнало туманъ... Лошади давно били копытами въ землю отъ нетерпѣнія. Какая-то черная птица взмыла изъ развалинъ и разомъ утонула въ яркомъ блескѣ... Снѣговыя глыбы на высотахъ пылали.

— Божій судъ!.. Божій судъ!..—слышалось въ толпѣ лезгинъ...

Когда они выѣхали, Курбанъ-Ага отыскалъ внизу своего коня и гордо слѣдовалъ въ ихъ толпѣ. Лучшаго онъ не могъ ждать. Онъ могъ умереть, убивая не какъ преступникъ, а какъ честный врагъ. Тропинка вела отсюда черезъ арку стараго моста, дерзко переброшеннаго безъ устоевъ надъ пропастью... Мостъ былъ такъ узокъ, что если-бы кто ѣхалъ навстрѣчу, то или онъ, или слѣдовавшій изъ крѣпости долженъ былъ-бы сбросить своего коня внизъ въ бездну, гдѣ чуть-чуть слышалось въ страшной низинѣ ворчаніе едва замѣтнаго потока... По окраинамъ моста видны были слѣды парапета, но онъ давно обвалился и только въ одномъ мѣстѣ часть его осталась одинокимъ зубцомъ. Нѣсколько столѣтій стоитъ эта замѣчательная арка, а все-таки каждому представляется, что она вотъ-вотъ сейчасъ именно подъ нимъ должна рухнуть въ ту глубину, гдѣ вода разбивается о скалы, торчащія остріями вверхъ.

Огромные лѣса по скатамъ бездны чудятся отсюда мелкой травой... Лезгинамъ впрочемъ такіе пути были привычны. Они смѣло кидались вскачь по нимъ даже и тогда, когда ихъ кругомъ окутываютъ тучи, хотя поверхность арки давно сгладилась, и на ней легко было поскользнуться. Такъ и теперь, Джансеидъ и Селимъ съ бѣшенымъ крикомъ молніей промчались по аркѣ, хлеща лошадей нагайками и весело перекрикиваясь другъ съ другомъ... Остальная молодежь сдѣлала то же. Хаджи-Ибраимъ и пожилые люди съ улыбкой смотрѣли имъ во слѣдъ, но сами ѣхали важно, истово, медленно...

— Хорошее мѣсто для суда Божьяго! — замѣтилъ кабардинскій князь...

— Нѣтъ... дальше лучше есть! — отвѣтилъ ему старый лезгинъ.

Тропинка за мостомъ пропадала въ дикомъ лознякѣ, въ заросляхъ жасмина, цвѣты котораго осыпали всадниковъ бѣлыми лепестками... Должно быть, недалеко было жилье, потому что справа слышались полные сладкой грусти звуки чіанури, трепетные, разсѣянные, словно кто-то вздыхалъ, а не струны пѣли подъ медлительными пальцами игравшаго.

Лезгинамъ, впрочемъ, некогда было останавливаться. Ихъ манила къ себѣ долина. И какая долина! Становилось жарче и душнѣе, чѣмъ болѣе люди опускались внизъ... Мрачные силуэты голыхъ горъ точно сторожили этотъ райскій уголокъ. Внизу, въ долинѣ, лезгины поѣли и напились холодной, какъ ледъ, воды изъ горнаго потока... Курбанъ-Ага до конца Божьяго суда считался гостемъ, по обычаю. Ему подавали лучшіе куски и обращались съ нимъ привѣтливо. Даже во взглядахъ, которыми онъ мѣнялся съ княземъ Хатхуа, не было ненависти. Ей нѣтъ мѣста, гдѣ рѣшеніе принадлежитъ Аллаху... Въ долинѣ къ партіи присоединилось еще нѣсколько лезгинскихъ удальцевъ изъ аула, спрятавшагося въ чащѣ... Навстрѣчу имъ также пѣли:

„Слуги вѣчнаго Аллаха,—
Къ вамъ молитву мы возносимъ"..

Предположеніе Курбанъ-Аги, что отрядъ, по мѣрѣ движенія впередъ, будетъ расти, какъ лавина, оказалось справедливымъ. Еще недалеко было отъ Салтовъ, а онъ удвоился. Теперь уже князь, въ качествѣ вождя, выбиралъ. Такъ, изъ вновь пріѣхавшихъ двоихъ, показавшихся ему слишкомъ старыми, онъ отослалъ

назадъ, поблагодаривъ ихъ. Хаджи Ибраимъ, знатокъ корана, въ утѣшеніе объявилъ, что, такъ какъ они вернулись не по своей волѣ, то ихъ намѣреніе предъ очами Аллаха является тѣмъ-же, что и дѣйствительное участіе въ газаватѣ. Старики даже обрадовались столь дешево доставшемуся имъ райскому блаженству, и, не успѣлъ отрядъ подняться на высоту, какъ они опять нагнали его, держа перекинутыми черезъ сѣдла барановъ въ подарокъ. За противоположнымъ гребнемъ было мѣсто, годное для суда Божьяго, и Хаджи Ибраимъ объявилъ объ этомъ князю и Курбанъ-Агѣ.

Пока посланные осматривали мѣсто, оба противника сидѣли на гребнѣ горы, закутавшись въ свои бурки и погрузясь, по правилу, въ размышленія о девяносто девяти качествахъ Аллаха. Теперь ничто земное не должно было ихъ тревожить. Кабардинскій князь даже глаза зажмурилъ, чтобы дневной свѣтъ и панорама плававшихъ въ безконечности воздушныхъ вершинъ Дагестана не отвлекали его мыслей отъ предписаннаго закономъ благоговѣйнаго созерцанія. Курбанъ - Ага, уже нѣсколько скептически настроенный, благодаря частому общенію съ русскими, весь ушелъ въ воспоминанія о родимомъ уголкѣ. Передъ нимъ теперь рисовался, словно въявь, залитый солнечнымъ свѣтомъ дворикъ, по камнямъ котораго вздрагиваютъ и передвигаются легкія тѣни отъ выросшей въ углу его чинары. Вѣтерокъ колеблетъ ея листья, и они-же колышутся внизу. На плоской кровлѣ поднялись лиліи, и нѣжный ароматъ ихъ стоитъ надъ этимъ гнѣздомъ, гдѣ теперь сосредоточилось все, что любилъ собиравшійся умереть елисуецъ. Дѣйствительно, вонъ, изъ полумрака каморки, выходящей во дворикъ единственнымъ своимъ отверстіемъ — дверью, выбѣжалъ кудрявый-большеглазый мальчикъ, уже, какъ слѣдуетъ мужчинѣ, не отрывающій руки отъ кинжала; другой, поменьше, за нимъ. Смѣхъ ихъ и хохотъ раздаются по всему дому, и сверху съ галлереи заботливо оглядывается на нихъ занятая тканьемъ лезгинскаго сукна жена Курбанъ-Аги. Курбанъ-Аги вспомнилъ, съ какою радостью онъ всегда переступалъ порогъ дома, плотно запирая за собою калитку въ слѣпой стѣнѣ, окружавшей его. Тутъ были вѣчный миръ и спокойствіе. Дастъ Аллахъ, и послѣ будетъ продолжаться также. Гюльма сумѣетъ вырастить дѣтей и безъ него, сдѣлать изъ нихъ молодцовъ. Да и русскіе кунаки въ Дербентѣ не оставятъ ихъ такъ. Генералъ обѣщалъ ихъ

даже опредѣлить въ корпусъ, и оттуда они выйдутъ офицерами, будутъ носить золотые эполеты, солдаты станутъ отдавать имъ честь. А самъ Курбанъ-Ага сверху, изъ рая, будетъ любоваться ими и благословлять ихъ. Когда жена узнаетъ о его смерти?.. Онъ, впрочемъ, попроситъ объ этомъ у врага... Врагъ не смѣетъ отказать въ послѣдней просьбѣ умирающему... Впрочемъ, тогда будетъ некогда. Лучше теперь. И вотъ, когда кабардинскій князь шепталъ про себя фетху, ему вдругъ послышалось:

— Князь!

Онъ открылъ глаза и съ изумленіемъ замѣтилъ Курбанъ-Агу.

— Что тебѣ? Неприлично мнѣ передъ Божьимъ судомъ разговаривать съ тобою.

— Когда ты узнаешь, въ чемъ дѣло, поймешь, что иначе нельзя было. Если Аллахъ пошлетъ мнѣ смерть,—да будетъ благословенна воля Его! — прошу тебя дать знать моей вдовѣ, а твоей сестрѣ—въ Елисуй объ этомъ...

— Хорошо.

— Именемъ Аллаха, клянись мнѣ въ этомъ...

Князь далъ клятву, и успокоенный Курбанъ-Ага отошелъ и сѣлъ опять.

Не надолго, впрочемъ.

Ѣздившіе осмотрѣть мѣсто Ибраимъ съ Джансеидомъ вернулись... Они молча сѣли у костра, гдѣ жарилась баранина. До окончанія трапезы нельзя было разговаривать о дѣлѣ. Къ обоимъ участникамъ суда Божьяго подошли лезгины и подвели ихъ къ костру.

— Старайтесь укрѣпить пищей ваше тѣло! — пригласилъ ихъ Хаджи-Ибраимъ.

Ѣли въ молчаніи. Теперь уже не слѣдовало говорить никому, кромѣ Хаджи.

Когда мясо было съѣдено, и молитва мысленно прочтена, Ибраимъ взялъ кинжалы Курбанъ-Аги и князя, сравнилъ ихъ, потомъ изслѣдовалъ, насколько исправны ихъ винтовки и шашки. Кончивъ съ этимъ, онъ сломалъ вѣтвь ближайшаго дерева и протянулъ ее Курбанъ-Агѣ. Тотъ захватилъ ее въ руку, надъ его рукою взялся Хатхуа. Курбанъ перенесъ свою выше... Послѣднею у излома оказалась рука елисуйца.

— Тебѣ ѣхать первому... Тутъ начинается выступъ надъ бездной. Онъ угломъ заворачиваетъ за утесъ. Ты заѣдешь туда и вернешься. Навстрѣчу тебѣ поѣдетъ князь, — вы встрѣтитесь, и Богъ рѣшитъ, кто изъ васъ правъ и кто виноватъ...

Лезгины остались всѣ на мѣстѣ. Присутствовать при Божьемъ судѣ постороннимъ нельзя.

Курбанъ-Ага поѣхалъ.

Тропинка круто спускалась внизъ до тѣхъ поръ, пока гора не обрывалась отвѣсомъ въ бездну. Несмотря на яркій день, въ ней ничего не было видно... Только мгла курилась далеко-далеко внизу. Мрачной тѣсниной вставала противоположная возвышенность, тоже обрушившаяся прямымъ гранитнымъ обрѣзомъ... Надъ отвѣсомъ вдоль по горѣ шелъ незамѣтно на первыхъ порахъ рубчикъ... На немъ только одинъ конь могъ поставить ногу, да и то сжимаясь и суживая поступь... Вверхъ шелъ такой-же отвѣсъ... Карнизъ выступалъ, когда выступала гора, и змѣился, огибая громадной башней выдвинувшійся утесъ. Отвѣсы были такъ громадны, бездна такъ чудовищна, что сверху Курбанъ-Ага казался мошкою, ползавшею по этому рубчику. Только эта мошка занимала всю ширину рубчика. Часто даже казалось, что она виситъ надъ пропастью, тамъ, гдѣ карнизъ совсѣмъ суживался и почти сливался съ утесомъ... Горскіе кони осторожно спускались внизъ. Курбанъ-Ага старался не смотрѣть въ бездну. Она даже его, привычнаго горца, страшно тянула къ себѣ. Точно раскрытая пасть чудовища, она подстерегала его, и, какъ изъ пасти горячее дыханіе, оттуда клубился туманъ, но пропадалъ далеко еще отъ карниза... На отвѣсахъ—ни трещины, ни расщелины. Точно сама природа отполировала эту тѣснину. Падавшему внизъ не за что было зацѣпиться, онъ прямо долженъ былъ исчезнуть въ пасти провала. Курбанъ-Ага вспомнилъ преданіе, именно объ этомъ мѣстѣ. Ни одному лезгину, падавшему туда, не случалось выйти оттуда живымъ, а спуститься по охотѣ нельзя было, и горцы передавали изъ рода въ родъ, что эта щель есть ничто иное, какъ двери шайтана, сквозь которыя изъ ада по ночамъ вылетаетъ онъ сѣять зло и несчастіе въ мірѣ. Дна бездны тоже никто не видѣлъ сверху. Тамъ даже воды не было, потому что ни одинъ потокъ не струился туда. Тучи еще недавно оставили эти голыя горы, и ихъ влажный слѣдъ стоялъ еще

на карнизѣ. Лошадь часто скользила по ней. Случалось, что рубчикъ терялъ горизонтальность и краешкомъ наклонялся къ безднѣ, точно желая сбросить туда ѣдущаго. Тутъ всадники невольно шептали про себя молитву и, уже жмурясь, двигались дальше, полагаясь на цѣпкихъ, какъ кошки, горскихъ коней. Неопытные хватались за отвѣсъ направо, упирались въ него ладонями и такимъ образомъ нарушали равновѣсіе, съ такимъ страшнымъ трудомъ и искусствомъ соблюдаемое лошадью. Она срывалась внизъ и увлекала за собою всадника. И отъ обоихъ ихъ слѣда не оставалось на всемъ большомъ Божьемъ свѣтѣ; туманъ все такъ же зловѣще и загадочно курился внизу, и бездна не выдавала никому тайны. Курбанъ-Ага уже болѣе получаса ѣхалъ здѣсь, не оглядываясь, слѣдуетъ-ли за нимъ противникъ или нѣтъ. Онъ зналъ, что все равно онъ самъ долженъ вернуться и открыть нападеніе. Мѣсто было выбрано хорошо, и Хаджи-Ибрамъ выразилъ въ этомъ всю свою боевую мудрость. Здѣсь одного искусства человѣческаго мало было, — нужно непосредственное вмѣшательство воли Божьей. Рубчикъ огибалъ выступы — каменныя ребра горы. И Курбанъ-Ага то показывался на нихъ, то опять пропадалъ въ ихъ складкахъ. Наконецъ, издали передъ Курбанъ-Агой выступилъ страшный роковой утесъ, проѣхавъ который онъ долженъ обернуться для встрѣчи съ княземъ. Рубчикъ карниза почти пропадалъ, сливаясь съ каменнымъ тѣломъ скалы, или это такъ казалось отъ ея громадности. Скала эта не только обрушивалась, какъ отвѣсы до сихъ поръ, она висѣла въ воздухѣ, потому что на горѣ держалась выпуклиной, горбиной. Подъ нею былъ тотъ-же воздухъ, что и по сторонамъ.

— Ла-Илляги-иль-Аллахъ! — запѣлъ про себя Курбанъ-Ага.

Тутъ даже лошадь вдругъ пріостановилась и уперлась передними ногами, подавшись всѣмъ корпусомъ назадъ, точно ее пугалъ этотъ карнизъ. Она захрапѣла и осторожно поставила уши впередъ, но Курбанъ-Ага сжалъ ей бока ногами и слегка погладилъ рукою влажную, золотистую кожу ея шеи. Лошадь оглянулась на него умными глазами и, не переводя ушей, медленно двинулась впередъ. Тутъ ей приходилось недалеко ставить копыто отъ копыта, потому что рубчикъ казался едва намѣченнымъ. Солнце сюда уже попадало разсѣянными и рѣдкими, даже отраженными лучами, и по-

этому кое-гдѣ вверху, въ тѣлѣ утеса трепались извившіеся, искривленные цѣпкіе сучья „архани“, единственнаго растенія, бѣлые корни котораго умѣютъ извлекать соки жизни и изъ камня... Самый выступъ утеса былъ ужасенъ. Онъ далеко выдвинулся, точно край блюда надъ пропастью. Казалось, достаточно копыту ступить сюда, чтобы этотъ край обломился и полетѣлъ внизъ — куда, неизвѣстно. Вдали былъ одинъ воздухъ... Обогнувъ это опаснѣйшее мѣсто, Курбанъ-Ага замѣтилъ, что за нимъ уже рубчикъ карниза расширяется и лошадь его пошла живѣе, похлестывая себя хвостомъ по втянутымъ бокамъ и кивая головой, точно сама себя одобряя за недавній подвигъ этого переѣзда. Проѣхавъ сколько ему было сказано, Курбанъ-Ага — тамъ, гдѣ карнизъ расширялся въ площадку, обернулъ лошадь назадъ, сошелъ съ сѣдла, посмотрѣлъ, прочно-ли затянута подпруга, крѣпко-ли приторочено сѣдло. Пощупалъ стремена. Обошелъ коня, дунулъ ему въ ноздри и потеръ ихъ, потеръ и глаза, расчищая зрѣніе и, исполнивъ все это, сталъ на колѣни, или, лучше, присѣлъ, какъ всѣ мусульмане, и тихо проговорилъ:

— Господи! Ты знаешь жизнь мою, пошли мнѣ побѣду... Даю обѣтъ выстлать персидскими коврами мечеть, позолотить сѣдалище имама и лампады, выписать новый свитокъ корана. Боже вѣчный, пошли мнѣ побѣду!..

Окончивъ съ этимъ, онъ потеръ себѣ руки, какъ-будто вызывая ихъ силу и гибкость, сѣлъ въ сѣдло, вынулъ ружье изъ чехла, взялъ кинжалъ въ руки, потрогалъ пистолеты, — ловко ли ихъ въ случаѣ чего выхватить изъ-за пояса, и, поднявъ горизонтально дуло, двинулся впередъ, готовясь всадить пулю при первой встрѣчѣ врага... Онъ уже до рокового выступа сдѣлалъ довольно значительную часть пути, но врага не было. Пріостановивъ коня, прислушался: князь Хатхуа или еще мало подвинулся впередъ, или нарочно удержался и ждетъ его... Нѣтъ, Курбанъ-Ага не будетъ такъ простъ и наивенъ, чтобы обогнуть тотъ выступъ подъ дуломъ вражьей винтовки. Пусть князь потеряетъ терпѣніе и самъ сунется къ нему. Теперь уже всякая хитрость дозволена врагамъ. Судъ Божій! Аллахъ даетъ и лукавство тому, кому онъ посылаетъ побѣду. Нѣтъ... Чу!.. что это?.. Стукъ отъ копытъ. Хатхуа, значитъ, приближается... Стукъ все сильнѣе и сильнѣе... Неужели князь поетъ?.. Да, именно... Курбанъ-Ага внутренно даже похва-

лилъ врага за отвагу... Пѣть теперь, въ виду смерти!.. Онъ даже различалъ напѣвъ. Это священный гимнъ газавата... Отраженный прямыми стѣнами тѣснины, онъ всю ее наполняетъ торжественнымъ строемъ. Гимнъ ближе и ближе, стукъ копытъ слышнѣе и слышнѣе...

— Нѣтъ, онъ не скажетъ, что я затаился, какъ лиса въ норѣ, и выжидалъ его на себя...

И, повинуясь могучему порыву мужества и твердости, Курбанъ-Ага бросился впередъ...

— Я первый обогну выступъ. А тамъ дѣло Аллаха послать мнѣ смерть или побѣду.

Онъ даже ударилъ коня ногой, и тотъ весь вздрогнулъ и усилилъ шагъ.

У Курбанъ-Аги былъ достойный противникъ, по крайней мѣрѣ и по ту сторону скалъ топотъ копытъ ускорился. Видимо, и тамъ гнали коня во всю мочь. На одно мгновеніе Курбанъ-Ага бросилъ взглядъ въ пропасть. Скала тутъ висѣла надъ нею, подъ скалою надъ пропастью пролетѣла какая-то птица, — елисуецъ видѣлъ ее, когда она еще не достигла скалы, и вновь замѣтилъ, когда та вынеслась изъ-подъ нея. Еще нѣсколько мгновеній, и только... Теперь уже все равно. Вотъ и гребень выступа. Держа дуло на прицѣлѣ, вровень съ головой, Курбанъ-Ага дико взвизгнулъ и вынесся на ту сторону. Какъ его конь не слетѣлъ въ бездну, онъ потомъ не сумѣлъ бы объяснить этого. Онъ помнитъ только, что шагахъ въ двадцати передъ нимъ, надъ тою же страшною бездною несся на него кабардинскій князь. Глаза въ глаза. Подъ его соколиными бровями при видѣ противника вспыхнули гнѣвныя молніи, ноздри тонкаго и нервнаго носа широко раздувались. Онъ всталъ въ стременахъ, показывая презрѣніе къ врагу. Но елисуецъ, какъ лезгинъ, поступилъ иначе. Пославъ пулю, онъ приникъ къ головѣ коня. Вся тѣснина точно ахнула отъ выстрѣла. Тысячи разъ повторился онъ другими отвѣсами. Каждая скала отзывалась на нихъ, и въ глубинахъ бездонной пропасти грозно грохотало и ревѣло зловѣщее эхо.

Изъ-за ушей коня Курбанъ-Ага замѣтилъ, что его выстрѣлъ сорвалъ папаху съ кабардинскаго князя. Пуля того просвистала мимо и расплющилась о камень выступа позади. Быстрѣе мысли елисуецъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса и, когда лошадь врага

была уже шагахъ въ двухъ, — онъ послалъ ей пулю въ лобъ. Благородный кабардинскій конь взвился на дыбы и въ глазахъ Курбанъ-Аги рухнулъ вмѣстѣ со всадникомъ, какъ думалъ онъ, въ бездну. Не успѣлъ еще торжествующій крикъ елисуйца прозвучать надъ нею, какъ случилось чудо. Курбанъ-Ага почувствовалъ, что кто-то упалъ на него сверху и сильными руками сжалъ ему шею. Онъ захрипѣлъ, забился и уже замеръ было.

— Рано ты вздумалъ праздновать побѣду!—грозно раздалось надъ нимъ.

Голосъ былъ Хатхуа.

Дѣло въ томъ, что тотъ, предусматривая всѣ случайности боя,— ранѣе еще вынулъ ноги изъ стремянъ. Когда раненый конь его взвился на дыбы и приподнялъ такимъ образомъ всадника, кабардинецъ съ несравненной ловкостью вскочилъ на сѣдло и схватился руками за кустъ „архани“, торчавшій надъ нимъ изъ скалы. Лошадь его рухнула внизъ, и онъ самъ видѣлъ, какъ она перевернулась въ воздухѣ, но въ то же время конь врага, двигавшійся впередъ, былъ уже подъ нимъ, и Хатхуа съ высоты прыгнулъ ему на крупъ и сжалъ стальными руками горло Курбанъ-Аги.

— Рано ты вздумалъ праздновать побѣду...

Онъ нѣсколько разжалъ руки. Курбанъ-Ага уже не могъ защищаться, — врагъ былъ за спиной.

— Аллахъ справедливъ! Не забудь передать сестрѣ о моей судьбѣ. Не мсти ей и моимъ дѣтямъ.

— Послушай, Курбанъ-Ага!.. Что бы ты сдѣлалъ, если бы ты былъ на моемъ мѣстѣ?..

— Что?.. Зачѣмъ спрашиваешь?.. Развѣ нѣтъ у тебя кинжала, и пропасть не внизу?

— Ты убилъ бы меня?

— Разумѣется...

— Умри же!..

Но въ эту минуту сверху что-то чернымъ комкомъ упало передъ самою мордою лошади. Упала и затрепетала какая-то птица и, размахивая по камнямъ крыльями, билась съ выраженіемъ неописаннаго ужаса... Не разгибая рукъ, Хатхуа всмотрѣлся. Она широко раскрывала красный клювъ, но все было напрасно: съ высоты такимъ же камнемъ ринулся на нее и, только въ самомъ низу,

чтобы не разбиться, раскинулъ громадныя черныя крылья—горный орелъ. Птица запищала еще жалостнѣе, еще шире раскрыла клювъ и выставила впередъ вооруженныя когтями лапы. Но орелъ уже зацѣпилъ ее и поднялся, и вдругъ выпустилъ... Изъ трещины камня взвилась змѣя и обвила орла. Орелъ съ страшнымъ врагомъ ринулся въ недосягаемую высоту и пропалъ въ ней.

Суевѣрный Хатхуа счелъ это указаніемъ свыше.

Соколъ остался живъ, хотя орелъ и налетѣлъ на него.

— Послушай, Курбанъ-Ага!..

— Не мучь меня, кончай скорѣй!..

Хатхуа съ силой повернулъ его лицо къ себѣ. Оно было блѣдно. Курбанъ-Ага даже закрылъ глаза.

— Довольно! Я видѣлъ твой страхъ... Курбанъ-Ага... вернись домой и скажи сестрѣ, что ты мнѣ обязанъ жизнью, что я пощадилъ тебя, что на судѣ Божьемъ я не поразилъ тебя въ самое сердце. Да проститъ мнѣ Аллахъ!.. Скажи это сестрѣ и будь счастливъ... но, чтобы ты не могъ предупредить русскихъ, — иди пѣшкомъ. Ты, во всякомъ случаѣ, доберешься до нихъ послѣ насъ... Выкупомъ за твою жизнь — будетъ твой конь...

И, поднявъ его подъ руки надъ конемъ, Хатхуа черезъ голову лошади поставилъ его передъ нею.

— Пролѣзай подъ нею... И иди себѣ... Въ книгѣ у пророка не было назначено тебѣ умереть сегодня!

Курбанъ-Ага покорно исполнилъ это... Кабардинецъ ударилъ коня и, не оглядываясь, поѣхалъ впередъ, гордый и мрачный, не думая о томъ, что оставшійся позади врагъ могъ поразить его.

— Хатхуа! — послышалось за нимъ.

Тотъ привсталъ въ стременахъ и обернулся.

— Хатхуа! Я научу моихъ мальчиковъ молиться за тебя.

— Научи ихъ быть добрыми джигитами, чтобы они не позорили рода своей матери.

— Хатхуа! Вражда не вѣчна... Сестра будетъ молить тебя о мирѣ.

— Нѣтъ, не можетъ быть мира между нами. Аллахъ видитъ,— нѣтъ зла противъ тебя въ сердцѣ моемъ. Но она, — урожденная княжна, изъ рода правителей Кабарды, забыла все и стала женой простого елисуйца.

И безконечная гордость прозвучала въ голосѣ кабардинскаго князя.

— Вѣдь я взялъ ее силой. Что же она могла дѣлать?..

— Что?.. Въ роду Хатхуа объ этомъ не спрашиваютъ. Когда нѣтъ силы, — есть смерть. Она могла умереть и осталась жива, чтобы варить бузу и молоть просо простому лезгину... Нѣтъ, Курбанъ - Ага, не можетъ быть мира между нами. Прощай!

И, уже не оглядываясь, князь поѣхалъ впередъ по рубчику карниза.

Тѣснина еще гремѣла эхомъ недавнихъ выстрѣловъ. Гдѣ-то далеко, далеко внизу они повторялись глуше и глуше. Въ туманѣ, который курился изъ ея разверзтой пасти, уже исчезла лошадь съ кабардинцемъ. Курбанъ - Ага повернулся, вынулъ ружье изъ чехла опять, и, опираясь на его дуло, пошелъ по тропинкѣ...

Лезгины были всѣ въ сборѣ и готовы къ походу. Увидѣвъ князя на лошади Курбанъ-Аги, они крикнули ему:—„съ побѣдой, князь, съ побѣдой!“ Но онъ мрачно отмахнулся.

— Елисуецъ остался живъ.

— Какъ!— воскликнулъ Ибраимъ и рванулся было впередъ.

— Постой... Я оставилъ ему страхъ.

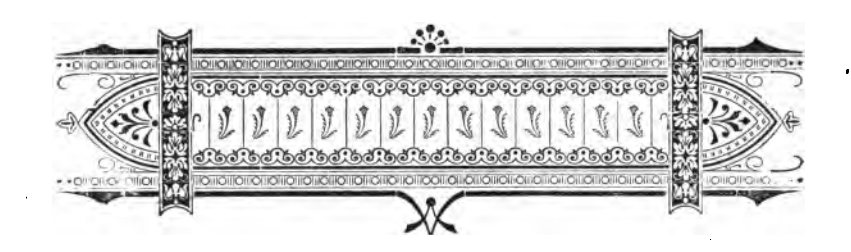
— Ты пощадилъ его... Ты, значитъ, забылъ, что такое судъ Божій?

— Мнѣ было знаменіе.

И онъ разсказалъ, какъ змѣя освободила сокола отъ горнаго орла.

Старикъ лезгинъ подъѣхалъ.

— Ты хорошо сдѣлалъ, сынъ мой... У врага обрѣзаны когти теперь. Онъ у русскихъ будетъ послѣ насъ; Аллаху угодно, чтобы отвага соединялась съ милосердіемъ. Ты поступилъ хорошо, сынъ мой... Хорошо! Это былъ истинный судъ Божій, ибо одно изъ левяносто девяти свойствъ Господа — милость!..



XII

Радость забытой крѣпости.

Командовалъ Самурскимъ укрѣпленіемъ майоръ Брызгаловъ, изъ старыхъ кавказскихъ служакъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ семнадцатилѣтнимъ юношей былъ онъ отправленъ сюда изъ деревни старикомъ - отцомъ и опредѣлился юнкеромъ въ Тенгинскій полкъ, въ которомъ тотъ служилъ когда-то. Степанъ Федоровичъ Брызгаловъ до офицерскихъ эполетъ протянулъ достаточно продолжительную лямку. Подъ Ленкоранью онъ получилъ первый солдатскій георгіевскій крестъ, на высотахъ Хадай - Ли вскочилъ первымъ на завалы и украсилъ грудь вторымъ и, наконецъ, только въ двадцать четыре года, послѣ молодецкаго дѣла въ елисуйскомъ султанствѣ, гдѣ онъ ухитрился со взводомъ солдатъ двое сутокъ отбиваться отъ насѣдавшаго на него отовсюду непріятеля — былъ произведенъ въ прапорщики. Причины столь долговременнаго ожиданія были основательны. Брызгалову грамота давалась туго, и экзаменъ, далеко не строгій (времена были такія), выдержать ему довелось только черезъ пять лѣтъ. И то, впрочемъ, съ грѣхомъ пополамъ. Когда полковникъ предложилъ ему вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ отступать при превосходномъ числѣ непріятеля, Брызгаловъ отвѣтилъ:

— Ни при какомъ числѣ россійскому воину отступать не приличествуетъ.

— Ну, а если бы вашу роту аттаковало скопище тысячъ въ пять?..

— Отбился бы... И тому примѣры у насъ имѣются.

— Ну, а тысячъ десять?..

— Надѣялся бы на Бога, г. полковникъ.

— Это хорошо... Но представьте себѣ, что на васъ набросилось бы видимо-невидимо.

— Сталъ бы готовиться къ смертному часу... а объ отступленіи бы и не подумалъ.

— Я думаю, его больше и экзаменовать нечего? — обратился полковникъ къ окружающимъ.

— Разумѣется, офицеръ будетъ бравый. Ну, Брызгаловъ, поздравляю тебя съ эполетами. Посылай за кахетинскимъ да вели жарить шашлыкъ товарищамъ.

Тѣмъ не менѣе Степанъ Федоровичъ, уже въ офицерскихъ чинахъ, старался образовать себя по благородному. Въ Тифлисѣ онъ выучился танцовать минуэтъ и польку, могъ пройтись въ полонезѣ, у итальянца Бернардо Бернарда вызубрилъ пять, шесть французскихъ фразъ, перенялъ „поклоны съ комплиментомъ“, какъ говорили тогда, и даже осмѣлился на такую благовоспитанность, что сталъ выпускать воротнички изъ подъ воротника, а подъ сюртукомъ носить бѣлый жилетъ, и какъ-то на балу у намѣстника онъ плѣнилъ грузинскую дѣвицу изъ княжескаго рода, съ такимъ громаднымъ носомъ, какимъ не могла похвастаться ни одна турецкая фелука. На другой день къ Брызгалову явилась старуха-армянка и сообщила ему, что онъ окончательно побѣдилъ грузинскую дѣвицу— и если хочетъ получить въ приданое двѣ тысячи барановъ въ Закаталахъ, виноградники въ Душетѣ и домъ въ Тифлисѣ, то можетъ свататься. Брызгаловъ былъ весьма польщенъ и приказалъ армянкѣ „стараться“. Та постаралась такъ, что черезъ недѣлю онъ уже въ парадномъ мундирѣ, взбивъ кокъ на лбу и зачесавъ виски впередъ, держа руку въ бѣлой перчаткѣ, по формѣ, между третьей и четвертой пуговицей, пилъ у княжны кофе.

Брызгаловъ сдѣлалъ „пропозицію“. По этому торжественному случаю изъ дальнихъ комнатъ была выведена мать княжны, старая княгиня ужаснаго вида. Къ ея громадному носу прилѣпились двѣ коринки, игравшія роль глазъ. Кончикъ носа и подбородокъ напо-

минали два соединенныхъ копья, подъ которыми торчала пара ржавыхъ клыковъ. Брызгаловъ доказалъ истинную неустрашимость русскаго воина и подошелъ къ ручкѣ. Сыновья что-то сказали посвоему старухѣ, и невѣдомо откуда явился грузинскій попъ съ иконой, и не успѣлъ еще Степанъ Федоровичъ опомниться, какъ старшій братъ, Леванъ, уже подносилъ ему оправленный въ серебро турій рогъ съ кахетинскимъ виномъ и поздравлялъ его съ обрученіемъ. Коринки источали слезы. Потомъ явилась зурна, тиблипито и дудуки. Невѣста плясала лезгинку, а женихъ билъ въ ладоши, потомъ опять на сцену выступилъ турій рогъ. На другое утро за окномъ опять заиграли дудуки, запѣла чіанури, и забили тиблипито. Оказалось, что братья княжны давали ему нѣчто въ родѣ серенады.

Получивъ разрѣшеніе отъ начальства и благословеніе отъ отца, восхищеннаго тѣмъ, что сынъ его женится на княжнѣ, Брызгаловъ обвѣнчался, и послѣ свадьбы узналъ, что за его женой были только тѣ бараны, которыхъ подавали на ужинъ, что-же касается до виноградниковъ, то о нихъ ведется процессъ, начатый еще двѣсти лѣтъ назадъ. Домъ въ Тифлисѣ былъ на-лицо, но онъ настолько-же принадлежалъ княжнѣ, какъ и всѣ другіе дома. Мать ея нанимала квартиру въ немъ и, когда Брызгаловъ явился съ объясненіями, оказалась не понимающею русскаго языка и только источала безчисленныя слезы. Впрочемъ, Степанъ Федоровичъ недолго обращалъ вниманіе на всѣ эти пустяки. „Предположимъ, что я ее взялъ за красоту!“—рѣшилъ онъ разъ навсегда и успокоился... Такъ онъ это объяснялъ и другимъ, и красота г-жи Брызгаловой долго была въ Тенгинскомъ полку любимою шуткою. Тѣмъ не менѣе оказалось, что Степанъ Федоровичъ не прогадалъ. Во-первыхъ, жалованья его, сколь оно мало ни было, съ избыткомъ хватало на простую и незатѣйливую жизнь, какую всѣ вели тогда на Кавказѣ; во-вторыхъ, разъ женившись на грузинской княжнѣ, онъ вдругъ половинѣ Кавказа сдѣлался „свой“, и его всюду носили на рукахъ и чествовали, какъ родного; въ-третьихъ, сама Нина Андрониковна оказалась кладомъ настоящимъ. Она принадлежала къ тому типу кавказскихъ военныхъ дамъ того времени, которыя ни при какихъ обстоятельствахъ не терялись, и не было такихъ запутанныхъ случайностей, изъ которыхъ онѣ не могли бы выйти съ честью... Она была истиннымъ чудомъ энергіи, изобрѣтательности, терпѣнія. Куда судьба

ни закидывала ее, на скалы-ли Дагестана, въ ущелья Аварскаго Койсу, въ дидойскіе аулы, въ степь Акстафинскую, — все равно. Дѣти оказывались чисто одѣтыми и сытыми, мундиры и бѣлье мужа были въ порядкѣ, на столѣ всегда являлись щи и котлеты, долговъ ни копейки, и кто бы изъ товарищей ни зашелъ, — у Нины Андрониковны, словно изъ какого-то сказочнаго рога изобилія, появлялись и водка, и вино, и закуска, и чай... Рота, которою уже командовалъ Брызгаловъ, считала Нину Андрониковну за мать. Провинился-ли солдатъ, пропадать надо, времена были строгія, — сейчасъ къ ней. Смотришь, за обѣдомъ подастъ она Степану Федоровичу необычайно вкусную долму и вдругъ поставитъ бутылку удивительнаго кварели. Брызгаловъ разнѣжится, она тутъ ему и разскажетъ о бѣдѣ, постигшей солдата, и все кончалось легкимъ тычкомъ да угрозой „сквозь строя“ въ будущемъ. Задолжаетъ-ли и запутается молодой офицеръ, къ кому-же какъ не къ Брызгаловой? Она и выручитъ и нагоняй дастъ, и посовѣтуетъ, что дѣлать. Откуда эта женщина—истощенная, худая, не красивая, всю жизнь дышавшая на ладонъ—брала такія силы—кто могъ отвѣтить! Такія были тогда, — какъ были и герои и богатыри мужья... Какъ-то съ мужемъ случилась бѣда, — онъ нечаянно застрѣлилъ мирнаго бека. Дѣло пахло „солдатчиной“. Нина верхомъ поскакала изъ Дербента въ Тифлисъ черезъ горы, по ауламъ, занятымъ враждебными племенами, и у намѣстника вымолила-таки приказаніе „предать дѣло волѣ Божьей“. У Нины не было ни на одну минуту досуга днемъ. Вмѣстѣ съ удивительно тупымъ и неповоротливымъ, какъ буйволъ, денщикомъ Тарасомъ, она вела весь домъ. Смѣявшіеся сначала надъ тѣмъ, что Степанъ Федоровичъ взялъ ее за красоту, товарищи, какъ и слѣдовало простымъ и хорошимъ людямъ, скоро разсмотрѣли въ ней такую прелесть душевную, что искренно завидовали Брызгалову; такъ что, когда, наконецъ, она не выдержала и, во время одного перехода зимой черезъ дикій чеченскій хребетъ, схватила горячку и умерла, весь полкъ плакалъ надъ ея гробомъ, какъ дѣти, а Степанъ Федоровичъ только растерянно смотрѣлъ и, смаргивая слезинки, безсильно обращался ко всѣмъ съ вопросомъ:

— Что-же мы теперь, братцы, безъ нея-то, безъ Нины?.. Что-же мы?..

Съ такимъ-же вопросомъ онъ отнесся и къ Тарасу.

— Тарасъ!.. Какъ-же мы нынче-то... А?..

— Богу тоже, ваше благородіе, ангелы нужны! — разревѣлся тотъ и убѣжалъ въ оврагъ, чтобы его никто не замѣтилъ въ столь неестественномъ видѣ.

Такая же блѣдная, худая и озабоченная Нина лежала въ гробу. Къ ней подходили, прощались съ нею, — и каждый читалъ въ чертахъ ея застывшаго лица именно заботу. Точно и надъ могилою, куда ее должны были опустить, она думала, какъ на семнадцать копеекъ и три четверти приготовить мужу и дѣтямъ вкусный обѣдъ, да изъ тѣхъ-же денегъ и больной дочкѣ сварить супъ изъ курицы... Дочку звали тоже Ниной, — но она не напоминала мать. Она одна оставалась на рукахъ у отца, — сыновей всѣхъ покойница опредѣлила въ корпусъ, и тѣ воспитывались тамъ молодцами, обѣщая превосходныхъ офицеровъ для кавказской арміи... Когда Нину Андрониковну схоронили, — полковой командиръ подалъ просьбу намѣстнику, отъ лица всего полка, для опредѣленія ея дочери въ институтъ на казенный счетъ „за заслуги матери". Это было исполнено, и дѣвочку скоро отправили въ Петербургъ, въ Смольный, гдѣ она и оставалась девять лѣтъ, совсѣмъ забывъ Кавказъ или зная его только по преувеличеннымъ описаніемъ того времени...

Степанъ Федоровичъ въ это время могъ-бы опять и хорошо жениться. Онъ уже командовалъ баталіономъ, былъ на виду. Но не могъ забыть Нину.

За три года до описываемыхъ нами событій Степанъ Федоровичъ получилъ назначеніе на Самурскую линію.

Его сдѣлали комендантомъ одного изъ укрѣпленій на этой рѣкѣ, защищавшаго наши Каспійскіе берега и въ то же время вдвинувшагося въ самое сердце угрюмаго лезгинскаго края...

Крѣпость, съ ея круглыми башнями и стѣнами, стояла между двумя рукавами Самура.

Посреди мрачныхъ великановъ Дагестана, подымавшихся вокругъ снѣговыми вершинами, она казалась такой маленькой и жалкой. Надъ нею обрывались крутыя скалы, съ гребней которыхъ за каждымъ шагомъ немногихъ защитниковъ крѣпости слѣдили зоркіе хищники—„немирные". Кругомъ все было величаво, но пустынно и грозно... Въ чащахъ, выросшихъ за Самуромъ, гнѣздились дидойцы и казикумухцы. Нельзя было безнаказанно выйти подальше

за стѣны укрѣпленія, чтобы тотчасъ-же у самой головы гулявшаго не просвистала пуля — затаившагося въ какой-нибудь впадинѣ абрека... Нарубить дровъ въ окрестныхъ лѣсахъ — всякій разъ стоило нѣсколькихъ жизней. Почта въ крѣпость доставлялась разъ въ мѣсяцъ и рѣже, когда были оказіи... По ночамъ за стѣны укрѣпленія выгонялись сторожевыя собаки, оберегавшія доступъ къ нему и предупреждавшія остервенѣлымъ лаемъ о приближеніи опасности... На одной изъ скалъ поблизости прежде было нѣсколько деревьевъ. Пока Брызгаловъ не приказалъ ихъ вырубить, оттуда лезгины, притаясь за ихъ стволами, случалось, часто били на выборъ людей, спокойно переходившихъ черезъ улицу внутри крѣпости.

Часто мѣсяца по два гарнизонъ Самурскаго укрѣпленія кормился солониною и хлѣбомъ, крупою и картофелемъ. Когда мирные лезгины оставались въ аулахъ и прекращали доставку барановъ и живности, — комендантъ и его офицеры могли только мечтать объ этой роскоши. Овощи привозились изъ Дербента раза два, три въ годъ. Солдаты пробовали разводить за стѣнами свои огороды, но ихъ ждали лезгинскія пули. Вздумали ходить по ночамъ выкапывать рѣдьку, морковь, брать капусту, — два, три раза это удалось, зато послѣ партія огородниковъ была вырѣзана... Въ концѣ-концовъ, пришлось бросить и огороды...

Въ такихъ закоулкахъ, какъ Самурское укрѣпленіе, — женщинъ не видали. Въ девять часовъ вечера, когда выпускали собакъ, барабанщики били зорю и крѣпость засыпала. Только унылые крики часовыхъ, повторяемые эхомъ безчисленныхъ ущелій и скалъ, одни будили молчаніе долины, по которой Самуръ медленно катилъ струи... Собаки не нарушали безмолвія. Онѣ были слишкомъ хорошо выучены. Лай обозначалъ „берегись, — вижу врага", и на такой внутри крѣпости отвѣчала тревога... Собаки шныряли на версту кругомъ, обшаривали всѣ чащи, рощи, кусты, — и если непріятель бывалъ въ одиночку, то онѣ, не подымая шума, кидались на него и расправлялись сами. Этимъ вѣрнымъ слугамъ горскихъ укрѣпленій шелъ паекъ отъ казны. Имъ выписывали провіантъ, и онѣ вообще были въ большой чести у солдатъ. „Нашъ-братъ, воинъ!" говорили они про этихъ вѣрныхъ и умныхъ животныхъ, — присяги не давали, а дай Богъ каждому такъ послужить Царю-батюшкѣ". Въ

спискахъ гарнизона значились и собаки поименно. Любопытно, что при такихъ условіяхъ и умъ у нихъ развивался необыкновенно. Крѣпостная собака была исполнена собственнаго достоинства, никогда не вызывала и не терпѣла побоевъ. Она не ластилась, не виляла хвостомъ, не смотрѣла искательски въ глаза, но зато грудью стояла за своихъ солдатъ и въ бою кидалась на лезгинъ и, если бывала ранена, — боевые товарищи клали ее на шинели и приносили въ крѣпость на рукахъ. Храбраго пса помѣщали въ лазаретъ и ухаживали за нимъ, какъ за человѣкомъ. „При первомъ звукѣ барабана, призывавшаго къ сбору, собаки собирались передъ командой, выходившей изъ укрѣпленій, разсыпались впереди стрѣлковъ и открывали непріятеля, засѣвшаго въ лѣсу...“ Собаки такъ много значили, что впослѣдствіи Шамиль тѣмъ, кому удавалось убить такую, назначалъ особыя награды. Въ плѣнъ она не шла. Не было случая, чтобы горцамъ удавалось приручить ее. На цѣпи она издыхала отъ голоду и не подпускала къ себѣ никого, даже съ пищей.

Съ бастіоновъ крѣпости виднѣлись на высотахъ, въ глубинѣ ущелій большіе аулы, — но всѣ они были враждебны намъ. Солдаты только любовались ими, не смѣя и помышлять отправиться къ кунаку на побывку, Между чеченцами и черкесами у русскихъ были кунаки; лезгины никогда не входили въ дружескія сношенія съ нами. Разъ навсегда между русскими и горцами было здѣсь объявлено безпощадное канлы... Между собою лезгины, случалось, прекращали его, но съ русскими — никогда. Даже тѣ, которые пріѣзжали съ торговыми цѣлями въ Дербентъ, принимали приглашеніе русскаго коменданта и пили у него чай, — потомъ должны были каяться въ аульныхъ мечетяхъ, и кадіи налагали на нихъ штрафъ въ пользу джамаата. Вольныя, демократическія общества аварцевъ, враждовавшія между собою, коль скоро дѣло касалось русскихъ, немедля соединялись въ тѣсные союзы. Между аулами и родами кровомщеніе прекращалось, когда подымался газаватъ. Лезгина трудно было замѣтить изъ укрѣпленія. Коней въ горахъ Дагестана было мало. Черкесъ не сходилъ съ лошади,—и его было хоть изрѣдка видно; большинство лезгинъ дрались пѣшкомъ и пробирались по горнымъ рытвинамъ такъ, что ихъ, случалось, узнавали, когда уже на стѣнахъ крѣпости слышался ихъ дикій, воин-

ственный крикъ, и показывались ихъ лохматыя папахи. Каково было положенiе здѣшнихъ укрѣпленiй, видно изъ того, что нигдѣ нашимъ войскамъ не приходилось такъ жутко, какъ въ Дагестанѣ. Лучшiе бойцы длинной эпопеи кавказской войны вышли отсюда: Кази-Молла - Гамзатъ - бекъ, Сурхай, оборонявшiй Ахульго, Ахверды-Магома, Хаджи-Муратъ и самъ Шамиль — великiй имамъ — были лезгинами - аварцами. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I въ 1722 году при помощи преданнаго ему Шамхала Тарковскаго Адиль Гирея разбилъ Уцмiя Каракайтахскаго и взялъ Дербентъ,—пламя боевого пожара не унималось въ Дагестанѣ ни на одно лѣто. Чеченцы, кабарда, адыге — мирились временами съ русскими, вступали съ ними въ переговоры, а лезгины никогда. Ханства Дербентское, Кубинское, Кюринское, Табассарань были завоеваны, но самый Дагестанъ стоялъ подъ облаками, какъ неприступная крѣпость, перерытый безднами, съ дорогами въ видѣ ступеней по утесамъ, со своими утонувшими въ небесахъ аулами, каждая хижина которыхъ казалась замкомъ. Грозный и непобѣдимый, онъ не дрогнулъ даже и тогда, когда сердаръ Ермоловъ завоевалъ Аварiю. На требованiе покорности — гордые кланы насмѣшливо отвѣтили ему:

— Приди, если можешь; возьми, если смѣешь!

Другiе отвѣтили еще высокомѣрнѣе:

— Нами можетъ править только тотъ, кто живетъ выше насъ, т. е. Аллахъ.

До 27-го года у насъ здѣсь была только одна крѣпость—Бурная. Съ 77-го мы начали возводить здѣсь другiя по Самуру и Сулаку. Но не разъ случалось, что лезгины, нечаянно напавъ на строителей, истребляли ихъ и до послѣдняго человѣка, такъ что въ Дербентѣ не знали о судьбѣ, постигшей несчастныхъ. Даже въ аулахъ, покоренныхъ нами, нельзя было обезоружить жителей,— ихъ надо было истреблять. Въ нападенiи на Сулакское укрѣпленiе участвовали лезгинки-женщины и дрались съ такимъ неистовствомъ, что у Брызгалова, напримѣръ, до сихъ поръ поръ черезъ весь лобъ шелъ громадный шрамъ отъ ихъ удара кинжаломъ. Онъ даже не заявилъ о немъ и не желалъ, чтобы его записали вмѣстѣ съ другими ранами въ его формуляръ.

— Бабiй ударъ! Подумаешь, какая слава будетъ. Не къ решпекту нашему. Нѣтъ, ужъ лучше пусть такъ...

Степанъ Федоровичъ пытался сходиться съ выдающимися богатствомъ или значеніемъ горцами.

Помимо „политики", какъ выражались тогда, его вынуждала къ этому и страшная скука крѣпостной жизни, но это было все неудачно. Лезгины пріѣзжали, подарки принимали, высматривали слабыя стороны укрѣпленія и въ слѣдующую же весну являлись предводителями отрядовъ, нападавшихъ на него... У плѣнныхъ добивался Брызгаловъ:

— Зачѣмъ же ты надулъ насъ?

Но лезгины только таращились. Какая честность обязательна по отношенію къ врагу!

— А развѣ, если бы ты могъ, — не обманулъ бы насъ?..

— Русскіе никогда не обманываютъ.

— Напрасно... Мыслей человѣка не узнаешь, а слова всегда лгутъ...

Одного Ермолова впослѣдствіи боялись они—да и то въ пограничныхъ аулахъ. Тамъ, дѣйствительно, притихли и даже стали пѣть:

„Дѣти, не играйте шашками, не выхватывайте кинжала, чтобы онъ не блисталъ!.. Бѣда, какъ орлица распустила надъ нами черныя крылья... Сердаръ Ермолъ близко... Мы слышимъ крики его отряда, видимъ отсвѣтъ его костровъ...

„Онъ все знаетъ, все проницаетъ. Чего не разсмотритъ, о томъ догадается. Глазъ у него, какъ у сокола, полетъ—быстрѣе пули...

„До него русскіе, какъ куры въ клѣтушкахъ, сидѣли за толстыми стѣнами крѣпостей, а по горамъ и по долинамъ, по ущельямъ и стремнинамъ весело гуляли лезгины. Все кругомъ было ихнее... Тяжко было урусу, радостно горцу...

„Но, разсѣкая воздухъ могучими крыльями, прилетѣлъ съ сѣвера сердаръ. И вышли русскіе изъ крѣпостей... Уши лошади для нихъ вмѣсто присошекъ, сѣдельная лука—вмѣсто стѣны... Ничего они съ нимъ не боятся... Онъ кличетъ,—они идутъ, куда его подымутъ крылья, — туда ихъ донесутъ ноги... Сначала они взяли долины, потомъ горы... Страшно стало у насъ подъ облаками. Негдѣ жить...

„Дѣти, не играйте шашкой, чтобы она не блеснула подъ солнцемъ.

„Сердаръ орломъ падаетъ на добычу, онъ клюетъ желѣзнымъ

клювомъ, раздираетъ ее стальными когтями. Онъ, когда сердитъ, мечетъ молніи изъ глазъ, когда спокоенъ, на лбу его тучи"...

Три уже года прожилъ такъ Брызгаловъ — то предпринимая экспедиціи для наказанія ближайшихъ ауловъ, то отбиваясь отъ бѣшеныхъ лезгинскихъ скопищъ, — и это еще было сравнительно веселое время! Гораздо тяжелѣе въ долгія зимы было сидѣть въ четырехъ крѣпостныхъ стѣнахъ, выслушивать рапорты офицеровъ, по вечерамъ играть въ бостонъ и ералашъ съ батюшкой, докторомъ и двумя ротными командирами. Одинъ изъ нихъ, поочереди, находился въ отпуску въ Дербентѣ, другой былъ на мѣстѣ, ожидая его возврата, чтобы поѣхать самому. Бѣдному Брызгалову приходилось безсмѣнно оставаться здѣсь, неся тяжкую службу...

— Зато на насъ вся Россія смотритъ! — шутилъ онъ бывало.

— Смотритъ, да не видитъ!..

— И слава Богу! Экая краса какая, особенно вы, докторъ, посмотрите-ка на себя...

— Не во что... у насъ въ крѣпости и зеркала нѣтъ.

Дѣйствительно, зеркала не было.

Но въ послѣдніе мѣсяцы съ каждой оказіей Брызгаловъ что-нибудь да выписывалъ изъ Дербента. Прежде всего привезли зеркало и повѣсили его въ одной—самой угловой комнатѣ комендантскаго управленія. Къ Степану Федоровичу сталъ ходить народъ смотрѣться. Молодые офицеры начали причесываться. Такихъ было трое. Одинъ изъ нихъ даже выписалъ себѣ одно ручное зеркальце, увлекшись примѣромъ начальника, и за это получилъ прозвище „кокетки". Затѣмъ—явились ковры... Ситцевыя занавѣсы... Наконецъ, съ послѣдней оказіей доставили постель и пологъ къ ней, а кровать была заказана крѣпостному столяру, да еще съ рѣзьбой... Столяръ, впрочемъ, былъ немудрящій и соорудилъ какой-то ковчегъ, но въ крѣпости и это было диво-дивомъ... Наконецъ, Степанъ Федоровичъ объявилъ своимъ офицерамъ.

— Сюда скоро пріѣдетъ моя дочка. Институтъ кончаетъ. Ну, такъ я ей резиденцію приготовляю.

Эта вѣсть живо облетѣла всю крѣпость, — и вдругъ надъ нею даже воздухъ сталъ всѣмъ казаться розовымъ. Дочка Брызгалова должна была быть непремѣнно красавицей. Молодежь иначе и не понимала. Потомъ—воспитанная. Можетъ быть, даже по француз-

скому... Поетъ, вѣрно... И теперь цѣлые дни гг. прапорщики и подпоручики ходили, какъ обалдѣлые, любовались голубыми небесами, декламировали стихи, мечтали о „дѣвѣ горъ“, какъ они уже ее прозвали между собою. „Дѣва горъ“ еще не выѣзжала изъ Питера, а ужъ прапорщикъ Роговой писалъ ей мадригалы, а подпоручикъ Незамай-Козелъ добылъ гдѣ-то гитару и по вечерамъ изводилъ серьезныхъ крѣпостныхъ собакъ своимъ сантиментальнымъ воемъ. Хотѣлъ было Брызгаловъ даже запретить ему это, — собакъ-де испортитъ, но оказалось, что кавказскую собаку того времени испортить было нельзя ничѣмъ, даже пѣніемъ Незамай-Козла...

Незамай-Козелъ и солдатъ удивилъ. До него единственною музыкою въ крѣпости были, какъ ихъ нѣжно называлъ Брызгаловъ, „сигнальчики“. И офицеры, бывало, отъ нечего дѣлать и отъ жары, уходили подъ тѣнь одинокой въ крѣпости чинары и брали съ собою горниста. Этотъ имъ игралъ, а они подпѣвали „сигнальчики“. Въ концѣ концовъ, любого изъ нихъ можно было разбудить хоть ночью и приказать, — и тотъ не ошибся бы и спѣлъ бы — „надлежаще“, по выраженію Степана Федоровича. То и дѣло слышалось въ разныхъ концахъ крѣпости изъ оконъ: „разсыпьтесь, молодцы, за камни, за кусты, по два въ рядъ!“ Даже по вечерамъ пробьютъ зорю, ударятъ на молитву... Солдаты споютъ ее стройно, такъ что во всѣхъ затянутыхъ уже туманами ущельяхъ, горцы другъ другу передаютъ: „урусъ свой намазъ творитъ“... На темныхъ небесахъ сольются и пропадутъ грозные силуэты мрачныхъ великановъ... Въ аулахъ—подъ облаками засвѣтятся огоньки, заблещутъ звѣзды,— и опять такъ же понесутся въ тишину дагестанской ночи сигнальчики. Иногда ночью прискачетъ казакъ... Какъ онъ прорвется чрезъ западни, настроенныя кругомъ джигитами, — Богъ знаетъ, но вдругъ у воротъ крѣпости подымается тревога.

— Кто идетъ?..—спрашиваютъ съ ея стѣнъ и башень часовые.

— Свой!—отвѣчаетъ заморенный казакъ.—Доложи—съ „лятучкой“... или съ „цыдулой“ отъ корпуснаго.

Крѣпость просыпается. Зажигаются огоньки, казака впустятъ, часто раненаго по пути и истекающаго кровью, и опять, прежде, чѣмъ все заснетъ кругомъ, изъ разныхъ оконъ слышится громкое пѣніе: „разсыпьтесь, молодцы, за камни, за кусты, по два въ рядъ!“. Часто пѣнію неожиданно аккомпанировалъ вдругъ выстрѣлъ... Спря-

тавшійся гдѣ-нибудь за скалою лезгинъ билъ по огоньку. У самого Брызгалова разъ такимъ образомъ случайно влетѣвшею пулей затушило свѣчу. Разрозненныя книжки „Отечественныхъ Записокъ“ были уже давно чуть ли не наизусть выучены крѣпостью.

Теперь Незамай - Козелъ, не надѣясь на память, въ виду пріѣзда молодой Брызгаловой, пересмотрѣлъ опять всѣ книжки и повторилъ выраженія, въ родѣ: „о, если бы вы знали, что говоритъ моему воспаленному сердцу вашъ небесно - безмятежный взглядъ“, или: „когда вы уходите, богиня, — солнце закатывается, и мракъ моей души освѣщается только созвѣздіемъ воспоминаній“.

Даже когда слышалась команда:

— Эй, выходи за бурьяномъ!..—и взводъ строился, Незамай клалъ въ карманъ книжку, чтобы на свободѣ заучивать наизусть всѣ „неотразимыя“, по его мнѣнію, фразы... Когда не хватало лѣсу,—изъ крѣпости уходили въ луга брать сухой бурьянъ, который въ громадномъ количествѣ росъ на этой выжженой солнцемъ почвѣ... Горѣлъ онъ хорошо,—солдаты даже хлѣбъ пекли на немъ, но сборъ его портилъ людямъ руки, и они умудрились состряпать себѣ изъ разныхъ лохмотьевъ нѣчто въ родѣ рукавицъ. Это подавало острякамъ поводъ выкрикивать:

— Эй, Микитинъ, перчатки, надѣнь, не равно съ лезгинскими барынями встрѣтишься...

Въ виду пріѣзда „барышни“ — даже солдаты подтянулись...

Въ крѣпости они со скуки завели козла.

— Ну, Васька, смотри! Молодцомъ теперь будь. Не бодайся, какъ дуракъ. Ты не азіатъ. Барышня тебя увидитъ, спроситъ, кто такой? Сейчасъ ей — Васька-де, а по прозвищу Кочанъ, потому очень капусту люблю рассейскую... Какой ты націи? православный!..—И затѣмъ заставляли его продѣлывать весь артикулъ.

— Генералъ идетъ! Генералъ... Васька, генералъ идетъ!

Васька серьезно поднимался на заднія ноги и, потрясая бородой, ходилъ по двору.

— Васька, лезгины штурмуютъ.

Козелъ немедля свирѣпѣлъ, — рога впередъ и стремглавъ летѣлъ на воображаемыхъ лезгинъ.

Но пуще всѣхъ былъ взбаломученъ ожидавшимся событіемъ молодой нѣмчикъ, прапорщикъ Кнаусъ. Онъ только-что пріѣхалъ

изъ корпуса и не носилъ формы, — онъ желалъ походить на настоящаго лезгина, добылъ себѣ оборванную черкеску, обвалялъ ее въ грязи и высушилъ, купилъ золоченый кинжалъ, ружье, все въ золотой насѣчкѣ, шашку въ серебряныхъ ножнахъ и въ крѣпости ходилъ въ такомъ видѣ. Незамай-Козелъ, труня надъ нимъ, замѣтилъ, что „какой ты горецъ — развѣ горцы бываютъ съ волосами", и Кнаусъ немедленно выбрилъ голову... Теперь онъ внезапно измѣнился. У Кнауса уже завелось тоже зеркало, и, оставаясь въ своей комнатѣ одинъ, онъ репетировалъ передъ нимъ. Подходилъ издали, кланялся, растопыривая локти, и тонкимъ теноромъ говорилъ:

— Мадемуазель! дозвольте изъ вашихъ прекраснѣйшихъ ручекъ получить сію чашку...

Или:

— Мадемуазель! съ вашимъ благополучнѣйшимъ прибытіемъ надъ нашей крѣпостью взошла новѣйшая звѣзда.

— Нѣтъ,—приходилъ онъ въ отчаяніе,—по-нѣмецки это гораздо лучше, но она, навѣрное, не понимаетъ по-нѣмецки".

— Пламень вашихъ глазокъ испепелилъ мои мысли, и онѣ горятъ, какъ сухой бурьянъ въ кострѣ,—декламировалъ съ другой стороны Незамай-Козелъ, и вдругъ заканчивалъ: — а ревуаръ де Парисъ!..

Кнаусъ даже покусился на стихи. По крайней мѣрѣ, въ его шкатулкѣ лежалъ уже чисто переписанный листокъ, носившій заглавіе: „Благородной дѣвицѣ, получившей свое образованіе въ хладномъ Петербургѣ".

Наконецъ, Кнаусъ заказалъ съ пріѣзжимъ на базаръ лезгиномъ себѣ настоящую черкеску съ серебряными патронами и позументами, изъ бѣлаго верблюжьяго сукна, и къ тому дню, когда должна была пріѣхать Нина, вышелъ такимъ чортомъ, что Роговой и Незамай-Козелъ вдругъ почувствовали себя совсѣмъ обиженными, и послѣдній даже сдѣлалъ демоническіе глаза и сталъ обдумывать кровавую месть. Одно утѣшало его,—на лицѣ Кнауса ничего нельзя было разобрать. Нѣмчикъ былъ бѣлобрысъ. Голову онъ выбрилъ, но усы пробивались какимъ-то безцвѣтнымъ пухомъ, бровей нельзя было отличить отъ лба, и золотушныя блѣдныя уши торчали, какъ ручки у котла. Зато черкеска его такъ и горѣла, кинжалъ на солнцѣ сверкалъ огнемъ.

— Да ты, нѣмчура, чего это въ крѣпости съ ружьемъ за плечами ходишь?—добродушно смѣялся Брызгаловъ.

— Такъ полагается, господинъ майоръ, по формѣ.

— По какой?

— По кумыкской, всегда-съ. Горцу безъ ружья — нельзя...

— Да какой-же ты горецъ, ревельская килька?

— Мои предки были тевтонскими рыцарями, и одинъ изъ нихъ даже убитъ въ сраженіи подъ Грюнвальдомъ.

Майское утро на Самурѣ было прелестно. Темно-синія небеса тонули въ дивномъ блескѣ. Горныя вершины кругомъ величаво плавали въ лазури. Лѣниво по золотому дну влачилъ серебристыя струи полноводный Самуръ... Даже Брызгаловъ, съ утра торчавшій на башнѣ, глядя въ глубь долины, откуда должна была показаться „оказія", въ ея золотистую мглу, улыбался довольною, счастливою улыбкою. Кнаусъ, впрочемъ, и тутъ удивилъ всѣхъ. Ему вдругъ подали коня. И не успѣлъ Степанъ Федоровичъ оглянуться, какъ тотъ уже выскочилъ за ворота и полетѣлъ по долинѣ.

— Куда, безумецъ? Лезгины могутъ подстрѣлить, погоди оказіи.

Но тотъ ничего уже не слышалъ. Съ папахой на затылкѣ, въ блестящей черкескѣ, онъ несся впередъ, думая про себя: „надо произвести первое впечатлѣніе"... Но, увы!.. Въ глубинѣ долины, дѣйствительно, показалась скоро оказія. Въ открытомъ тарантасѣ ѣхала молоденькая дѣвушка, бѣлокурая, какъ ея отецъ, съ большими черными глазами своей матери, только русская кровь придала имъ задумчивое выраженіе. Кругомъ нея подвигался конвой изъ казаковъ, сопровождавшій всякую оказію по правиламъ. Впереди шелъ взводъ солдатъ, и за ними влачилось горное орудіе. Позади, въ аріергардѣ за повозками съ продовольствіемъ, слѣдовалъ другой взводъ. Партія отъ Дербента двигалась уже четвертый день, не встрѣтивъ никакихъ приключеніи, какъ вдругъ вдали показалось золотистое облако пыли... Офицеръ, сопровождавшій оказію, скомандовалъ „стой"! Въ золотистомъ облакѣ двигалась какая-то блестящая точка, она росла и росла... Скоро обрисовался стремглавъ скачущій горецъ. Онъ выхватилъ ружье и выстрѣлилъ въ воздухъ. Сердце у Нины замерло... Да, да... Это настоящій абрекъ, о которыхъ она начиталась въ институтѣ... Боже мой!.. Онъ одинъ, а нашихъ

много... Онъ погибъ, погибъ! Она даже умоляюще протяну вперёдъ. Какъ вдругъ, у самой оказіи, кабардинскій конь управляемый неопытною рукою, поскользнулся, и импровизи ный абрекъ полетѣлъ ему черезъ голову, прокатился по пыльной долинѣ и въѣхалъ бѣлобрысой физіономіей прямо въ Самуръ. Всталъ Кнаусъ живо, но весь въ грязи, мокрый и совершенно обезкураженный. Къ вящущему его несчастію, оказію велъ офицеръ, знавшій его. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и разозлился. Онъ вдругъ крикнулъ:

— Прапорщикъ Кнаусъ!

Тотъ мокрой курицей подошелъ къ нему.

— Кто вамъ позволилъ пугать оказію? Я доложу по начальству...

— Кто это?—уже разочарованно спрашивала Нина у офицера.

— Нѣмецъ одинъ!.. Изъ аптекарскихъ учениковъ!—вполголоса отвѣчалъ тотъ, добивая бѣднаго Кнауса.

— Онъ ушибся?..

— Нѣтъ-съ... Помилуйте, мордой въ воду попалъ...

— Отчего онъ бритый?

— Болѣсти здѣсь... Отъ неопрятности бываетъ.

Кнаусъ погибъ совсѣмъ въ ея мнѣніи.

Онъ кое-какъ взобрался на коня и поѣхалъ позади оказіи, въ то время, какъ изъ крѣпости выѣзжала цѣлая кавалькада офицеровъ и юнкеровъ. Впереди былъ Роговой въ новенькомъ мундирчикѣ, весь вымазанный резедовой помадой, за нимъ слѣдовалъ на тяжеломъ конѣ Незамай-Козелъ, твердившій заученное привѣтствіе изъ „Библіотеки для чтенія"... За ними сіяли, точно лакированные, два юныхъ юнкера съ такими счастливыми лицами, что Нина еще издали улыбнулась имъ. Подъѣхавъ къ ней, впрочемъ, и Роговой, и Незамай-Козелъ растерялись. Первый забылъ даже фуражку приподнять, а второй выговорилъ только начало фразы, которую еще мгновенье назадъ хорошо помнилъ.

— Сударыня, мы всѣ очень...

И на этомъ осѣкся и покраснѣлъ, встрѣтивъ взглядъ большихъ черныхъ глазъ.

— А гдѣ отецъ?.. Батюшка гдѣ?—волновалась Нина, высовываясь изъ тарантаса.

— Они-съ... Они-съ сидятъ на башнѣ.

— По долгу службы. Ни въ какомъ экстренномъ случаѣ имъ оставлять крѣпости не полагается,—отрапортовалъ Роговой и побѣдоносно оглянулся на Незамай-Козла. Но и тотъ оправился уже и, злодѣйски закрутивъ усы, выпалилъ:

— Это все равно-съ, что на башнѣ. Они слѣдятъ за вами глазами своего родительскаго сердца.

И въ высшей степени довольный, такъ тронулъ шпорой лошадь, что громадный и тяжелый конь грузно поднялся на дыбы.

— А вы кто?—улыбалась ему Нина.

— Чего-съ?..

— Кто-вы? Вы тоже изъ Самурской крѣпости?

— Да-съ... Штабсъ-капитанъ... Незамай-Козелъ.

— Что?—не поняла Нина.

— Незамай-Козелъ... Изъ запорожцевъ.

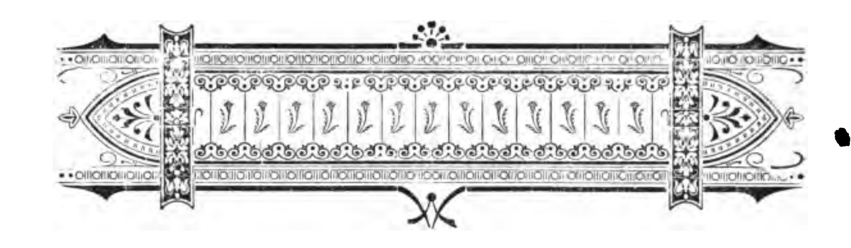
Но дѣвушка, уже откинувшись въ глубь тарантаса, едва удерживалась и не удержалась, — засмѣялась во всю. Роговой счелъ моментъ удобнымъ для того, чтобы подъѣхать и отрекомендоваться.

— Прапорщикъ Роговой!.. Имѣлъ честь и удовольствіе воспитываться вмѣстѣ съ вами.

— Въ Смольномъ инетитутѣ?—изумилась она.

— Нѣтъ-съ... но въ дворянскомъ полку, тоже подъ хладными небесами Петербурга.

Незамай-Козелъ былъ убитъ и ѣхалъ рядомъ, молчаливый и мрачный, думая про-себя: „она никогда не согласится быть „мадамъ Незамай-Козелъ“. И первый разъ въ жизни онъ проклялъ своихъ славныхъ сѣчевыхъ предковъ. Потомъ, впрочемъ, онъ утѣшился. „Надо будетъ,—сообразилъ онъ,—убѣдить ее, что удареніе ставится у меня не на ѐ, а на ò; не Козѐлъ, а Кòзелъ, и все будетъ отлично.



XIII

Нина.

Когда оказія приблизилась на сто шаговъ, тяжело скрипя на громадныхъ петляхъ, растворились ворота Самурскаго укрѣпленія. Брызгалову страстно захотѣлось перебѣжать это пространство и прижать къ сердцу дочь, которую онъ девять лѣтъ уже не видалъ, но старый служака во-время вспомнилъ „артикулъ", повелѣвавшій коменданту никогда и ни подъ какимъ видомъ не оставлять укрѣпленія. Онъ ждалъ въ воротахъ. Нина зорко смотрѣла туда, но въ ихъ тѣни ничего не было видно... Какія-то сѣрыя фигуры караульныхъ солдатъ, ихъ папахи, и только; даже лицъ нельзя было разсмотрѣть. Хотя оказію и замѣтили, но командовавшій ею офицеръ, имѣя въ виду все ту же Нину, приказалъ сдѣлать выстрѣлъ изъ орудія. Глуша все кругомъ, ахнула его мѣдная грудь. Вздрогнули и застонали на каменныхъ стержняхъ окрестные утесы, зловѣщимъ гуломъ ударъ прокатился по всѣмъ ущельямъ и замеръ въ ихъ таинственной синевѣ. Оказія двинулась еще, и съ парапета главной башни отвѣтнымъ привѣтомъ прокатился по всей Самурской долинѣ второй выстрѣлъ. Караулъ вышелъ и выстроился у воротъ...

— А батюшки нѣтъ?—тревожно спросила Нина, обращаясь къ Незамай-Козелу, какъ онъ уже теперь перекрестилъ себя.

— Нѣтъ-съ, они внутрѣ-съ.

— Какъ?

— Внутрѣ-съ. Потому что по долгу службы они не должны-съ поддаваться непреоборимому движенію жаждущаго сердца. Они спервоначалу примутъ рапортъ отъ капитана Свистунова, поздороваются съ солдатами, а потомъ уже обратятся къ исполненію сладчайшихъ обязанностей.

— Я этого не знала.

— Гдѣ же вамъ. У васъ этому не учили,—нѣжно проговорилъ онъ и вдругъ наклонился къ тарантасу.—Нина Степановна!..

— Чего вамъ?

— Вы неприлично поняли мою фамилію.

— Какъ неприлично?

— Не Козѐлъ, а Кòзелъ—Незамай-Кòзелъ. Такъ у насъ и по документамъ значилось, да негодяи-писаря удареніе перепутали, и вышла неприличность... Но я всегда могу возстановить.

Кнаусъ въ это время вздумалъ было поправить свою пострадавшую репутацію и изъ хвоста колонны вынесся впередъ, гарцуя на кабардинкѣ, но увы, не могъ остановиться въ воротахъ. Конь зналъ, какая рука управляетъ имъ и, почуявъ впереди прелесть покоя въ крѣпостной конюшнѣ, выкинулъ двѣ лансады передомъ и задомъ, такъ что несчастный потомокъ тевтонскихъ рыцарей потерялъ папаху и съ отчаяніемъ утопающаго схватился за луку, припавъ къ шеѣ лошади, какъ къ лучшему другу. Конь не оцѣнилъ этого и, бѣшено вскочивъ въ ворота, проскакалъ до конюшенъ и остановился, тяжело храпя и нервно поводя тонкими ноздрями... Нина въ это время не выдержала. Она выскочила изъ коляски и бросилась впередъ.

— Гдѣ отецъ, гдѣ батюшка?

Брызгаловъ и тутъ себя не выдалъ. Глаза его были полны слезъ, грудь подымалась порывисто, но онъ сдержался, выждалъ командира оказіи и принялъ его рапортъ.

— Все ли благополучно?

— Все, г. комендантъ.

— Не было ни больныхъ, ни нападеній на пути?

— Никакъ нѣтъ-съ, г. майоръ.

— Здорово, ребята!

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Брызгаловъ обошелъ фронтъ, зорко осматривая солдатъ.

— Здорово, казаки!

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Ну, добро пожаловать! Отдохните, почиститесь, а завтра назадъ съ Богомъ...

Только теперь онъ вдругъ обернулся къ Нинѣ, смотрѣвшей на него широко открытыми глазами.

— Батюшка, неужели это вы?.. Сѣдой какой!..

И она замерла въ сильныхъ рукахъ стараго майора.

Тотъ всмотрѣлся въ ея глаза...

— Совсѣмъ мамины!.. — И зарыдалъ, уже забывая, что около стоятъ чужіе.

Кавказскіе солдаты того времени, впрочемъ, жили душа въ душу со своими командирами. По многимъ лицамъ изъ нихъ тоже катились слезы. И они еще грознѣе хмурили брови, чтобы не выдать волненія. Тѣмъ не менѣе всѣ глаза были устремлены на дѣвушку. Нѣкоторые здѣсь знали ея мать и думали, недвижно стоя въ строю, такая же ли будетъ для нихъ добрая и ласковая эта красавица-дѣвушка. Нина только теперь сообразила, что она не поцѣловала отцу руки, и порывисто сдѣлала это. Старый воинъ, одичавшій въ Самурскомъ укрѣпленіи, отдернулъ-было руку и сконфуженно проговорилъ:

— Что ты, что ты!..—И потомъ, опять пристально всмотрясь въ нее, прибавилъ:

— Совсѣмъ, совсѣмъ такая, какъ мать!..

Его любящему сердцу покойница казалась лучше и прекраснѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ.

— Если и душа у тебя такая!..

И онъ, не кончивъ, обернулся къ офицерамъ и оффиціально проговорилъ:

— Господа офицеры, прошу ко мнѣ закусить, чѣмъ Богъ послалъ, и юнкеровъ тоже.

Только у себя дома онъ горячо пожалъ руку Свистунову и поблагодарилъ его за заботливость о его дочери во время четырехдневнаго пути.

— Помилуйте, Степанъ Федоровичъ, да такой пріятной оказіи у меня еще до сихъ поръ не было.

Нина быстро привела себя въ порядокъ, и не успѣли еще офицеры

снять съ себя шашекъ и отряхнуться, какъ дѣвушка вышла къ нимъ. Въ то же время и деньщикъ Тарасъ показался въ другихъ дверяхъ.

— Чего тебѣ?—спросилъ его Брызгаловъ.

— Солдаты тутъ, у порога...

— Ну?..

— Покорнѣйше просятъ ея высокоблагородіе.

Брызгаловъ вышелъ, но тотчасъ же явился сіяющій.

— Нина, выйди-ка.

Дѣвушка выбѣжала на крыльцо... Старые сѣдые усачи, не ожидая ея привѣта, гаркнули ей:

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

Потомъ одинъ за всѣхъ:

— Съ вашей матушкой-покойницей, — царствіе ей небесное! — душа въ душу жили. Мать была, а не командирша. Изъ всякихъ бѣдъ вызволяла... Не погнушайтесь.

И онъ подалъ ей громадный букетъ полевыхъ цвѣтовъ, съ опасностью жизни набранныхъ солдатами. Дѣвушка, желая скрыть волненіе и слезы, спрятала въ немъ лицо. Цвѣты еще были опрысканы росой и освѣжили ее. Она осматривала ихъ. Какая прелесть! Нина даже не нашла, любуясь ими, что сказать молодцамъ солдатамъ, не сводившимъ съ нея умиленныхъ глазъ.

— Благодарю, благодарю васъ... Не знаю, чѣмъ я заслужила... Я постараюсь...—лепетала она, и Брызгаловъ, глядя на нее со стороны, не приходилъ къ ней на помощь. Ему было такъ пріятно видѣть это смущеніе дочери, эти нерѣшительно глядѣвшіе глаза ея и вздрогнувшій отъ внутренняго волненія ротъ.

— Совсѣмъ мать! Вылитая!—И ему опять захотѣлось плакать, но въ это время позади солдатъ послышалось:

— Пусти, чего ты! Пусти, Федорчукъ! Тебѣ говорятъ, рябая твоя морда!..

И продиравшійся впередъ вдругъ замеръ, увидя начальство на крыльцѣ.

— Чего ты?—спросилъ его Брызгаловъ.

Тотъ только моргалъ, сорвавъ съ себя папаху.

— Чего ты?..

— Онъ, ваше высокоблагородіе, — засмѣялся, стоявшій около георгіевскій кавалеръ, — козла Ваську пожелалъ представить.

— Ну, давай его!.. Гдѣ онъ?

Солдаты разступились. Козелъ, важно потряхивая бородой, подошелъ къ Нинѣ.

— Чего-же ты? Командуй!—приказалъ оторопѣвшему солдату тотъ же усачъ.

— Васька, генералъ идетъ!

Васька съ тѣмъ же непоколебимо серьезнымъ выраженіемъ всталъ на заднія ноги и замоталъ передними...

Нина расхохоталась.

— Васька, черкесы!..

Козелъ моментально обернулся, голову внизъ, рога впередъ и неистово кинулся въ ворота. Къ сожалѣнію, какъ разъ въ это время входилъ въ нихъ оборванецъ въ старой солдатской шинели съ цѣлымъ грузомъ чего-то на плечахъ. Васька, не разсчитавъ, такъ его ткнулъ, что бѣдняга вверхъ ногами полетѣлъ назадъ и, вскочивъ, хотѣлъ было распорядиться съ Ваською по-своему, да замѣтилъ начальство, отряхнулся и пошелъ уже прямо къ крыльцу.

— А, Левченко!.. Ну, какъ охотился?..

— Съ пріѣздомъ!—прохрипѣлъ тотъ и свалилъ къ ногамъ Нины цѣлую груду набитой имъ дичи.—Будьте здоровы!

— Тарасъ!—крикнулъ Брызгаловъ.

Тотъ уже зналъ, въ чемъ дѣло. Онъ вышелъ съ графиномъ водки и стаканомъ.

— Ну, Нина, угощай нашего Немврода, великаго ловца передъ Господомъ!..

Дѣвушка, краснѣя, налила. Левченко покосился на стаканъ и недовольно сморщился.

— Чего ты?

— Неполная, ваше выскоблагородіе!

Степанъ Федоровичъ самъ ему долилъ, тотъ выпилъ и щелкнулъ языкомъ.

— „Командирская“!—одобрительно обернулся онъ къ товарищамъ.

— Братцы, позовите-ка артельнаго. Двухъ барановъ вамъ на радостяхъ и водки боченокъ. Только смотрите у меня, чтобы пьяныхъ ни-ни! Въ крѣпости не полагается.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе!..—гаркнули повеселѣвшіе солдаты.

— Старики! Смотрѣть за молодежью чтобы все было въ порядкѣ! На, Левченко, тебѣ за дичь!—И онъ протянулъ ему серебряный цѣлковый.

Левченко былъ однимъ изъ тѣхъ типовъ, которые подъ вліяніемъ кавказской горной войны не казались рѣдкостью на линіи. Онъ не могъ усидѣть дома, и однообразная крѣпостная жизнь его томила до одури. Онъ бралъ ружье и уходилъ на охоту. Его сначала наказывали, потомъ привыкли къ его отлучкамъ. Впослѣдствіи онъ оказался даже полезнымъ, потому что избороздилъ окрестные лѣса и чащи, изучилъ ихъ, каждую звѣриную тропу зналъ наизусть. Онъ не заблудился бы въ хаосѣ скалъ, и по ему одному вѣдомымъ примѣтамъ, выбирался отовсюду на дорогу. Въ душахъ у такихъ крѣпостныхъ охотниковъ бились неизсякаемые родники поэзіи. Они проводили цѣлыя недѣли одиноко, подъ открытымъ небомъ, по ночамъ чуть не натыкались на лезгинскія партіи, иногда до утра таясь по сосѣдству съ ними. Ни ливни, ни грозы, со страшною силою бушевавшіе въ темныхъ ущельяхъ, не пугали ихъ. Притомившись, они съ массою дичи возвращались въ крѣпость, отсыпались и опять уходили вонъ. Иногда цѣлые дни такой Левченко лежалъ въ лѣсу, глядя сквозь переплетъ его вершинъ въ небо, и слушалъ, какъ просыпавшійся вѣтерокъ заводилъ бесѣду съ недвижными до тѣхъ поръ листами, какъ внезапно взбудораживались и перекликались птицы... Солнце закатывалось. Огнистое сіяніе его мерцало на верхушкахъ старыхъ деревъ; въ глубину ущелій, открывавшихся устьями къ закату, алою рѣкою вливалось его пламя. Въ ближайшихъ аулахъ слышались меланхолическіе призывы къ намазу съ каменныхъ минаретовъ. А Левченко не хотѣлъ подыматься и прислушивался, точно во всей природѣ на его глазахъ сейчасъ разрѣшалась какая-то великая, страшная тайна... Тянуло къ ночи холодкомъ, освѣжавшимъ его обвѣтренное и обугленное лицо, и Левченко вставалъ и шелъ, куда глаза глядятъ... Ему случалось часто попадать за аулы въ горные узлы, вокругъ облѣпленные ихъ гнѣздами, но кавказецъ нисколько не смущался. Зажгутся тамъ вечерніе огни, — онъ соображаетъ: „трапезуютъ теперь азіаты, поди, свой хинкалъ лопаютъ“; потухнетъ, —„ишь, спать орда повалилась“; наступитъ ночь, залаютъ

всюду собаки, завоютъ внизу въ ущельяхъ чекалки, — ему нисколько не страшно. Вся даль и глубь таинственнаго края открыта ему, точно такъ и слѣдуетъ ему шляться по заповѣднымъ дебрямъ... Такимъ Немвродамъ, какъ Левченко, случалось даже дѣлать невозможное. Ни одинъ лезгинъ не рѣшался быть кунакомъ русскихъ, а если Левченкѣ приводилось встрѣчаться съ одинокими горцами,— они, Богъ знаетъ какъ, дружились: жили вмѣстѣ цѣлыми днями и расходились, не питая другъ противъ друга злокозненныхъ намѣреній; разговаривали они на своеобразномъ языкѣ, коверкая одинаково и русскій, и татарскій.

— Якши болъ, бояръ, якши айда!—оралъ безсмыслицу лезгинъ, похлопывая Левченко по плечу.

Тотъ, разумѣется, не оставался въ долгу.

— Саголъ! Аллахъ — сахласынъ твоя марушка да баранчукъ якши болъ.

И онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что по-ихнему это значитъ: „желаю отъ Бога здоровья твоей женѣ и дѣтямъ“, а всѣ лезгины, въ свою очередь, думали, что марушка (жена) и баранчукъ (ребенокъ)—чисто по-русски.

Когда Нина вернулась въ комнаты, Брызгаловъ уже счелъ должнымъ оффиціально представить ей своихъ офицеровъ.

— Штабсъ-капитанъ Незамай-Козелъ.

— Кòзелъ!—поправилъ тотъ.

— Ну, вотъ!—съ неудовольствіемъ перебилъ Степанъ Федоровичъ.—Что это ты, братецъ? До сихъ поръ Козломъ бы...

— По ошибкѣ писаря, ей-Богу-съ, Степанъ Федоровичъ.

— Прапорщикъ Роговой.

Роговой элегантно подошелъ къ ручкѣ и пріобрѣлъ въ Козлѣ или Кòзлѣ смертельнаго врага.

— Прапорщикъ Кнаусъ, изъ ревельскихъ лезгиновъ!..

Тотъ уже почистился и сіялъ во всемъ великолѣпіи.

— Все молодцы-ребята! Узнаешь ихъ, — полюбишь. А они тебя уже и теперь любятъ. Ну, зови гостей къ столу, молодая хозяйка.

И онъ опять вспомнилъ покойницу и смахнулъ съ глазъ слезу.

— Да, а юнкеровъ я тебѣ не представилъ.

— Князь Раменцовъ и Хаби Мехтулинъ Агаларовъ... Бравые

ребята, только часто́ слишкомъ у меня на гауптвахтѣ сидятъ. Ну, теперь, господа, чѣмъ Богъ послалъ; къ обѣду мы велимъ дичь изжарить.

Первое время здѣсь Нина никакъ не могла дать себѣ отчета — весело ей или скучно. Старая крѣпость жила своею жизнью, своимъ будничнымъ обиходомъ. Такъ же медлительно катался у ея сѣрыхъ стѣнъ разбившійся на рукава свѣтло-водный Самуръ, такъ же золотыми сѣтями на его песчаномъ днѣ играло солнце, такъ же величаво и сумрачно вокругъ тѣснились вершины Кавказа и синѣли ущелья, залегавшія отсюда въ самую заповѣдную глубь грознаго Дагестана... Все, о чемъ читала у себя въ институтѣ Нина, все въявь теперь передъ нею. Вонъ тамъ за тѣми скалами прячутся „рыцари горъ", а по толкованію ея отца — попросту разбойники. О, какъ бы она желала повидать хоть одного изъ нихъ! Потому-что тѣ оборвыши, которые пріѣзжали къ базарнымъ днямъ въ крѣпость, вовсе не соотвѣтствовали гордому демоническому идеалу „Аммалатъ-бека", о которомъ изрѣдка въ безсонныя ночи она думала въ холодномъ и далекомъ Петербургѣ... Вмѣстѣ съ оказіей, доставившей ее въ Самурское укрѣпленіе, Нина получила много книгъ, выписанныхъ ея отцомъ для того, чтобы она могла коротать съ ними долгіе крѣпостные досуги. Книги того времени тоже говорили о сказочныхъ герояхъ и дивныхъ богатыряхъ, казалось, воскресившихъ въ трущобахъ Дагестана легендарные средніе вѣка съ ихъ романтическими паладинами. И это все тамъ, все тамъ!—вперяла она часто взглядъ въ синій сумракъ тѣснинъ, загромоздившихъ передъ нею дали. — Когда солнце заходило за горы, и подоблачные аулы загорались розовымъ свѣтомъ, — она задумчиво смотрѣла туда и по своимъ книгамъ рисовала себѣ дикую и поэтическую жизнь лезгинъ, гнѣздившихся наравнѣ съ орлами... Раза два или три за однимъ изъ рукавовъ Самура показывались всадники на золотистыхъ коняхъ... Нина кидалась къ парапету зорко глядѣть туда, но еще ранѣе, чѣмъ она успѣвала разсмотрѣть ихъ бурки, ружья въ мохнатыхъ чехлахъ за плечами, гордо взбитыя на затылокъ папахи,— часовые давали сигналъ, и отецъ ея, являясь на башнѣ, командовалъ:

— А ну-ка, пугните мнѣ этихъ негодяевъ! Ишь, какъ изнахальничались. Скоро подъ самую крѣпость станутъ подъѣзжать!

Сѣдой съ громадными усами артиллеристъ наводилъ „орудію“ и, тяжело прорѣзывая сонный воздухъ, летѣло туда ядро, взрывая облачко пыли и мелкаго камня у самой шайки... Конечно, лезгины разсыпались во всѣ стороны, для очистки совѣсти стрѣляли оттуда въ крѣпость, и затѣмъ опять долго, долго и скучно тянулась обычная дѣйствительность... Съ книгою Нина повадилась было уходить за крѣпость. Надъ Самуромъ былъ тутъ холмикъ, гдѣ благоухали розы, какіе-то совсѣмъ неизвѣстные ей цвѣты осыпали кусты своими кистями. А вверху громадный каштанъ, точно осѣнялъ густыми благословляющими вѣтвями. Нинѣ здѣсь солдаты устроили скамью, и она часами сидѣла одна, читая, слушая воду или пѣніе невидимой птички въ чащѣ дерева. Нина старалась разглядѣть туманные силуэты горъ за нею, этою вѣнчанною вершиною, — и опять обращалась къ страницамъ „Библіотеки для Чтенія“. Въ письмахъ къ своимъ подругамъ она подробно обрисовывала это „ma solitude“ такими красками, что потомъ еще вдвое полюбила свой пустынный уголокъ. Но, увы, скоро и отъ этого пришлось отказаться. Разъ какъ-то она декламировала здѣсь „Хаджи-Абрека“ и „Измаила-Бея“, какъ вдругъ въ чащѣ каштана что-то шелохнулось — большое, крупное. Нина съ сильно бьющимся сердцемъ кинулась прочь, и ей почудилось смутное, темное... Она неистово крикнула и побѣжала съ холма внизъ. Вслѣдъ за ней что-то грузное свалилось съ каштана и, раздвигая кусты и прячась за ними, слѣдовало не отставая... Нину всю охватилъ страхъ, слѣпой страхъ. Она не оглядывалась. Она не знала даже, что бѣжитъ за нею, но продолжала кричать... Часовые на башнѣ всполошились и, когда дѣвушка выскочила на открытое пространство, замѣтили рыжую папаху и какого-то оборванца въ лохмотьяхъ бурой чухи, торопившагося за Ниной. Позади мелькала другая папаха... Очевидно ихъ было двое. Часовой приложился, подождалъ... Оборванецъ уже настигалъ дѣвушку, заоралъ даже что гортанное и хриплое, но торжествующее и смѣлое другому, папаха котораго тоже уже вся выдвинулась наружу.

— Смирновъ! — позвалъ часовой: — возьми-ка ты того, а я этого.

Еще мгновеніе, и два выстрѣла слились, будя заснувшія ущелья и долины.

Оборванецъ, бывшій почти у самыхъ ногъ Нины, какъ-то нелѣпо взмахнулъ руками и покатился по песку. Нина живо добѣ-

жала до воротъ. Другой лезгинъ хотѣлъ было, по горскому обычаю, выручить тѣло товарища и кинулся къ нему, но Смирновъ, зная мѣстный адатъ, уже приготовился и мѣткимъ ударомъ уложилъ его рядомъ. Тревога поднялась въ крѣпости... Солдаты вразсыпную кинулись на холмъ, обшарили тамъ всѣ кусты, но никого больше не нашли. Только двое этихъ хищниковъ и было. Одного, убитаго на повалъ, и другого, умирающаго, внесли въ крѣпость и положили въ тѣнь чинары, на ея площади. Нина, замирая, смотрѣла имъ въ лица. Грозные взгляды ихъ изъ-подъ полусмежившихся вѣкъ, казалось, еще слѣдовали за нею. Бешметы ихъ были разстегнуты, и сильныя загорѣлыя волосатыя груди, еще дышущая у одного и недвижная у другого, какъ старая бронза, блестѣли подъ солнцемъ. Пришелъ врачъ, посмотрѣлъ раненаго...

— Дайте ему пить! Тутъ мнѣ дѣлать нечего.

— А вылечить нельзя будетъ?—спросила Нина.

— Нѣтъ! Какое вылечить! Черезъ часъ готовъ!.. Ну, барышня, счастливъ вашъ Богъ!.. Они-бы васъ живо скрутили и въ горы...

— Зачѣмъ я ему?

— Какъ зачѣмъ? А выкупъ?..

— Ну вотъ!..

Брызгаловъ, встревоженный и испуганный, отдалъ приказаніе впредь не пускать Нину за крѣпость...

Финала этого приключенія пришлось ждать не долго. Утромъ на другой день къ воротамъ крѣпости подошла цѣлая процессія.. Впереди шелъ такой-же, какъ и убитые, оборванный лезгинъ съ палкой, на которой болтался бѣлый лоскутъ. За парламентеромъ брели двѣ старухи, старикъ, трое вооруженныхъ молодыхъ людей съ лошадьми въ поводу и медленно, и важно ѣхалъ верхомъ кадій аула, изъ котораго были убитые хищники. Кадія впустили въ крѣпость. Длинный и сутуловатый старикъ съ окрашенной въ красное бородой, шелъ, кутаясь въ неизмѣнный, накинутый на плечо тулупъ. Чудовищно длинный воротникъ этого тулупа украшенъ былъ тремя хвостами и длинными, волочившимися до полу рукавами, такими узкими, что ничья даже дѣтская рука не могла-бы влѣзть въ нихъ. Поверхъ шубы, для важности была на него накинута на одно плечо бурка. Кадій важно приблизился къ Брызгалову и что-то забормоталъ ему по-аварски. Вызвали переводчика.

Кадій, какъ и подобало столь солидной персонѣ, сѣлъ и даже глаза закрылъ отъ сознанія своего величія.

Нукеръ его за нимъ подалъ ему кальянъ. Онъ выпустилъ два-три клуба синеватаго дыма и обратился къ переводчику:

— Ты грузинъ?

Тотъ щелкнулъ языкомъ — знакъ, выражавшій отрицаніе.

— Армянинъ?

То-же самое.

— Урусъ? Алла, Алла! Бэла урусъ гёрмадымъ (Господь великій! такихъ русскихъ я еще и не видѣлъ).

— Ты спроси у этого мерзавца, зачѣмъ онъ явился сюда? — приказалъ нетерпѣливо Брызгаловъ, впрочемъ, уже догадывавшійся о томъ, что того привело въ крѣпость.

Кадій издалека началъ разсказывать, что народъ у нихъ въ аулахъ — дуракъ - народъ. Что народъ, какъ бараны, куда его толкнуть, туда и идетъ, что кадіи, вообще, очень хороши, всѣ хороши, а народъ — дрянь!.. народъ пхе! И онъ даже сплюнулъ въ сторону отъ негодованія. Что русскіе, если захотятъ, то однимъ дуновеніемъ уничтожатъ всѣхъ горцевъ, и, сложивъ пальцы вмѣстѣ, онъ поднесъ ихъ ко рту и дунулъ. Стоитъ только князь Аргуту *) или аниралу Лазаруфъ **) показать свои папахи, — и всѣ эти „муридъ-яманъ" живо разбѣгутся передъ ними...

Онъ долго - бы еще разглагольствовалъ, еслибы Брызгаловъ не крикнулъ:

— Ты не втирай очковъ въ глаза, — и уже по-татарски рѣзко проговорилъ: — говори, что тебѣ нужно, или убирайся вонъ.

Кадій возвелъ очи къ небесамъ, какъ - бы призывая ихъ въ свидѣтели того, что нельзя - же такъ вести переговоры безъ политики и тонкихъ горскихъ дипломатическихъ пріемовъ. Но когда переводчикъ ему прибавилъ, что его немедленно выпроводятъ вонъ, кадій помянулъ Аллаха и, сославшись на „кысметъ" (судьбу), объявилъ кратко, что за двумя разбойниками, уже поплатившимися смертью, явились отецъ одного и мать и братья другого; что онъ, кадій, проситъ тѣла ихъ отдать роднымъ для погребенія; что со своей стороны онъ очень сожалѣетъ о случившемся, но онъ, кадій,

---

*) Князь Аргутинскій. **) Лазареву.

уже сказалъ, что ихъ народъ вообще дрянной народъ, и что только кадіи хорошіе люди. Къ этому онъ мечтательно прибавилъ, что если его, кадія, угостятъ русскимъ чаемъ, то онъ ничего противъ этого не имѣетъ.

Кадія Брызгаловъ, вѣрный горскимъ обычаямъ, пригласилъ въ комнаты, а тѣла двухъ убитыхъ лезгинъ приказалъ выдать ихъ роднымъ. Тѣ съ плачемъ и воплями подняли ихъ, завернули, почти запеленали въ кошмѣ и завязали кошмы веревками, такъ что тѣ, какъ бревна уже не могли разогнуться. Приторочивъ ихъ къ конямъ, родные уѣхали въ горы. Кадію предложили чаю, онъ выпилъ и, икнувъ, объявилъ, что онъ слышалъ, будто у русскихъ есть такой чай, отъ котораго голова кружится, сердце бьется пріятно, и вообще приходятъ хорошія мысли порядочнымъ людямъ.

Ему дали рому. Онъ, не теряя важности, выпилъ его и еще попросилъ. Дали еще. Онъ опять потребовалъ прибавки, тогда ему объявили, чтобы онъ убирался вонъ...

— Нѣтъ ли у тебя, дѣвушка, старыхъ лентъ для моихъ женъ?— сталъ онъ клянчить у Нины.

Та дала.

— А старыхъ платьевъ?.. А какихъ-нибудь вещей?..

Наконецъ, кадія прогнали. Онъ, объявивъ всѣмъ, что Аллахъ— Экберъ и что „киназъ Аргутъ (Аргутинскій)“ „чохъ яхши“, а „мюридъ—яманъ“, взобрался на коня и выѣхалъ изъ крѣпости. Удалившись отъ насъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, онъ энергично плюнулъ въ сторону русскихъ и воскликнулъ:

— Да убьетъ васъ всѣхъ Магометъ единымъ мановеніемъ бровей своихъ!.. Ты видѣлъ, какъ меня угощали тамъ?—обернулся онъ къ слугѣ.

— Да, господинъ...

— Комендантъ цѣловалъ мнѣ руки, просилъ не кидать стыда на его сѣдую голову и не уѣзжать такъ скоро, но я заставилъ его хорошо наѣсться грязи... Я ему сказалъ, что если бы даже князь Аргутъ,—да проклянетъ его Аллахъ,—что если бы даже князь Аргутъ сталъ на колѣни и просилъ провести ночь у невѣрныхъ собакъ, то—и ему бы я наплевалъ въ бороду. Разскажи объ этомъ въ аулѣ. Пускай наши знаютъ, какъ русскіе боятся и уважаютъ меня.

Мечтательная, какъ всѣ дѣвушки того времени, Нина любила

проводить лунныя ночи у окна. Изрѣдка крики: „слушай!“ съ одной башни на другую еще болѣе оттѣняли торжественную тишину. Воспоминанія ей рисовали далекія, — увы! какія далекія! — теперь залитыя свѣтомъ залы Зимняго дворца, куда ихъ возили къ Императрицѣ изъ института. Кавалергарды, конногвардейцы у дверей, недвижные какъ изваянія, залитая въ золото знать и ласковая улыбка Царицы, ея мягкая рука, такъ нѣжно, матерински касавшаяся дѣтскихъ головокъ... А вдали весь точно написанный туманными штрихами самъ Государь — такой величавый, красивый, съ такими строгими глазами и съ такимъ добрымъ выраженіемъ на лицѣ, когда онъ видѣлъ ихъ, „своихъ дѣвочекъ“ и говорилъ съ ними... Шумный Петербургъ, кругомъ волнующійся, какъ море, эти тысячи лицъ, сливающихся въ одинъ фонъ, тысячи голосовъ, и опять свѣтлымъ пятномъ выступаютъ яркая зала театра, чудное пѣніе заморскихъ артистовъ, изъ далекаго теплаго края залетѣвшихъ сюда... А балы... Балы, когда онѣ, институтки, отдавались веселью безъ конца, когда ею, окутанною въ бѣлый газъ, съ такимъ неудержимымъ увлеченіемъ любовались всѣ! Эти звуки любимыхъ танцевъ, звуки оркестра, словно тающіе въ нагрѣтой и благоуханной атмосферѣ большихъ залъ... И вдругъ опять: „слушай!“ унылое и однообразное, блескъ луны надъ одинокой крѣпостью, шелестъ пробудившейся и словно о чемъ-то печально вздохнувшей чинары, и все тѣ-же горныя вершины, казавшіяся еще легче и воздушнѣе въ эту теплую, ясную ночь...

Для солдатъ она сдѣлалась, какъ и ея мать, ангеломъ-хранителемъ. Строгій по службѣ отецъ ея невольно смягчался, когда она, подойдя, клала на его руку свою и уводила его въ комнаты комендантскаго домика... Гауптвахта пустовала, и старые воины, встрѣчаясь съ нею, радостно улыбались ей и заводили съ Ниною разговоры обо всѣхъ маленькихъ печаляхъ и огорченіяхъ. Въ домашній обиходъ она тоже внесла заботливость своей матери. Она такъ быстро усвоила себѣ всю небольшую хозяйственную мудрость, что скоро нельзя было узнать уголка, гдѣ Степанъ Федоровичъ до сихъ поръ одиноко короталъ вѣкъ... По вечерамъ у него собирались офицеры и юнкера, играли по маленькой, а въ промежуткахъ слушали пѣніе Нины, хорошо исполнявшей весь крохотный репертуаръ того времени, въ родѣ романса:

„Скажите мнѣ, зачѣмъ пылаютъ розы
Эфирною душою по веснѣ,
И мотылки на утреннія слезы
Летятъ, зачѣмъ,—скажите мнѣ.“

Брызгаловъ уже думалъ о переводѣ куда-нибудь — для дочки больше—хорошо понимая, что не въ Самурскомъ же укрѣпленіи ей скоротать вѣкъ!.. Но въ это время случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное...

Однажды утромъ, на разсвѣтѣ, прискакалъ къ воротамъ крѣпости казакъ. Его на пути даже царапнула случайно лезгинская пуля, но въ тѣ времена на такіе пустяки никто не обращалъ вниманія.

— Доложи коменданту: съ экстренной летучкой.

Брызгаловъ поднялся и вышелъ на крыльцо.

— Вашему высокоблагородію отъ генерала...

Комендантъ распечаталъ...

Его увѣдомляли, что по дошедшимъ на линію свѣдѣніямъ лезгины опять подымаются. Намѣренія ихъ неизвѣстны, но въ горныхъ аулахъ уже объявленъ газаватъ, и извѣстный кабардинскій разбойникъ князь Хатхуа двинулся изъ Салтинскаго аула со скопищемъ мюридовъ и джигитовъ. Такъ какъ съ линіи прислать никого нельзя, то майору Брызгалову рекомендовалось зорко слѣдить за окрестностями, держать ближайшіе аулы въ покорности и приготовиться на всякій случай къ защитѣ и отраженію разбойничьихъ горскихъ шаекъ и озаботиться заготовкой провіанта...

Брызгаловъ прочелъ и усмѣхнулся.

— Это съ двумя ротами съ половиннымъ числомъ штыковъ держать окрестные аулы въ покорности!? Ахъ, шутники, шутники!

Недавно совершилась знаменитая поѣздка свѣтлѣйшаго князя Чернышева. Объѣхавъ Дагестанъ, онъ въ 1842 году запретилъ всѣ наступательныя дѣйствія и снялъ значительное число войскъ съ линіи. Прислать на помощь, дѣйствительно, ничего и никого нельзя было. Чернышевъ, судившій о войнѣ и о горцахъ съ точки зрѣнія петербургскихъ канцелярій, думалъ побѣдить твердыни Кавказа кротостью и торговлей и чуть не погубилъ всего русскаго дѣла тамъ. Слабыя профилями, не обезпеченныя водою и провіантомъ крѣпости приходили въ упадокъ, гарнизоны ихъ были доведены до

минимума, такъ что, когда, напримѣръ, Шамиль 27 августа 1843 г. напалъ съ 10,000 отчаянныхъ мюридовъ на небольшой фортъ Унцкулъ, противъ него защищалось только 140 штыковъ. Положеніе Брызгалова было не лучше... У него на лицо было двѣсти пятьдесятъ солдатъ и полсотни казаковъ при четырехъ горныхъ орудіяхъ. Онъ послалъ, за провіантомъ, но въ Дербентѣ такового не оказалось. Онъ хотѣлъ было туда отправить на начинающееся смутное время дочь съ ея горничной, но наканунѣ посланная оказія вернулась назадъ. Комендантъ встрѣтилъ ее у воротъ.

— Что случилось?

— Поздно!..

— Почему?..

— Между Самурскимъ укрѣпленіемъ и Шахъ-Дагомъ вездѣ бродятъ скопища лезгинъ.

— Надо было пробиться.

— Нельзя-съ. У меня и безъ того убили четырехъ и пятерыхъ ранили! — доложилъ офицеръ.

И, дѣйствительно, всмотрѣвшись, Брызгаловъ замѣтилъ, что изъ-подъ брезента торчатъ ноги убитыхъ солдатъ. У троихъ раненыхъ были руки на перевязи... Двухъ пырнули въ грудь и голову, и ихъ везли тоже.

Встревоженный вернулся Брызгаловъ домой... Печально взглянулъ онъ на дочь...

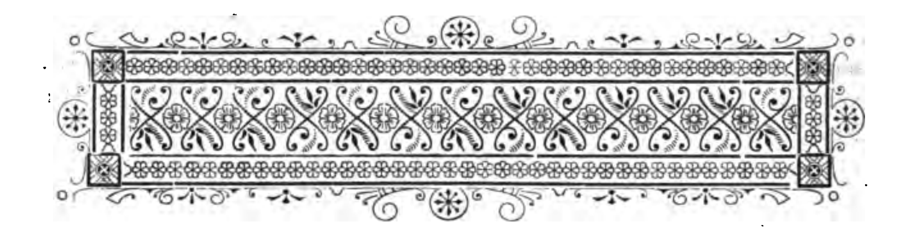
— Голубка Нина!.. Не во время я тебя вызвалъ сюда. Горцы шалить начали. Это бы еще ничего. Хуже всего, что во главѣ ихъ кабардинскій князь Хатхуа... Этотъ одинъ стоитъ всего ихъ газавата.

— А это кто, Хатхуа?

— Былъ онъ въ плѣну въ Дербентѣ... Отчаянный храбрецъ... Такой смѣлости ни у одного лезгинскаго абрека нѣтъ... Онъ одинъ съ восемью казаками рубился. Едва его захватили. А потомъ, только что оправился отъ ранъ,—убилъ часового, укралъ коня у генерала Клюки-фонъ-Клюгенау и подъ огнемъ цѣлой роты ушелъ въ горы.

— Такой же, какъ Аммалатъ-бекъ, батюшка?

Но Брызгалову было не до Аммалатъ-бековъ. Озабоченно онъ сталъ обходить крѣпость, высматривая, чтобы ему сдѣлать тамъ, гдѣ еще можно было обойтись своими средствами.



XIV

Первая тревога.

Въ горныхъ аулахъ, подъ облаками, кипѣла зловѣщая суета... Дольше по ночамъ горѣли огни въ сакляхъ, снизу надъ площадями джамаатовъ видны были багровыя зарева костровъ. На отдаленныхъ вершинахъ вспыхивали шесты, обернутые соломою,—вѣрный признакъ тревоги, охватывавшей аулы. У Кнауса была зрительная трубка. Слѣдя въ нее за загадочнымъ сумракомъ ущелій, онъ замѣчалъ часто большія партіи пѣшихъ горцевъ, вооруженныхъ до зубовъ, спускавшіяся съ горъ и уходившія куда-то. Никто изъ нихъ не возвращался назадъ. Очевидно, гдѣ-то, въ какомъ-нибудь таинственномъ горномъ узлѣ, — назначенъ былъ сборный пунктъ для всѣхъ абрековъ и мюридовъ изъ этихъ орлиныхъ гнѣздъ... Въ первый же базарный день на крѣпостной площади наши напрасно ждали лезгинъ съ баранами, просомъ, сукномъ и оружіемъ. Никто изъ нихъ не пріѣхалъ, и только одинъ „лакъ", привезъ разную дрянь на продажу... Но и этотъ смотрѣлъ какъ-то испуганно, торопился уѣхать, точно боялся, что его задержатъ въ стѣнахъ Самурскаго укрѣпленія. Выбравшись за ворота, онъ съ полверсты подвигался впередъ медленно и спокойно, но потомъ вдругъ далъ нагайку лошади и вихремъ понесся впередъ, точно ожидая, что русскіе опомнятся и задержатъ его. Разъ ночью какой-то елисуецъ сталъ кричать издали. Подойти ближе онъ не

могъ: его бы разорвали собаки... Къ нему вышли, взяли въ крѣпость. Онъ потребовалъ, чтобы его привели къ коменданту. Брызгаловъ еще не ложился, — нужно было многое обдумать, ко многому подготовиться...

— Чего тебѣ?..

— Я сынъ Курбанъ-Аги Елисуйскаго... друга русскихъ...

— Знаю, знаю... У твоего отца вѣрное, преданное сердце. Какъ онъ только тебя отпустилъ, такого мальчика?

— Онъ самъ пошелъ въ горы, узнать, что тамъ готовится, а мнѣ велѣлъ предупредить васъ.... Горцы подымаются. У Хатхуа уже болѣе шести тысячъ всадниковъ и пѣшихъ.

— Давно-ли твой отецъ въ горахъ?

— Пять дней. Ушелъ туда и еще не возвращался.

— Хатхуа—личный врагъ его?

— Да,—и молодой елисуецъ сверкнулъ глазами.—Между нами—кровь. Теперь у Хатхуа еще больше народа. Салтинцы всѣ вышли, карадахцы тоже. За эти пять дней, какъ лавина, выросъ его отрядъ.

— Господь поможетъ, — справимся. Не въ первый разъ съ оборванцами встрѣчаться.

— Хатхуа храбрый джигитъ.

— Знаю... Новаго ты мнѣ ничего не сказалъ, Амедъ. Хочешь, сейчасъ-же уѣзжай?

— Нѣтъ, позвольте мнѣ остаться! Здѣсь каждая рука нужна будетъ. Мнѣ и отецъ велѣлъ безъ креста съ птицей *) не возвращаться... Потомъ вамъ нуженъ будетъ человѣкъ, знающій горскіе адаты и нарѣчія. Почемъ знать, можетъ-быть, я очень пригожусь еще.

— Да сколько же тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать!—И затѣмъ, замѣтивъ удивленіе и нерѣшительность Брызгалова, Амедъ гордо прибавилъ: — я уже убилъ Гассана-Али. Грудь съ грудью съ нимъ встрѣтился!.. Лучше меня никто въ Елисуѣ не владѣетъ шашкой, а птицъ я на лету бью изъ винтовки.

---

*) Знакъ отличія военнаго ордена Мухамеданамъ; его давали не съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца посерединѣ, а съ орломъ.

— Ну, Богъ съ тобой! Оставайся, Амедъ. Я велю сейчасъ отвести тебѣ помѣщеніе.

— Не надо! Я до утра подъ деревомъ засну... Я привыкъ, я горецъ, а днемъ пойду къ своему кунаку.

— Кто у тебя здѣсь?

— Офицеръ, бѣлый такой, черкеску носитъ и голову брѣетъ.

— Ахъ, Кнаусъ!.. Ну, ступай!

Амедъ вышелъ, стреножилъ на крѣпостной площади коня, кинулъ ему охапку нарѣзанной имъ же по пути травы, снялъ сѣдло и, положивъ его подъ голову, заснулъ спокойно подъ единственною чинарою.

Прошло еще нѣсколько дней, горные аулы вдругъ успокоились. По ночамъ надъ гудеканами было темно; бойницы саклей не свѣтились огнями, по откосамъ ущелій никто не спускался. Воздушныя твердыни Дагестана казались мертвыми надъ таинственными долинами... Кнаусъ, бродя по крѣпостной стѣнѣ съ Амедомъ, какъ-то засмотрѣлся въ синія дали и замѣтилъ:

— Должно быть, стороной прошла гроза. У насъ ничего не будетъ.

— Почему ты думаешь это?

— Потому, что тихо кругомъ стало.

— Адата нашего не знаешь! Когда молодежь и мюриды вышли на газаватъ, очаги тушатся въ аулѣ, и огня по вечерамъ никто не зажигаетъ. Питаются просомъ и хлѣбомъ старымъ... до возвращенія джигитовъ. Это-то и дурно, что все такъ стало тихо... Надо ждать теперь скоро. Тучи на небесахъ передъ грозой всегда молчатъ... И все таится подъ ними.

Нина встрѣтила какъ-то Амеда и залюбовалась имъ.

Молодой, тонкій и стройный горецъ былъ, дѣйствительно, красавцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова; большіе, пламенные глаза застѣнчиво и дико смотрѣли изъ-подъ тонкихъ бровей, почти сроставшихся надъ орлинымъ носомъ. Надъ верхней губой его пробивались усы... На лицѣ лежало выраженіе самоувѣренности и отваги, не ладившихъ съ его смущеннымъ и застѣнчивымъ взглядомъ, когда елисуецъ видѣлъ дѣвушку. Широкія плечи и высокая грудь его переходили въ такую тонкую, перехваченную серебрянымъ поясомъ, талію, которой позавидовала бы любая, перетянутая узкимъ

корсетомъ барыня. Походка его, какъ у молодой пантеры, была быстра, мягка, легка и неслышна. Онъ какъ-то скользилъ по землѣ. Каждое движенiе его выражало силу и ловкость... Нина заговорила съ нимъ, но Амедъ, весь покраснѣвъ, только смотрѣлъ на нее, ничего не отвѣчая.

— Вы не понимаете по-русски?

— Нѣтъ,—наконецъ пришелъ онъ въ себя.—Я учился въ Дербентѣ... У насъ весь аулъ говоритъ по-русски...

Амеда приглашали къ столу Брызгалова. Онъ былъ ага, благородный, и съ такими наши офицеры на Кавказѣ вели хлѣбъ-соль и обращались съ ними, какъ съ равными. Какъ-то ночью Кнаусъ, вышедшiй сочинять стихи подъ окно Нины, не двигавшiеся всетаки далѣе перваго куплета: —

„О, благородная дѣвица,
Ты мыслей всѣхъ моихъ царица...
Прекраснѣй розы ты, ей-ей...
Я жъ — Кнаусъ-фонъ — твой соловей...

подслушалъ нечаянно шорохъ около... Ночь была темная. Луну заслоняло тучами. Звѣзды горѣли на горизонтѣ ярко, но тутъ за чинарою трудно было разобрать что-нибудь. Онъ пошелъ прямо на шорохъ, и отъ него прочь скользнуло что-то черное... „Собака, должно быть“,—сообразилъ онъ. Но это была вовсе не собака, а Амедъ, тоже являвшiйся сюда грезить до утра. Въ одну изъ такихъ теплыхъ ночей не спалось дѣвушкѣ. Нина накинула на себя плащъ широкiй, какъ тогда носили, и вышла изъ дому. За ней неслышно, какъ змѣя, своей легкой походкой въ чевякахъ, не выдававшихъ ни малѣйшаго шума шаговъ, послѣдовалъ Амедъ. Онъ двигался почти тутъ же, но она не различала его въ благоговѣйномъ безмолвiи природы... Нина тихо миновала площадь и взошла на стѣну къ башнѣ.

— Что, Егоровъ? — спросила она у часоваго.

Теперь дѣвушка уже всѣхъ солдатъ знала по именамъ.

— Все благополучно!—также вполголоса отвѣтилъ онъ и тотчасъ же во всю глотку заоралъ: — Слу-шай!

— Слушай!—крикнулъ ему часовой со второй башни.

Еще съ двухъ откликнулись другiе, и опять все замерло. Только рядомъ съ часовымъ обрисовался чей-то силуэтъ.

— Кто это тутъ? — спросила дѣвушка.

— Мирной... Нашъ азіятъ, барышня, который, значитъ, при его высокоблагородіи въ охотникахъ.

— Амедъ, это вы?—смутилась почему-то Нина.

— Я... Не спится. Вышелъ...

— Амедъ, у васъ есть, вѣрно, невѣста дома?

— Я никогда не женюсь...—грустно отвѣтилъ онъ ей.

— Отчего? Васъ отецъ женитъ.

— Меня никто заставить не можетъ! — гордо отвѣтилъ онъ, кладя руку на кинжалъ.

— Какъ никто, вѣдь по вашему обычаю...

— Насъ дома не заставляютъ. Мы у отца росли иначе.

Сама Нина почувствовала, что больше разспрашавать его не зачѣмъ, тѣмъ болѣе, что юноша окончилъ:—и я хотѣлъ бы умереть, защищая васъ!..

— Полноте, вамъ рано умирать! — заставила себя засмѣяться Нина. — Вѣдь вы еще мальчикъ. Вамъ шестнадцать лѣтъ...

Нина оперлась на парапетъ и смотрѣла вдаль. Какъ ярко горятъ сегодня звѣзды! Тучи немного отодвинулись. Вонъ семь очей Большой Медвѣдицы, какъ великолѣпно раскинулись они на востокѣ... Вонъ далеко, далеко на сѣверѣ чуть-чуть искрится и мигаетъ ей Полярная... Чуть-чуть во муракѣ намѣчиваются силуэты Дагестанскихъ горъ, гордые, мрачные, зловѣщіе, стѣснившіе кругомъ долину Самура, чтобы, какъ казалось Нинѣ, въ эту минуту вдругъ сдвинуться и раздавить жалкое русское укрѣпленіе съ горстью засѣвшихъ въ него героевъ. Далеко, далеко въ глубинѣ ущелья, вспыхнулъ огонекъ. Или такъ показалось? Потухъ? Нѣтъ, вонъ онъ опять горитъ... Ярче и ярче...

— Что это? костеръ? не Левченко ли тамъ? — спросила она у Егорова. Но тотъ помоталъ головой только.

Амедъ, обладавшій, какъ многіе горцы, чисто орлинымъ зрѣніемъ, смотрѣлъ съ минуту и проговорилъ:—тамъ шалашъ сухой стоялъ. Я знаю это мѣсто... Ну... Его зажгли... Это горцы... Салтинцы.

— Почему салтинцы? — моментально спросила она, сама не отличая одного горнаго племени отъ другого.

— Потому что только они не боятся выдавать себя. А остальные крадутся, какъ шакалы!

Ночь стыла... Среди своего задумчиваго безмолвія она невнятно говорила сердцу о какой-то великой тайнѣ, свершающейся въ ея мракѣ... Откуда-то потянуло вѣтромъ... Онъ принесъ запахъ цвѣтовъ. Благоуханная волна его обдала лицо дѣвушки, и та нарочно еще подставила горѣвшія щеки этой чудной ласкѣ юга.

— Какіе это цвѣты, Амедъ?..

Но Амедъ ее не слушалъ. Онъ не только не слушалъ, но осмѣлился до того, что схватилъ ее за руку и сжалъ крѣпко, до боли сжалъ.

— Что съ вами? — испугалась та, стараясь вырваться.

— Слышите... слышите... Тамъ, тамъ... — указывалъ онъ ей направо.

— Ничего не слышу!—Она напрягала слухъ, но для нея ночь молчала по-прежнему. Самуръ—шумитъ?..

— Не Самуръ... И теперь не слышите?.. Вонъ оттуда, оттуда... гдѣ Шарахдагское ущелье въ горы уходитъ... гдѣ днемъ красныя скалы!..

Далеко, далеко... Такъ далеко, что Егоровъ и вниманія не обратилъ, послышалось, точно паденіе обвала, но чуть-чуть...

И вдругъ въ это самое мгновеніе сначала версты за четыре передъ крѣпостью тявкнула одна собака, потомъ другая, третья... Тревога передавалась отъ одного изъ этихъ вѣрныхъ животныхъ къ другому, и скоро Самурское укрѣпленіе находилось какъ-будто въ кольцѣ собачьяго лая... Егоровъ насторожился... Собаки продолжаютъ лаять, а онѣ выдрессированы такъ, что звука не подадутъ даромъ... Лай все слышнѣе и слышнѣе... Точно кольцо съуживается, отступаетъ къ крѣпости, будто псы отходятъ назадъ. Вотъ въ одномъ мѣстѣ рычаніе, бѣшеный крикъ... стонъ... Сильное животное задушило кого-то... Нина съ бьющимся сердцемъ прислушивается... Что-то—и страхъ, и любопытство вмѣстѣ удерживаетъ ее здѣсь... Сквозь этотъ лай и странные звуки, точно вѣтеръ бѣжитъ по сухимъ листамъ кукурузы, она различаетъ тихій-тихій голосъ Амеда: —Это они — они. Теперь — ангелъ Аллаха — бѣдный Амедъ скоро умретъ на твоихъ глазахъ, чтобы ты не говорила ему, что онъ слишкомъ молодъ. Онъ молодъ, но рука его и глазъ вѣрны, какъ у взрослыхъ!

Егоровъ приложился... Сухой трескъ выстрѣла прокатился по

ущельямъ. Собаки на мгновеніе замерли, пока эхо его повторялось скалами и перебрасывалось отъ одной горы къ другой, и потомъ залаяли еще ожесточеннѣе... Дежурный барабанщикъ вскочилъ внизу.

— Егоровъ, ты стрѣлялъ? — крикнулъ онъ.

— Да... Бей тревогу.

Зловѣщая дробь пробуждающими и оглушительными звуками наполнила тишину спавшей крѣпости. Она, точно огонь въ кострѣ, то разгоралась, то падала... И какъ-будто въ отвѣтъ ей издали, изъ-за рукавовъ Самура послышалось — Алла-Алла! Казалось, въ устья ущелій, какъ въ трубы, кинули нашей крѣпости этотъ вызовъ невѣдомые богатыри проснувшагося Дагестана.

— Это и есть горцы, которыхъ папа ждалъ? — спросила Нина у Амеда.

— Они или нѣтъ, сейчасъ узнаемъ... Но часть ихъ — навѣрное...

— Смирно!—послышалось рѣшительное и властное позади...

Изъ казармъ съ примкнутыми штыками выбѣгали солдаты.

— Штабсъ-капитанъ Незамай-Козелъ! Съ ротой займите за крѣпостью балку—знаете, вправо.

— Слушаю-съ!—Ему уже теперь было не до филологическихъ препреканій о своей фамиліи.

— Прапорщикъ Роговой! пойдите со взводомъ налѣво, — помните холмъ?.. Займите его и сумѣйте отбиться, если они сегодня бросятся сюда, чего я не думаю,—проговорилъ Брызгаловъ про себя.

Послышался скрипъ крѣпостныхъ воротъ, и мѣрный топотъ выступающей роты... Нѣсколько разъ звякнулъ штыкъ, встрѣтившійся со штыкомъ, и опять тишина...

— Амедъ, это ты? — спросилъ Брызгаловъ, выходя наверхъ,— Нина, ты чего не спишь?.. Ступай, ступай, моя дѣвочка, домой. Теперь можетъ быть опасно здѣсь.

— Еще минуту, батюшка. Я не боюсь ничего... И меня не видно тутъ.

— Амедъ! Что это? Какъ ты думаешь?

— Сейчасъ услышимъ!..

И, какъ будто въ оправданіе этихъ словъ, верстахъ въ трехъ отъ крѣпости зазвучала слабыми голосами пѣсня, знакомая Амеду:

„Кто, отважный, обрекъ себя Богу,—
Безъ боязни иди на дорогу.
Все, что видитъ орлиное око
Позади, впереди и далеко:
Облака и сіянье лазури,
И утесы, и вихри, и бури,—
Все послужитъ во славу Аллаха
Начинанью абрека безъ страха...“

— Чтò они поютъ?—спросилъ Брызгаловъ у молодого человѣка. Тотъ обрадованно обернулся къ нему.

— Нѣтъ, это еще такъ... Это не пѣснь газавата... Значитъ,— главныя силы не здѣсь... Это такъ, летучій отрядъ абрековъ. Если бы главныя силы князя Хаттуа были тутъ, тогда они пѣли бы...

И онъ разомъ замеръ и вздрогнулъ...

Съ другой стороны, — справа, торжественно и величаво вдругъ поднялся къ яснымъ и звѣзднымъ уже небесамъ гимнъ газавата:

„Слуги вѣчнаго Аллаха!
Къ вамъ молитву мы возносимъ:
Въ дѣлѣ ратномъ счастья просимъ;—
Пусть душа не знаетъ страха,
Руки — слабости позорной;
Чтобъ обваломъ безпощаднымъ
Мы къ врагамъ слетѣли жаднымъ
Съ высоты своей нагорной!“

— Аллахъ да спасетъ насъ!—тихо съ выраженіемъ уже нескрываемаго ужаса, воскликнулъ Амедъ...—Аллахъ да спасетъ насъ!— протянулъ онъ руку въ сторону къ пѣвшимъ. — Оттуда идутъ мюриды!

Брызгаловъ при этомъ словѣ вздрогнулъ. „Мюриды!“ Онъ съ невыразимою тоскою взглянулъ на свою Нину.

— Дѣвочка моя, — иди спать! Теперь ты только помѣшаешь намъ. Иди! И да хранятъ тебя силы небесныя!..—Съ неудержимой нѣжностью онъ схватилъ ее за плечи, притянулъ къ себѣ, обнялъ, поцѣловалъ въ чистый, похолодѣвшій лобъ и слегка оттолкнулъ ее, уже говоря со строгостью:

— Иди-же, иди, Нина! Иди, ложись и спи, не тревожься. Пока еще опасности нѣтъ.

Бѣлый силуэтъ дѣвушки скрылся во練 мракѣ.

— Такъ ты не ошибаешься, что это мюриды?

— Да! — тихо отвѣтилъ Амедъ. — Я не ошибаюсь, — это гимнъ газавата. Послушайте сами.

— Я не понимаю языка ихъ.

— Они ужъ кончаютъ его. Вотъ, вотъ... Она и есть... Пѣсня мюридовъ!..

„Наша кровь рѣкой польется,
Но за муки и страданья
Тѣмъ сторицей воздается,
Кто томится въ ожиданьи...“

Эхо долго еще повторяло отголоски ея... Должно быть, и вдали, въ ущельяхъ, позади были мюриды, потому что, когда кончили эти, — тамъ еще только начинался гимнъ газавата... Чутко прислушивались къ нему солдаты. Старые кавказскіе бойцы — они понимали, что дѣло теперь становится не шуточно!.. Это не простой набѣгъ. Если показались мюриды, — то задачи горцевъ серьезны. Они рѣшились умереть. Мюриды не знаютъ страха и въ одиночкѣ, — но если они вмѣстѣ, то или погибнутъ сами, или уничтожатъ страшнаго врага...

— Аллахъ да спасетъ насъ! — еще разъ, но уже для себя самого прошепталъ Амедъ.

Брызгаловъ недолго задумчиво смотрѣлъ въ густѣвшую передъ нимъ тьму горной ночи.

— Соймановъ! — крикнулъ онъ, не оборачиваясь.

— Здѣсь! — послышался отрывистый отвѣтъ.

— Станокъ готовъ?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну-ка, ракету!.. Сейчасъ увидимъ... Это вы, Кнаусъ?..

Офицеръ поклонился.

— Направьте туда поправѣй ракету... откуда пѣли сейчасъ эти разбойники.

Ночь опять молчитъ и точно стережетъ кого-то... Рядомъ послышался трескъ, и огненная змѣя взвилась въ недосягаемую высоту. Мгновенно, точно отъ блеска молніи, выступили сумрачныя вершины, горныя ущелья, словно поблѣднѣвшая долина, весь бѣлый Самуръ, — и далеко за нимъ какія-то медленно двигавшіяся пятна... Ракета исчезла, — но этого было уже довольно... Врагъ, дѣйстви-

тельно, былъ тамъ. Брызгаловъ его видѣлъ. Очарованіе безотчетнаго страха исчезло — предъ нимъ была осязаемая опасность, а такой онъ не боялся.

— Еще прикажете? — спросилъ его Кнаусъ...

— Эй, Стасюкъ! Наводи орудіе направо. Посмотри, гдѣ головной отрядъ, какъ освѣтитъ его ракета. Слышишь?.. Возьми прицѣлъ вѣрнѣе... Слышишь... пугни по командѣ, да чтобы снаряда у меня даромъ не тратить!

— Слушаю-сь!

— Кнаусъ! Велите Сойманову еще одну!

Опять огнистая змѣя взвилась въ темное небо. Опять выступили горныя вершины и поблѣднѣвшая долина... Стасюкъ молодцомъ приспособилъ дуло мѣдной пушки.

— Готово? — отрывисто крикнулъ ему Брызгаловъ. — Навелъ?

— Есть!..

— Орудіе... пли...

Во все свое мѣдное горло гаркнуло оно, выбросивъ направо огнистый снопъ, освѣтившій разомъ и Стасюка, и Егорова, и Брызгалова съ Кнаусомъ и Амедомъ позади, и цѣлую толпу другихъ солдатъ около. Быстро-быстро прорѣзывая сонный воздухъ и словно желѣзнымъ бичемъ разсѣкая пространство, на встрѣчу врагу понесся артиллерійскій снарядъ. Яркой звѣздой курился въ немъ фитиль... Чу... трескъ разрыва далеко, далеко... Какіе-то крики...

— Честь имѣемъ поздравить! Въ центръ попало! — самодовольно проговорилъ Стасюкъ. — Въ самую, значитъ, говядину.

— Молодецъ наводчикъ!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе.

Нѣсколько пуль запѣло оттуда, но, не долетѣвъ, упало у стѣнъ крѣпости. Налѣво — какая-то партія горцевъ подобралась къ прапорщику Роговому, но тотъ принялъ ее на себя во-время, допустилъ чуть-ли не на штыкъ и встрѣтилъ залпомъ. Съ дикимъ визгомъ кинулись прочь оторопѣвшіе лезгины, и долго еще слышалось „аманъ-аманъ“ и проклятія, адресуемыя ими невѣрнымъ собакамъ.

— Господинъ маіоръ!

— Чего вамъ, Амедъ? — обернулся къ нему Брызгаловъ.

— Позвольте мнѣ пройти къ нимъ. Я узнаю, — высмотрю,

сколько ихъ, откуда они, и главный-ли ударъ направляется сюда, или нѣтъ.

Брызгаловъ задумался.

— Кнаусъ!—приказалъ онъ.—Сообщите ему пароль и лозунгъ. Проведите до позиціи Незамай-Козла и отпустите. Съ Богомъ, Амедъ!

И маіоръ горячо пожалъ ему руку.

— Еще солнце не покажется,—я буду уже здѣсь, если меня не убьютъ!—тихо добавилъ молодой горецъ.

Теперь весь воздухъ кругомъ казался наполненнымъ жужжаніемъ шмелей. Пули пѣли тоскливую пѣсню, шлепаясь въ мягкій песокъ Самурскихъ отмелей. Слышалось сухое пощелкиваніе выстрѣловъ изъ горскихъ винтовокъ, и далеко послѣдними отзвучіями замирала въ глубинѣ ущелій зловѣщая пѣснь газавата...

— Мюриды,—обратился назадъ Брызгаловъ.—Съ этими шутки плохи, надо готовиться къ упорной оборонѣ...

Скоро горцамъ надоѣло стрѣлять наобумъ, и они замерли...

Ночь опять безмолствовала. Въ торжественномъ спокойствіи надъ окутанною мракомъ землею совершали обычный кругъ свой созвѣздія—іероглифы темнаго неба. Уже совсѣмъ смолкая, тихо струился Самуръ. Откуда-то чуть доносилось ржаніе лошадей, и только крики „Слуш-шай!“ отъ башни къ башнѣ перелетали надъ недвижимыми и словно заколдованными стѣнами одинокой крѣпости.

Брызгаловъ у себя писалъ донесеніе въ Дербентъ.

Нина, стоя на колѣняхъ у иконы, громко молилась, чтобы Богъ спасъ ихъ всѣхъ отъ грозной бѣды, такъ неожиданно ворвавшейся въ спокойную, будничную жизнь дѣвушки. Когда отецъ зашелъ къ ней, она уже лежала въ постели, но широко раскрытыми глазами смотрѣла въ полумракъ; едва-едва свѣтилась надъ нею лампада у образа. Кроткій ликъ Богородицы склонялся въ серебряной ризѣ надъ нѣжной головой младенца.

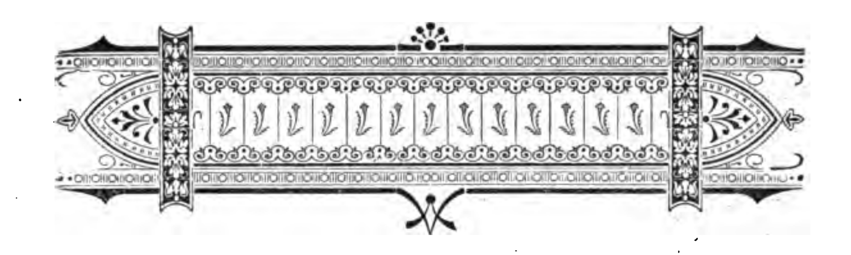
— Ты не спишь?..

— Нѣтъ, папа... не сплю. Я молилась...

— Молись, молись, дѣточка! Наступаютъ тяжелыя дни... Ну, да никто, какъ Богъ!

— Папа, что такое мюриды?

— Завтра разскажу тебѣ... А теперь успокойся!.. Прощай, дитя мое!—и онъ три раза перекрестилъ ее.



XV.

Что такое мюриды?

Въ Кюринскомъ ханствѣ, гдѣ, по мѣстной пословицѣ, „слаще меду виноградъ“, есть на склонѣ зеленой горы чудесный аулъ Арагларъ, утонувшій въ чащѣ фруктовыхъ садовъ, весь полный шума и журчанія ключей, бѣгущихъ по его кованнымъ камнями улицамъ. Арагларъ мѣстные поэты воспѣваютъ, какъ волшебный уголокъ лѣни и нѣги, какъ лучшій цвѣтокъ кавказскихъ горъ... Тамъ люди кажутся благополучными и сытыми, и баранина никогда не переводится въ котлахъ у хозяекъ. Въ этой счастливой деревнѣ жилъ нѣкогда Мулла-Магометъ такой святой жизни, что по ночамъ самъ пророкъ не разъ удостоивалъ его бесѣдой, а какъ-то, когда онъ съ высоты минарета призывалъ народъ къ утреннему намазу, ангелы подхватили его, взвились съ нимъ въ недосягаемую лазурную бездну неба, показали ему оттуда сквозь окошко райскіе сады и затѣмъ поставили его опять на тотъ-же минаретъ. У этого необыкновеннаго „учителя“ жилъ на воспитаніи бухарецъ Хасъ-Магометъ, отличавшійся еще въ дѣтствѣ созерцательнымъ благочестіемъ, которое такъ высоко цѣнятъ мусульмане. Его отрокомъ видѣли оцѣпенѣвшаго, съ устремленнымъ въ небеса взоромъ и съ выраженіемъ самаго пламеннаго восторга въ лицѣ. „Что тебѣ почудилось?“—спрашивали его благочестивые люди, но онъ, точно проснувшись, молча уходилъ къ себѣ, и если уже очень приставали къ

нему, говорилъ: „все равно вѣдь вы меня не поймете, на языкѣ человѣческомъ нѣтъ такихъ словъ, чтобы разсказать вамъ это!“... Кончивъ ученіе у муллы, юный Хасъ-Магометъ не удовлетворился имъ и отправился въ Бухару, которая тогда играла въ мусульманскомъ мірѣ роль самаго священнаго города послѣ Мекки, и, несомнѣнно, ученѣйшаго отъ Магреба до Дели. Возвратясь оттуда назадъ въ Арагларъ, — Хасъ-Магометъ показался счастливымъ обитателямъ этой деревушки совсѣмъ просвѣтлѣвшимъ. Отъ его лица струился невыносимый простымъ очамъ свѣтъ, и его „рѣчи благоухали, какъ мурро“. Онъ принесъ съ собою въ горы новое ученіе мюридизма и прежде всего обратилъ къ нему своего воспитателя — муллу. Онъ хотѣлъ даже основать въ горахъ монашескій орденъ на подобіе существующихъ въ Бухарѣ и Персіи, но тутъ слишкомъ хорошо знали и усвоили себѣ знаменитое изреченіе Магомета: „ля-рагбаніати-фи-ль-исламъ“ (нѣтъ монашества въ исламѣ). Тѣмъ не менѣе проповѣди Ханъ-Магомета и его воспитателя, сдѣлавшагося его ученикомъ, потрясли весь мусульманскій міръ Кавказа. Мюридами явились уже не созерцатели и богомольцы, а истинные фанатики Чечни и Дагестана. Сохраняя названіе мюридизма, они стали проповѣдывать, что для чистоты и утвержденія религіи нуженъ *газаватъ* (священная война), что только одна кровь невѣрныхъ угодна Богу, и можно быть величайшимъ грѣшникомъ, но достаточно участвовать въ газаватѣ, чтобы попасть въ чудные сады рая, въ обители Аллаха. Мюриды должны были обвивать голову чалмою-амамедъ и носить серебряное кольцо на мизинцѣ правой руки. По этому кольцу ихъ узнавали. Однажды въ Миссирѣ (Египтѣ) Магометъ молился въ страшный зной посреди поля. Вдругъ онъ услышалъ шипѣніе... Къ нему подползла змѣя, преслѣдуемая кошкой, и стала умолять пророка спасти ее отъ гибели. Тотъ спряталъ ее за пазуху. Но змѣя и тутъ боялась своего врага и просила пророка спрятать ее въ своихъ внутренностяхъ. Магометъ открылъ ротъ, змѣя исчезла туда. Кошка печально удалилась въ кусты. Пророкъ предложилъ змѣѣ уйти, но та за гостепріимство отплатила ему черной измѣной. „Я уйду, если ты мнѣ дашь съѣсть часть твоего тѣла!“ Магометъ предложилъ ей мизинецъ правой руки. Змѣя на половину выползла и впилась въ него, но въ это мгновеніе кошка выскочила изъ засады, вытащила змѣю и убила

ее. Пророкъ погладилъ кошку рукой—отчего та получила даръ никогда не падать спиною, а всегда на ноги. Израненный палецъ свой Магометъ украсилъ колечкомъ и приказалъ дѣлать это всѣмъ особенно желающимъ приблизиться къ нему.

Аргаларскій Мулла-Магометъ живо понялъ силу мюридизма, если ему удастся привлечь къ нему вліятельныхъ людей Дагестана. Онъ созвалъ въ цвѣтущій Арагдаръ всѣхъ куринскихъ кадіевъ и муллъ на совѣщаніе. Оттуда, въ сопровожденіи учениковъ, они всѣ отправились въ ширванское мѣстечко Курдоміръ, гдѣ жилъ знаменитый ученый Хаджи-Измаилъ, у котораго добродѣтелей было больше, чѣмъ волосъ въ бородѣ. Про него разсказывали, что ему стоило поднять руку къ небу, чтобы остановить грозу или поманить ее, чтобы она разразилась надъ Ширваномъ. Хаджи-Измаилъ тоже сообразилъ значеніе новаго движенія между горцами. Онъ видѣлъ, что мусульманство колеблется и слабѣетъ, кланы, нѣкогда исповѣдывавшіе христіанство, не забыли его и по ночамъ ходили молиться въ руины церквей, охваченныя цѣпкой порослью; клялись именами дѣвы-Миріамъ и св. Георгія. Исламъ замиралъ, установленія шаріата забывались, всюду на ихъ мѣсто выступалъ народный обычай — адатъ. Возстановить вѣру можно было, только раздувъ фанатизмъ до газавата, и на этотъ-то подвигъ эффенди Хаджи-Измаилъ благословилъ муллу Магомета и провозгласилъ его муршидомъ—учителемъ. Преданіе говоритъ, что въ эту минуту надъ эффенди явился Азраилъ и вручилъ ему „мечъ смерти", который тотъ и передалъ новому ставленнику... Арагларъ сталъ тотчасъ же центромъ возрожденнаго и преобразованнаго тариката. Со всѣхъ сторонъ потянулись сюда толпы мусульманъ, колебавшійся исламъ началъ крѣпнуть, тѣмъ болѣе, что Хаджи-Измаилъ передалъ Магомету тайну нѣкоторыхъ чудесъ для совершенія ихъ передъ легковѣрными горцами. Русскіе, не подозрѣвая цѣли этого движенія, ему не мѣшали, и мулла Магометъ спокойно до конца жизни проповѣдывалъ видоизмѣненный тарикатъ, сплочивая горные кланы въ большія общества, общества въ союзы, посылалъ учениковъ и къ племенамъ Адыге, и въ Чечню, и даже въ Абхазію... Онъ весь Арагдаръ наполнилъ молодыми муллами, фанатизируя ихъ, и умеръ, оставивъ по себѣ не только послѣдователей, но и множество муршидовъ, готовыхъ на смерть ради торжества мюридизма на Кав-

казѣ. Тогда же было объявлено вѣчное „канлы“ русскимъ. До тѣхъ поръ наши имѣли въ горныхъ округахъ не мало кунаковъ и друзей,—послѣ уже нельзя было водить и простого знакомства. Отсюда до джигата было не далеко... Мулла-Магометъ и его послѣдователи весь Дагестанъ съ Чечней и Кабардой обратили въ громадный пороховой погребъ. Достаточно было искры, чтобы взорвать его сразу. Прежде горные кланы смотрѣли на войну, какъ на рыцарскую забаву, молодчество, воспитательную школу для юношей или какъ на способы добывать себѣ наши стада и грабить русскихъ,—теперь она звалась *газаватомъ*—святымъ, ведущимъ прямо въ рай подвигомъ. Была забыта вражда между отдѣльными аулами, прекратились споры сосѣднихъ племенъ.

Мюридизмъ могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ потомъ — только съ такимъ имамомъ, какъ Шамиль. Воинъ и государственный человѣкъ въ одно и то же время — онъ съумѣлъ подчинить себѣ всѣ кланы Дагестана, слить ихъ въ одно цѣлое и стройное, создать между ними строгіе законы и заставилъ служить себѣ слѣпо, не разсуждая. Свободолюбивые сыны утесовъ слѣдовали за Шамилемъ всюду, куда онъ только водилъ ихъ. Въ разрозненныхъ горцахъ возникло сознаніе, что, только соединившись, они могутъ отстоять независимость,—и ониу же не оставляли имама даже въ тяжелыя минуты, когда онъ терпѣлъ неудачи. Не жестокій самъ Шамиль заставлялъ ихъ быть звѣрями, чтобы сдѣлать невозможнымъ ихъ примиреніе съ русскими. Онъ такъ могуче раздулъ пламя ненависти къ намъ, что оно однимъ сплошнымъ пожаромъ охватило и Дагестанъ, и Чечню, и всѣ горскія черкесскія племена, и Абхазцевъ. Даже давно поселившіеся внизу, въ долинѣ, Джарцы, хоть тѣмъ было отлично подъ нашимъ владычествомъ, бросали свои дома, сады и поля и уходили къ новому имаму. Хунзахъ былъ похороненъ нами. Новый Хоцатль взятъ русскими штурмомъ,—но взамѣнъ Шамиль пріобрѣталъ сотни новыхъ ауловъ. Мы въ 1837 г. заняли всю Аравію, — но Шамиль прислалъ намъ сказать, что если ему останется хоть одно ласточкино гнѣздо, то и изъ него онъ сумѣетъ быть страшнымъ урусамъ. Загнанный, какъ звѣрь, въ Ахульго — Шамиль въ этомъ огромномъ становищѣ, повисшемъ надъ безднами, сумѣлъ создать крѣпость, которую могли взять только наши кавказскія войска. Какъ это случилось,—самъ Шамиль не понималъ,

а народъ его считалъ насъ за воплощенныхъ шайтановъ. Въ 1836 г. Ахульго дымился пожарищемъ послѣ титанскаго штурма. Шамиль кинулся въ Большую и Малую Чечню. Тамъ къ нему присоединились ичкеринцы, ауховцы и карабулахцы, и когда мы считали Шамиля погибшимъ, онъ во главѣ 30,000 мюридовъ явился на нашихъ границахъ.

Вотъ что такое былъ мюридизмъ и мюриды!

Брызгаловъ, какъ и весь гарнизонъ, понималъ, что ему надо или побѣдить, или умереть. Побѣжденнымъ пощады не будетъ!.. Да къ пораженіямъ войска того времени и не привыкли. Они могли отступать, но не сдаваться, — для крѣпости же отступленія не было — значитъ оставалась смерть!

До разсвѣта онъ ворочался въ постели, одѣтый и готовый каждую минуту идти на стѣну.

За нѣскольке минутъ до зари, къ нему привели Амеда.

Юноша былъ утомленъ и измученъ. Онъ загналъ коня и назадъ пришелъ пѣшкомъ.

— Ты раненъ?—крикнулъ ему Брызгаловъ.

— О, это ничего!—съ презрѣніемъ взглянулъ онъ на лѣвую руку, на которой запеклась кровь. — Такъ, шрамъ... Тотъ, кто нанесъ его, уже никому о немъ не разскажетъ... Я его уложилъ въ оврагѣ недалеко отъ вашей позиціи.

— Ну, это, разумѣется, мюриды, да?

— Да! И ихъ ведетъ, какъ я и думалъ, одинъ изъ наибовъ Шамиля—князь Хатхуа.

— Сколько у него людей?

— Самое малое двѣнадцать тысячъ человѣкъ будетъ черезъ нѣсколько дней.

— Почему будетъ?

— Потому что онъ послалъ во всѣ горныя общества „землю и воду“, (т. е. угрозу отнять и то, и другое, если ему не будетъ оказана помощь).

— Какая у него цѣль?

— Я подслушалъ. Они думаютъ взять Самурское укрѣпленіе и потомъ обрушиться на Дербентъ.

— Подавятся и здѣсь!

— Они хорошо вооружены и отлично снабжены провіантомъ... Князь Хатхуа ждетъ, что самъ Шамиль пріѣдетъ сюда.

Брызгаловъ задумался.

— Амедъ! Могу я на тебя разсчитывать?..

— Приказывайте! Я умру, стараясь исполнить, что вамъ надо.

— Одно... Оказія не дошла до Дербента... Надо дать знать туда, что мы окружены.

— Завтра въ полдень я выѣду.

— Почему въ полдень?

— При полуденномъ свѣтѣ меня будетъ трудно отличить... Не пишите писемъ, скажите мнѣ все... Я не забуду ни слова.

— А теперь иди, отдохни!

Ровно въ шесть часовъ дня, когда солнце встало, оно застало Амеда на ногахъ.

Онъ и не отдыхалъ. Подъ окномъ у Нины онъ ждалъ ея пробужденія... Когда дѣвушка подошла къ окну и растворила его, къ ней въ комнату упала свѣжая роза. Нина выглянула.

— Это вы, Амедъ?

— Я... пришелъ проститься съ вами.

— Куда вы ѣдете?

— Меня майоръ посылаетъ въ Дербентъ.

— Я боюсь за васъ!

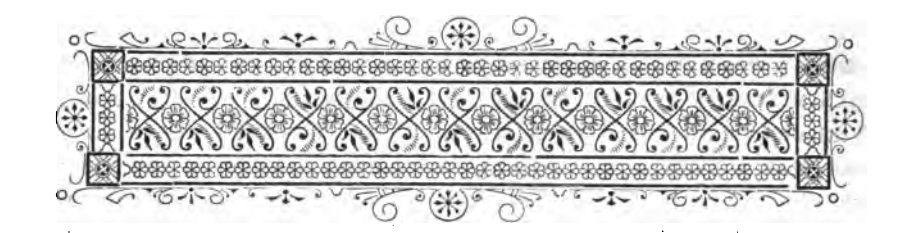
Юноша улыбнулся.

— Я пришелъ проститься,—еще разъ повторилъ онъ.—Можетъ быть, я буду убитъ. Прошу у васъ милости...

— Какой?

— Дайте мнѣ что-нибудь. Ленту.

Съ чисто женскимъ инстинктомъ Нина взяла ножницы, отрѣзала прядку волосъ и подала ихъ въ окно. Амедъ съ разгорѣвшимися счастливыми глазами тотчасъ же спряталъ ее у себя на груди. Черезъ мгновеніе его уже не было...



XVII

Да-а-вадъ.

Майоръ Брызгаловъ всталъ тоже чуть свѣтъ.

Вѣтеръ гналъ еще тучи по блѣднѣющимъ небесамъ, горы кругомъ курились туманами, и только вершины ихъ сіяли первымъ привѣтомъ зари. Мгла лежала въ ущельяхъ... Ночь умирала на западѣ, кутаясь въ уходившія съ нею облака... Степанъ Федоровичъ взошелъ на стѣну и зорко оглядѣлъ окрестности.

— Вы уже здѣсь?—встрѣтилъ онъ Кнауса.

— Точно такъ!

Исправный офицеръ возился со зрительной трубой.

— Ну, что вы разсмотрѣли?

— А вотъ, не угодно-ли.

Всѣ дали,—насколько онѣ уже освободились отъ тумана,—оказывались занятыми лезгинскими дружинами. Прислонясь къ горамъ, внѣ выстрѣловъ крѣпости, но кругомъ нея, стояли онѣ пестрымъ кольцомъ .. Въ одно марево сливались тамъ и конные, и пѣшіе. Сплошной гулъ несся оттуда. Въ устьяхъ ущелій видны были другія скопища, туманными рѣками заливавшія ихъ... Онѣ пропадали въ глубинѣ тѣснинъ. Казалось, грозный Дагестанъ выслалъ сюда все, что у него было. Первые лучи солнца, проникшіе въ долину, яркими пятнами выхватили изъ ея мглы толпы джигитовъ, зеленые значки отдѣльныхъ партій, какое-то крошево пѣшихъ дидойцевъ, обернутыхъ въ свои овечьи шкуры, щеголеватыхъ аварцевъ, горѣв-

шихъ позолотою оружія и позументами одеждъ, койсабулинцевъ въ ихъ красныхъ чухахъ, карадахцевъ, обернутыхъ веревками, которыя они, какъ американскіе гаучо лассо, бросали петлями въ непріятеля и душили его издали, даргинцевъ, гордо проѣзжавшихъ въ сѣрыхъ черкескахъ по становищу, гимринцевъ въ черномъ, казавшихся траурными точками въ общей картинѣ вражьяго лагеря... Да, это были мюриды! И безъ гимна ихъ Степанъ Федоровичъ хорошо понималъ опасность положенія. Дѣло не кончится двумя, тремя штурмами. Эти или сами погибнутъ или истребятъ гарнизонъ укрѣпленія до послѣдняго человѣка!.. Это злѣйшіе наши враги-фанатики переродившагося въ страшную боевую силу тариката... Вонъ зеленыя чалмы ихъ муллъ. И муллы вооружились: въ газаватъ они ведутъ за собою полчища лезгинъ... Вонъ наибы въ желтыхъ чалмахъ. Сколько ихъ! Цѣлыми группами переѣзжали они съ мѣста на мѣсто, и кругомъ точно море поднимаются и неумѣлыми грозными волнами катятся толпы джигитовъ... Вонъ пестрыя чалмы сотенныхъ начальниковъ. Неужели—все это присоединилось къ жалкой горсти салтинцевъ, поднятыхъ сумасшедшимъ княземъ Хатхуа—этимъ „рыцаремъ горъ", котораго хорошо зналъ Брызгаловъ... Его, кабардинскаго узденя, — даже свои звали за слѣпую отвагу „дели"—одержимый. Вонъ красныя чалмы глашатаевъ. Они собираются впереди, должно быть, сейчасъ поѣдутъ къ крѣпости съ предложеніями; коричневыя—ходжей или тѣхъ кто былъ въ Меккѣ. Весь запасъ головныхъ уборовъ, установленныхъ Шамилемъ для мюридовъ, съ черными тряпками на головахъ палачей включительно. Должно быть, по пути къ салтинцамъ имамъ прислалъ свои войска. Самый большой зеленый значокъ съ золотой рукой надъ его древкомъ—приближается къ крѣпости. Передъ нимъ на чудномъ конѣ золотистой масти гарцуетъ кто-то... Да это и есть Хатхуа. Его гордая посадка, его сверкающее драгоцѣнными каменьями оружіе. Онъ все ближе и ближе. Теперь Степанъ Федоровичъ различалъ закинутую на затылокъ папаху кабардинсваго узденя; дышащіе неукротимой энергіей черты смуглаго и худого лица, пламенныя очи, въ которыхъ никогда не гаснетъ огонь свободы... За нимъ молодежь... Если бы Степанъ Федоровичъ зналъ ихъ, то онъ бы различилъ Джансеида, Ибраима, Селима и Солимана. Это почетный конвой начальника лезгинъ, его авангардъ...

— Кнаусъ!.. Распорядитесь навести орудіе на эту шайку!—приказалъ Брызгаловъ. — Чиненкой въ нихъ.

У орудія затормошилась прислуга. Съ аккуратностью нѣмца Кнаусъ нѣсколько разъ примѣрился и тогда уже проговорилъ—„Готово!"

Старый артиллеристъ стоялъ съ дымящимся фитилемъ... Мортира, кровожадно поднявъ вверхъ свою пасть, казалось, замерла въ ожиданіи добычи.

— Пли!—рѣзко раздавалась команда Брызгалова.

Туча дыму, ревъ орудія, свистъ бомбы, взвившейся въ высоту... Степанъ Федоровичъ смотритъ... Цѣлое облако пыли взорвалось тамъ. Конвой кабардинскаго узденя разлетѣлся кругомъ, какъ вспугнутая воробьиная стая; припали головами къ шеямъ коней и несутся къ горамъ. Только князь стоитъ, какъ вкопанный, точно онъ изваянъ... На минуту его скрыло облако, но когда оно разсѣялось,—уздень былъ на томъ-же мѣстѣ... Гулъ пошелъ по его лагерю. Крики. Засверкали толпы разряженныхъ всадниковъ съ дикимъ гиканьемъ понеслись они впередъ и назадъ. Заволновалось цѣлое марево пѣшихъ лезгинъ у самыхъ горъ...

— Расшевелили... Ну-ка, еще туда!..

Вправо какіе-то наибы въ желтыхъ чалмахъ, какъ курослѣпъ, горѣли на солнцѣ. Они тоже слишкомъ близко поддались къ крѣпости. Бомба легла прямо въ ихъ кучу, и всадники прыснули во всѣ стороны... Грохотъ разрыва чуть слышно донесся оттуда. Вѣтеръ былъ противъ!..

Теперь горное утро уже сіяло и лучилось повсюду...

Чѣмъ яснѣе выступали долины, тѣмъ яснѣе видѣлъ Брызгаловъ, что онѣ сплошь залиты воинственными толпами мюридовъ. Газаватъ подготовился и выросъ внезапно. Никто его не ожидалъ у насъ! Тяжелыя предчувствія давили коменданта. „Бѣдная Нина!" — шепталъ онъ про себя...—„И зачѣмъ я ее вызвалъ оттуда?" Одна надежда оставалась на Дербентъ, если Амеду удастся туда пробраться!.. „Бѣдная моя дѣвочка, не радостно тебя встрѣчаетъ родина!" Но потомъ какою-то теплою, воодушевляющей волной совсѣмъ иное чувство бодрости и сознанія долга прилило къ нему и высоко, высоко подняло старика майора. „Никто какъ Богъ!" —прошепталъ онъ и, уже орлинымъ взглядомъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей оглядывая солдатъ, крикнулъ;

— Покажемъ, братцы, что мы не привыкли считать враговъ.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!..

— Съ такими молодцами, какъ вы, наше Самурское гнѣздо отобьется и отъ въ двадцать разъ сильнѣйшаго непріятеля. Не такихъ разносили! Кто со мной былъ въ Гимрахъ, тотъ помнитъ...

Солдаты повеселѣли.

— Теперь по крайности нескучно намъ будетъ сидѣть здѣсь, товарищи... А то мы мохомъ было поросли и плѣсенью покрылись. Да и молодыхъ пора окурить пороховымъ дымомъ. Правда?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

— Съ сегодняшняго дня всѣмъ по чаркѣ водки, пока будетъ длиться осада... Караулы и секретъ держать въ исправности... Помните,—лезгины злы, какъ волки, и хитры, какъ лисицы... Для секретовъ мѣста укажетъ намъ Левченко... Онъ не даромъ исходилъ ихъ...

— Г. комендантъ!—оффиціально обратился къ нему Кнаусъ.

— Что прикажете?

— Вонъ кучка въ красныхъ чалмахъ подъѣзжаетъ, не пугнуть-ли?..

— Нѣтъ, это у нихъ глашатаи. Они ихъ парламентерами къ намъ посылаютъ. Есть бѣлый лоскутъ?

— Есть. И тотъ кабардинскій князь съ ними, Хатхуа, что-ли?..

— Прапорщикъ, — выѣзжайте навстрѣчу съ конвоемъ...

— Сколько ихъ?

— Двадцать шесть..

— Возьмите двѣнадцать казаковъ и встрѣтьте ихъ вотъ за тѣмъ рукавомъ Самура. Сюда ихъ не пускать. А мы станемъ сверху сторожить. Если они вздумаютъ только шевельнуться, мы ихъ свинцовымъ дождемъ угостимъ.—Вѣрно, предложеніе сдаться „Да-вадъ“,—подумалъ онъ и потомъ уже громко отдалъ приказаніе:— Послать мнѣ переводчика сюда!..

Черезъ нѣсколько минутъ Кнаусъ, гордясь возложеннымъ на него порученіемъ, выѣзжалъ изъ крѣпости... Онъ медленно доѣхалъ до одного изъ рукавовъ Самура. Фыркая и косясь, конь его вступилъ въ воду, и, разбрызгавъ ее брилліантовыми каплями во всѣ стороны,—казаки живо перебрались на ту сторону. Князь Хатхуа отдѣлился и поѣхалъ впередъ одинъ. Глашатаи со значкомъ оста-

лись позади. Кнаусъ приказалъ казакамъ ждать и также подъѣхалъ къ кабардинцу.

— Здравствуй!—приподнялъ тотъ папаху. Хатхуа въ плѣну выучился русскому языку.

Кнаусъ отдалъ ему честь.

— Брызгаловъ здѣсь?..

— А тебѣ какое дѣло?..

Кабардинецъ улыбнулся.

— Поклонъ ему отъ меня. Старый знакомый. Онъ хорошій джигитъ. Съ такимъ пріятно дѣло имѣть... Храбрый джигитъ. У насъ-бы его имамъ сейчасъ главнымъ наибомъ своимъ сдѣлалъ... Вотъ ему передай!.. отъ насъ... письмо... Да покроетъ Аллахъ его своею тѣнью! Я хотѣлъ его посѣтить въ крѣпости... Я бы поѣхалъ туда съ тобой...

Кнаусъ сослался на то, что ему не дано такой инструкціи.

— Говорятъ, къ нему дочь пріѣхала?.. — засмѣялся узденъ.

Прапорщикъ вспыхнулъ и схатился за шашку, да вспомнилъ, что парламентеры неприкосновенны, и только закусилъ себѣ губы.

Хатхуа притворился, не замѣтившимъ этого движенія.

— Я слышалъ, красавица. Кадій нашъ былъ у васъ,—видалъ ее. Ну, что-же, тѣмъ лучше. Моей женой будетъ.

— Да, только до тѣхъ поръ тебѣ придется поболтаться на висѣлицѣ.

— Мнѣ на висѣлицѣ? Я не принималъ присяги русскимъ. Меня за измѣну судить нельзя.

— За измѣну нельзя, а за разбой и воровство можно.

Князь поблѣднѣлъ и бросилъ гордый взглядъ на бѣлобрысаго офицера.

— Скоро твоей матери придется плакать о тебѣ... осиротѣетъ она...

— А развѣ ты незаконнорожденный, что о тебѣ плакать будетъ некому?

Кабардинца точно нагайкой ударили. Онъ уже на стременахъ привсталъ, но тотчасъ-же сдержался.

— Мы еще встрѣтимся съ тобой... Посмотримъ въ бою, такъ же ли остра твоя шашка, какъ твой языкъ.

— Достаточно остра, чтобы рубить бараньи головы!—продолжалъ съ истинно-тевтонскимъ спокойствіемъ Кнаусъ.

— Смотри, самъ не попади на забаву нашимъ бабамъ. Онѣ тебя заставятъ воду носить, коноплю варить, шерсть чесать.

— А развѣ для этого мало кабардинскихъ князей въ горахъ?

Хатхуа съ силою сжалъ рукоять своей шашки. Глаза его метали молніи на Кнауса, но бѣлобрысый нѣмчикъ только улыбался, очевидно, уже вполнѣ владѣя собою.

— Ты бы, князь, шелъ къ намъ. У насъ въ первой ротѣ водовозъ боленъ.

— Я къ вамъ и приду. Только на каждомъ зубцѣ вашей крѣпости по головѣ воткну сначала. У васъ ихъ хватитъ.

— Если хочешь поступить къ намъ мясникомъ, у насъ довольно скота... На годъ запаслись...

Хатхуа ударилъ коня нагайкой, тотъ поднялся на дыбы.

— Довольно языки чесать... Мы съ тобою не бабы.

Горецъ повернулъ коня и подъѣхалъ къ своимъ.

Брызгаловъ читалъ у себя привезенный казакомъ пакетъ.

Переводчикъ Керимъ передавалъ ему содержаніе этой бумаги по-русски:

„Да благословенно будетъ имя Аллаха отнынѣ и во вѣки... Въ неизреченной благости и милосердіи своемъ онъ пожелалъ, чтобы умы невѣрныхъ просвѣтились блескомъ ученія его. Истребляя упорныхъ и слѣпыхъ гяуровъ, онъ всѣмъ, жаждущимъ истины, широко открываетъ сады Эдема... Приходите и пейте изъ источника правды! Наслаждайтесь благочестіемъ и воспойте ему хвалу. Ему и пророку его. Ибо единъ Богъ, и нѣтъ иныхъ, кромѣ него. Единъ пророкъ его Магометъ, и нѣтъ равнаго ему предъ тысячью тысячъ очей Аллаха... Имя ему Аднъ, и рука его — весь міръ, всю вселенную держитъ на кончикѣ мизинца...

„Коменданту Брызгалову привѣтъ и благоволеніе. Прежде чѣмъ мы спалимъ твое гнѣздо и раздавимъ васъ, какъ змѣенышей, выброшенныхъ изъ норы, прежде чѣмъ воронъ будетъ клевать ваши очи, а вѣтеръ сушить тѣла, прежде чѣмъ жаждущій мечъ пророка до-сыта напьется вашей крови, мы—рабы Аллаха перстъ въ рукѣ его, дуновеніе его устъ, предлагаемъ именемъ имама Шамиля и его наибовъ вамъ послушать нашего „да-а-вада“, сохраняя себѣ жизнь, и пріобрѣсти милость предъ очами пророка. Съ полученіемъ сего— прикажи поднять на башнѣ своей бѣлый флагъ. Выборнымъ га-

шимъ сдай орудія и все оружіе. Сами выйдите вонъ изъ крѣпости и колѣнопреклоненные ждите прощенія... Муллы наши научатъ васъ истинамъ Ислама, и Аллахъ невѣрныхъ собакъ очиститъ и сдѣлаетъ агнцами стада своего... Мы освѣдомлены давно о твоей храбрости,—жаль губить джигита, который и у насъ можетъ служить правому дѣлу. Предлагаемъ тебѣ милость,—ненаѣшь ся грязи. Указываемъ тебѣ спасеніе,— не заблудись на ложномъ пути.

„Нѣтъ бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его.

„Насъ много,—васъ мало. У насъ позади горы съ ихъ житницами, а у васъ впереди одна смерть... Не раздражай терпѣнія нашего, потому что мы едва удерживаемъ шашки въ ножнахъ. Онѣ давно хотятъ зазвенѣть въ бою. Пожалѣй себя и своихъ,—благоразумный вождь ищетъ спасенія тамъ, гдѣ побѣда невозможна. Не будь въ ослѣпленіи подобенъ ишаку, умершему отъ голода вблизи цѣлой кучи саману. Небо открыто всѣмъ, надо только знать истину“.

„Аллахъ великъ! Или вы не слышали вчера гимна газавата? Трепещите-же и ждите смерти!“

Брызгаловъ засмѣялся.

— Все на-лицо и въ порядкѣ... Кто это могъ у нихъ написать? Очевидно, не самъ князь Хатхуа.

— Нѣтъ, это на совѣтѣ кадіевъ, должно быть.

— Садись, Керимъ, и пиши!

„Кабардинскому князю Хатхуа привѣтъ. Письмо твое получилъ и глупости его удивляюсь... Большимъ ты осломъ выросъ, а понимаешь меньше новорожденнаго щенка. Жаль мнѣ твоей молодости, и потому я готовъ оказать милость тебѣ. Немедля положи оружіе, пришли заложниковъ и самъ явись съ веревкой на шеѣ, безъ папахи и пѣшкомъ. Тогда вамъ всѣмъ будетъ сохранена жизнь, и царь вамъ покажетъ свою щедрость. Иначе, пошли матери своей и матерямъ твоихъ разбойниковъ извѣщеніе, чтобы онѣ заранѣе уже оплакивали васъ. Мы настигнемъ васъ въ вашихъ горахъ, сорвемъ съ утесовъ ваши аулы и сбросимъ ихъ въ пропасти вмѣстѣ съ вами. Чаша нашего долготерпѣнія давно полна. Берегитесь прибавить туда одну каплю,—она разольется и потопитъ васъ со всѣми вашими глупыми мюридами. Вчера мы слышали не гимнъ газавата, а вой чекалокъ, вышедшихъ на добычу и увидѣвшихъ ее въ когтяхъ у могучаго русскаго орла. Я былъ у васъ и благодаренъ за

то, что вы пришли ко мнѣ. Не одна мать въ горахъ оплакиваетъ сына своего, убитаго при встрѣчѣ со мною. Теперь вы сами явились на погибель. Подумайте сначала... Я оторву мясо отъ костей вашихъ и брошу его голоднымъ звѣрямъ ущелій, а ваши кости размечу во всѣ стороны, чтобы племена и народы всѣхъ четырехъ странъ свѣта знали о вашей жалкой участи. Я такъ напою землю вашей кровью, что она долго не будетъ просить у меня пить"...

— Что еще прибавить въ восточномъ духѣ?—засмѣялся Брызгаловъ.—Довольно, я думаю. Прибавь: „просите милости, пока мои уши слышатъ; если я заткну ихъ перстами ненависти,— кровь похолодѣетъ въ вашихъ жилахъ и между вами не найдется никого, чтобы разсказать въ аулахъ о вашей гибели".

Керимъ написалъ.

— Что, столько-же вышло, сколько и у нихъ?

— Немного меньше.

— По-ихнему это будетъ неудачно. Добавь:

„У насъ достаточно свиней, чтобы, убивъ ихъ, въ нечистыя шкуры ихъ зашить ваши тѣла и высушить ихъ на солнцѣ".— Прибавилъ?.. Ну теперь закончи: „а кабардинскому князю Хатхуа — привѣтъ. Мы помнимъ твое пребываніе у насъ и жалѣемъ тебя. Ты молодъ и храбръ. Благоразуміе тебѣ чуждо, но ты не виноватъ въ этомъ... У васъ у всѣхъ каменныя головы". Теперь запечатай. Свербѣевъ!

Казакъ вошелъ.

— Отвези и отдай отвѣтъ. Скажи, чтобы прочли его на джамаатѣ при всѣхъ наибахъ, и кадіяхъ, и муллахъ. И затѣмъ, прикажи имъ убираться во весь карьеръ, а то я сейчасъ-же, какъ наши отъѣдутъ, открою огонь.

Когда казакъ и переводчикъ вышли,— лицо Брызгалова стало серьезно.

Онъ не долго сидѣлъ у стола. Глаза его остановились на небольшой походной иконѣ въ серебряной ризѣ. Онъ опустился передъ нею на колѣни.

— Господи силъ! Спаси насъ! Ты наша защита и покровъ. На тебя только и надѣемся въ слабости нашей. Ихъ много, насъ мало,—пощади, Всемогущій!.. Сохрани и спаси дочь мою!.. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ сдѣлалъ земной поклонъ и всталъ уже спокойный.

И онъ уже бодро и смѣло пошелъ на башню крѣпости.

Въ первый день осады лезгины ничего не предпринимали...

Глядя на нихъ въ зрительную трубу, Брызгаловъ видѣлъ, что они собираютъ „джамаатъ“. Желтыя, зеленыя и красныя чалмы сошлись вмѣстѣ внѣ выстрѣловъ крѣпости, у опушки каштановой рощи, и долго толковали о чемъ-то. Амедъ, бывшій еще на стѣнахъ, — думалъ, что непріятель ждетъ подкрѣпленій, и, дѣйствительно, не прошло часу, какъ гдѣ-то далеко-далеко послышался напѣвъ священнаго гимна, и въ ущельѣ налѣво, сначала смутнымъ пятномъ, показались новыя дружины мюридовъ...

— Ну, теперь мнѣ пора... Я пойду... Если меня убьютъ, — скажите отцу, что я погибъ, какъ прилично мужчинѣ... — тихо проговорилъ Амедъ, обращаясь къ Брызгалову...

— Вернись скорѣе! Помни, что отъ твоего успѣха все зависитъ... Передай генералу, что я сказалъ тебѣ... Не забудь ничего.

— Слушаю...

Черезъ нѣсколько минутъ ворота крѣпости растворились широко, и въ нихъ вынеслась на просторъ бывшая здѣсь казачья полусотня. Этотъ маневръ былъ исполненъ, чтобы не дать замѣтить выхода Амеда. У лезгинъ зоркіе глаза, и Брызгаловъ зналъ, что вездѣ теперь со скалъ и съ вершинъ деревьевъ горцы неотступно наблюдаютъ за тѣмъ, что дѣлается въ крѣпости... Амеду удалось въ толпѣ казаковъ такъ юркнуть въ ближайшій лозникъ, что самый подозрительный соглядатай не различилъ бы его въ общей суматохѣ. Казаки съ дикими восклицаніями, пики на-перевѣсъ понеслись черезъ рукава Самура. Цѣлыми фонтанами яркихъ брызгъ засверкала вода. Скоро всадники выбрались на ту сторону и, точно желая освѣтить мѣстность и узнать, насколько приблизились къ намъ лезгины, стремительно промчались вдоль ихъ бивуаковъ подъ цѣлымъ дождемъ пуль... Въ трескотнѣ выстрѣловъ замерли крики людей... Навстрѣчу казакамъ выскочили джигиты въ пестрыхъ чалмахъ и, горяча своихъ огневыхъ коней, приняли на-перерѣзъ... Но наши сдѣлали все, что имъ было нужно, и теперь, описавъ большой кругъ по равнинѣ, стремглавъ вернулись назадъ. Въ бѣшенствѣ преслѣдованія, горцы сами не замѣтили, какъ подъѣхали

подъ наши пушки... Оглушительно на всю Самурскую долину ахнули ихъ мѣдныя жерла и свинцовыми брызгами картечи обдали занесшихся храбрецовъ.

— Молодцы, ребята!..—похвалилъ своихъ Брызгаловъ, замѣтивъ, какъ лезгины соскочили съ коней подобрать убитыхъ и раненыхъ, которыхъ они никогда не оставляли въ рукахъ непріятеля, даже рискуя новымъ неравнымъ боемъ и новыми потерями. Ну-ка, еще брызни!..

Четыре горныхъ пушченки опять сдѣлали свое дѣло въ догонку за всадникамми, во всю прыть уносившимися изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ.

— Не любишь! — радовался Незамай-Козелъ. — Г. майоръ, позвольте маленькую вылазку...

— Нельзя-съ. Намъ теперь не шутки шутить. Ихъ много,— каждая рука у насъ должна быть на счету. Солдатъ у меня нынче дорогъ будетъ...

— Слушаю-съ!

— Нечего безполезно финтить молодечествомъ. Никто и безъ того, и они первые,—кивнулъ онъ по направленію къ лезгинамъ,— не сомнѣвается, что у насъ трусовъ нѣтъ... Уже если вамъ такъ хочется, можете на ночь опять въ секреты.

Полуденное солнце жгло невыносимо...

Въ яркомъ блескѣ его млѣли, точно раскалившіеся, утесы и вершины горъ. Даже небо, казалось, поблѣднѣло отъ зноя. Въ воздухѣ кругомъ дрожали искры. Больно было смотрѣть... Струи Самура кое-гдѣ лились расплавленнымъ серебромъ. Амедъ осторожно приподнялъ голову въ кустахъ... Теперь его никто не узналъ бы. Онъ обернулъ папаху бѣлымъ лоскутомъ, какъ простой лезгинъ. Щегольскую чуху онъ оставилъ въ крѣпости, на немъ болтались жалкія лохмотья дидойскаго байгуша, самаго несчастнаго изъ горскихъ бѣдняковъ. Грудь была открыта, — ее немилосердно жгло солнце, но она и безъ того была бронзовой отъ его лучей, и такія неудобства ни во что не ставились въ горахъ. Амедъ даже больше изорвалъ старый и изодраный архалукъ... Оружія у него только и было, что кинжалъ, болтавшійся на полинявшемъ поясѣ. Къ подошвамъ ногъ онъ прикрѣпилъ веревками куски сырой кожи... Только гордый взглядъ большихъ черныхъ глазъ, то и дѣло заго-

равшійся подъ его соколиными бровями, выдавалъ въ немъ елисуйца, привыкшаго къ совсѣмъ иному обиходу. Оглядѣвшись кругомъ, Амедъ поползъ вокругъ крѣпости. Онъ зналъ, что тамъ отданъ приказъ не стрѣлять по немъ, — и боялся только, чтобы его не замѣтили со стороны лезгинъ. До наступленія сумерокъ ему нужно было быть уже за Самуромъ. Лохмотья его еще болѣе рвались въ колючихъ кустахъ. То и дѣло онъ оставлялъ на ихъ шипахъ обрывки и лоскутья старой чухи. Руки уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ изодралъ на выступахъ остраго кремня, но Амедъ и на это не обращалъ вниманія. Солнце тамъ, гдѣ кусты расходились, жгло его въ затылокъ. Разъ змѣя попалась на пути и зашипѣла, приподымая свою расплющенную головку съ злыми глазами и розовымъ языкомъ. Амедъ не обратилъ на нее вниманія. У него висѣлъ на шеѣ талисманъ отъ укушенія ядовитыхъ гадовъ, и юноша вполнѣ вѣрилъ въ его силу... Змѣя, дѣйствительно, свилась въ кольцо и вмѣсто того, чтобы броситься на него, уползла въ кусты... Скорпіоны на открытыхъ мѣстахъ, грѣвшіеся на солнцѣ, разбѣгались во всѣ стороны... Когда Амедъ уставалъ, онъ ничкомъ ложился на землю и отдыхалъ нѣсколько минутъ, унимая кровь изъ разодранныхъ колѣнъ и локтей... Немного спустя, кусты стали повыше. Тутъ ему ужъ можно было привстать. Онъ обернулъ всю свою папаху зеленью и, такимъ образомъ, голова его слилась съ верхушками кизиловой поросли и орѣшника. Онъ смѣло пошелъ впередъ и черезъ часъ по выходѣ изъ крѣпости обогнулъ ея уголъ. Проходя мимо, онъ поднялъ голову, и его сердце забилось жутко-жутко. Между зубцами стѣны онъ замѣтилъ бѣленькое платьице Нины. Теперь, если бы на него поднялись силы всей земли, онъ бы не испугался ихъ. Онъ понималъ, что спасти крѣпость, значило спасти Нину, и это чудное видѣніе воодушевило Амеда. Оно дало ему увѣренность въ себѣ. Даже боль въ ссадинахъ точно утихла, но онъ старался прятаться теперь еще тщательнѣе, и уже не отъ однихъ лезгинъ, но и отъ дѣвушки. Ему казалось невозможнымъ попасться ей на глаза въ такомъ ужасномъ видѣ... Мелькнувшій на минуту призракъ Нины, даже заставилъ его промурлыкать про себя пѣсню, старую горскую пѣсню.

Скоро ему пришлось залечь на опушкѣ. Тутъ кончались кусты... Дальше шли отмели Самура и главный рукавъ его позади крѣпости

катился бурными, хотя и не глубокими водами. Амедъ лежалъ не долго. Онъ сообразилъ, что его лохмотья нисколько не отличаются отъ сѣраго цвѣта земли, но идти дальше нельзя было, и Брызгаловъ, обходя стѣны укрѣпленія, видѣлъ, какъ юноша медленно и осторожно ползетъ къ рѣкѣ. „Дай ему Богъ удачи!.. и намъ тоже!“ тихо помолился старый маіоръ. — „Коли успѣетъ, хорошо... Нѣтъ, да будетъ воля Твоя, Господи“!.. Амедъ съ наслажденіемъ погрузился въ холодную воду. Все тѣло его въ ссадинахъ и синякахъ ныло и болѣло, а студеная влага оживляла его усталыя ноги и руки... Онъ жадно припалъ къ ней и напился ея... Пройти рѣку онъ могъ быстро, но его замѣтили бы. Нужно было ползти на отмелыхъ мѣстахъ и, согнувшись, красться тамъ, гдѣ было поглубже. По серединѣ рѣки онъ выпрямился. Теперь только его носъ, да глаза были надъ водой; еще нѣсколько времени, и онъ поплылъ черезъ самое стремя. Быстрина здѣсь сносила его на востокъ. Онъ сообразилъ это и нарочно сталъ ей поддаваться. Такъ рѣка за него сама исполняла работу. Онъ уже далеко унесся по ней и, обернувшись, замѣтилъ, какою маленькою стала крѣпость и какъ вдругъ передъ нимъ выросли стѣны какихъ-то скалъ, и близки, близки сдѣлались облегавшія Самурскую долину горы. Быстрина мчалась здѣсь, кружа ему голову. Точно тысячи молоткомъ стучали ему въ уши, а внизу тамъ, гдѣ вода стремилась по кучкамъ мелкаго щебня, глухой шорохъ сдвинутыхъ камешкомъ покрывалъ ея ревъ... Грохотъ рѣки скоро сталъ погружать Амеда въ какое-то забвеніе. Его ужасно потянуло скорѣе на дно. Ему вдругъ захотѣлось сложить на груди руки и отдаться этимъ струямъ... Закрыть глаза... Мышцы точно стали нѣмѣть. Ноги тоже не держались ужъ... Но онъ разомъ сбросилъ съ себя это гибельное очарованіе. Нужна была борьба, чтобы выйти изъ него и очнуться совсѣмъ, и Амедъ опять заработалъ руками, выбиваясь изъ быстрины въ боковое, менѣе стремительное теченіе. Ему это удалось и, приблизясь къ берегу, на отмеломъ мѣстѣ, по которому струи бѣжали тонкимъ слоемъ, юноша прилегъ и отдохнулъ, прежде, чѣмъ пуститься далѣе.

Ему пришлось долго лежать тутъ.

Онъ, приподымая голову, отлично видѣлъ теперь у самыхъ горъ бивуаки лезгинъ. Вонъ они! Вонъ ихъ зеленые значки, вонъ, точно далекіе вѣнчики мака, мелькаютъ красныя чалмы. Вонъ всадники,

отъ нечего дѣлать, джигитуютъ и въ облакѣ пыли несутся вдоль скалъ куда-то... Вонъ подымается дымокъ отъ костра. Сизою нитью вытянулся въ недвижномъ воздухѣ и высоко, высоко изчезаетъ, сливаясь съ нимъ... А гдѣ крѣпость?.. Какая низенькая кажется отсюда! Только четыре ея башни шишечками выдвинулись надъ приземистой линіей стѣнъ. Должно быть, горцы ее отовсюду обложили теперь. По крайней мѣрѣ, и здѣсь они сомкнули концы подковы, которую вчера наблюдалъ Амедъ по блеску огней ночью... Сомкнули концы подковы кольцомъ... Ну, да, юноша не боится ихъ. Черезъ ихъ бивуакъ, какъ стемнѣетъ, онъ пройдетъ свободно. Кто его отличитъ отъ простого пѣшаго лезгина, которыхъ здѣсь теперь тысячи! Скажетъ, что изъ Бѣлокани пришелъ, а бѣлоканскихъ здѣсь мало. Далека, очень далека Бѣлоканъ,— никому и не будетъ странно, что его никто не знаетъ. Лишь бы на своихъ елисуйцевъ не наткнуться. Положимъ, елисуйцы въ мирѣ съ русскими. На коранѣ клялись страшною клятвою. Да, вѣдь, то старики, а дѣтямъ клятва не обязательна. Навѣрное Али здѣсь, да и Гассанъ тоже; благородная страсть къ войнѣ и приключеніямъ заставила ихъ бѣжать изъ дому навстрѣчу смерти и славѣ... Въ случаѣ чего, онъ и самъ можетъ сказать, что ушелъ отъ отца. Только чѣмъ онъ объяснитъ свой жалкій видъ, лохмотья эти? Э, да не все ли равно?.. Развѣ его не могли ограбить въ горахъ?..

А струйки мелководья текли мимо, напѣвая ему здѣсь уже тихія пѣсни. Солнце играло на нихъ золотыми бликами. Амедъ лежалъ такъ неподвижно, что нѣсколько маленькихъ рыбешекъ метнулось было къ нему и, замѣтивъ его глаза и лицо, кинулись прочь, разгоняя воду быстрыми движеніями хвостовъ и мутя ее. Какъ близки отсюда кажутся горы!.. Ихъ вершины, окутанныя теперь облаками, точно нависли надъ самой головой. Вотъ-вотъ рухнутъ и раздавятъ его. Каждая складка ихъ склоновъ ярко, рѣзко выступаетъ теперь, значитъ, солнце стало уже склоняться къ западу. То и дѣло по нимъ вырѣзываются новыя и новыя скалы, незамѣченныя минуту назадъ. Вонъ на одномъ утесѣ прилипъ къ нему ласточкинымъ гнѣздомъ аулъ. Надъ самой бездной виситъ. Дунетъ вѣтеръ, кажется, и разомъ рухнутъ эти крохотныя сакли... Зеленый куполъ мечети между ними, какъ горошина, и тонкій стебелекъ минарета. Будунъ кричитъ теперь, вѣрно, четвертый намазъ!

А вонъ еще выше другой аулъ. Облачко потянулось, должно быть, вѣтеркомъ его погнало куда-то, и изъ-подъ него, изъ-подъ этого облака вдругъ показалось горное становье... Все блеститъ на солнцѣ. Облако влажный слѣдъ оставило на кровляхъ и стѣнахъ и онѣ огнемъ загорѣли, отражая лучи. Скучно лежать. Какъ скучно... Солнце теперь не жжетъ, но жди пока оно зайдетъ за горы, и онѣ бросятъ на эту долину свою густую тѣнь, подъ защитою которой ему, Амеду, можно будетъ двинуться впередъ къ той вонъ линіи горскихъ дружинъ.

Амедъ отъ нечего дѣлать размечтался. Вѣдь на свѣтѣ, что ни случается, — случается по предопредѣленію. Какъ знать, можетъ быть, Аллахомъ въ неисповѣдимой судьбѣ рѣшено дать ему, Амеду, большую славу и большое богатство. Теперь онъ простой елисуйскій горецъ. Положимъ, ага — дворянинъ. Ну, а исполнитъ это порученіе, ему дадутъ Георгія... Будетъ участвовать въ бою, — второго... А тамъ самъ Царь узнаетъ объ этомъ, прикажетъ ему на плечи эполеты повѣсить. Развѣ мало такихъ случаевъ бывало? Онъ самъ знаетъ, — Гассанъ-бекъ изъ такихъ же елисуйцевъ, какъ и Амедъ. Даже родомъ хуже: — у Амеда мать, хоть и краденая, а все же кабардинская княжна, а у того — простая хунзахская лезгинка... А Гассанъ-бекъ уже капитанъ теперь, и на груди у него сколько крестовъ, больше, чѣмъ ранъ на тѣлѣ! Что Гассанъ — храбръ, ну, а онъ, Амедъ, — трусъ развѣ?.. Станетъ онъ офицеромъ и сдѣлаетъ что-нибудь необыкновенное... Срубитъ голову Шамилю, что-ли, и въ мѣшкѣ ее привезетъ въ Дербентъ... Спроситъ его самъ царь Николай: что ты, „молодецъ", хочешь за это? — Ничего, гордо отвѣтитъ Амедъ. — Отдай мнѣ только Нину! Или еще лучше: окружатъ Нину черкесы, а онъ одинъ, какъ орелъ, пробьется, выхватитъ ее изъ шайки и увезетъ въ свои горы. Она ему и скажетъ: „коли ты умѣлъ спасти меня, то я теперь вся твоя буду, и не нужно мнѣ другого мужа. Что наши вѣры различны, это все равно, потому что Богъ одинъ и, если Онъ позволилъ тебѣ освободить меня, значитъ, Онъ меня отдаетъ тебѣ"... И сладко, сладко дѣлалось молодому человѣку, такъ сладко, что онъ уже не замѣтилъ, какъ изъ ущелья потянулся вѣтерокъ и зарябилъ струи Самура, отъ горъ удлинилась тѣнь, и эта на востокъ обращенная сторона вся точно матомъ покрылась... И скалы опять

слились съ складками и неровностями склоновъ. Только вершины горъ рѣзко выдѣлились каждымъ гребнемъ своимъ, каждымъ утесомъ. И за ними, за этими гребнями и утесами ярко, ярко горѣло солнце. Да, разумѣется, счастье теперь въ его рукахъ. Если Амедъ его не добьется, самъ виноватъ будетъ. У него пока нѣтъ соперниковъ. Всѣ эти тамъ, ничего не стоятъ. Они—храбрые джигиты, и Кнаусъ, и Роговой, и Незамай, но дѣвушка, онъ самъ видѣлъ это нѣсколько разъ, — смѣется надъ ними... А надъ нимъ, надъ Амедомъ, хоть онъ и простой горецъ, она, не смѣялась никогда, никогда... Почему только она его „Аммалатъ-бекомъ" звала? Какой онъ Аммалатъ-бекъ?—онъ елисуйскій ага, а не бекъ совсѣмъ!.. И кто это такой Аммалатъ-бекъ? Гдѣ она, такая молодая, успѣла познакомиться съ нимъ?.. А, должно быть, знаменитъ былъ Аммалатъ,—иначе о немъ не стали бы книгъ писать. Ну, да тамъ будь, что будетъ.

И сердце его щемило сладкою, ласковою грустью. Она теперь за *него*, за Амеда, молится по своему. О, какъ бы онъ хотѣлъ быть раненымъ на ея глазахъ. Именно на ея глазахъ. Его принесутъ въ крѣпость, и она, Нина, будетъ ухаживать за нимъ... Амедъ даже глаза зажмурилъ отъ счастья, но тотчасъ же открылъ ихъ опять... У мюридовъ вдали послышались крики... Онъ приподнялся на локтяхъ. Кто-то, должно быть, объѣзжалъ ихъ. Не готовится ли что-нибудь на сегодняшній вечеръ. Кто-то важный. Желтая чалма на немъ и за нимъ много въ зеленыхъ чалмахъ... Значекъ... Пожалуй, самъ Хатхуа... И вдругъ у Амеда загорѣлась ненависть къ своему дядѣ. Вся месть, воспитанная въ немъ семейными преданіями, этимъ кровавымъ канлы, которое существовало между двумя ихъ родами, вспыхнула точно пожарищемъ. Подобраться, да ударить его кинжаломъ въ спину... Что же, что во время войны канлы отмѣняется... Вѣдь онъ, Хатхуа, не только врагъ ихъ рода, онъ врагъ и Нины. Попадись она въ его руки,— сейчасъ въ саклю къ себѣ возьметъ, женой сдѣлаетъ... А не согласится та, туркамъ продастъ.

Тѣни росли и росли... Одна отъ вершины этой вонъ горы съ двумя аулами, даже къ самому Самуру подошла. Теперь скоро. Скоро ему можно будетъ выйти. Вмѣстѣ съ тѣнью вечера легкій туманъ подымется надъ долиной. Въ туманѣ хорошо... Никто его не

замѣтитъ. Къ самымъ позиціямъ, а тамъ смѣлость выручитъ. Амедъ приподнялся... Вечеръ почуяли и кони вдали... Ржанье ихъ слышится по всей долинѣ... И позади, и впереди, и по сторонамъ. Краснѣе и ярче стали огоньки костровъ. Тамъ вонъ у горъ уже легкая мгла есть. Вокругъ этихъ костровъ будто паръ чудится... скоро и сюда дойдетъ.... Пора ужъ, впрочемъ, а то выпустятъ изъ крѣпости собакъ, еще не узнаютъ Амеда, изорвутъ его. Пора... „Аллахъ-экберъ"! Онъ поможетъ... „Ла-Илляги-иль-Аллахъ-Магомедъ Рассуль Аллахъ"...—тихо проговорилъ онъ и поднялся. Вода сбѣжала по его лохмотьямъ, оставивъ влажный слѣдъ на высохшей отмели. Амедъ, зорко глядя впередъ, двинулся туда, гдѣ двѣ горы сжались, оставляя передъ собою едва замѣтное ущелье. По этому ущелью онъ на Шахдагъ проберется, а отъ Шахдага—рукой подать къ Дербенту... Дней черезъ пять онъ будетъ тамъ. Въ эти пять дней съ крѣпостью, а слѣдовательно и съ Ниной, ничего не случится.

Туманъ, дѣйствительно, подымался... Тускло въ немъ горѣли костры, пламя ихъ издали казалось большими красными пятнами. И солнце скоро должно было сѣсть. Гребни горъ совсѣмъ почернѣли. Нѣсколько розоватыхъ полосъ уже окрасило небо заревымъ румянцемъ... Амедъ встряхнулся и быстро, быстро двинулся впередъ.

Костры все ближе. Въ отсырѣвшихъ лохмотьяхъ своихъ — Амеду было довольно прохладно... Онъ нарочно пошелъ вкось, чтобы сидѣвшимъ у огня не показалось, что онъ идетъ прямо изъ крѣпости. Скоро ему почудилось, что горы на него надвигаются. Ихъ черныя скалы на огнистомъ морѣ заката становились грознѣе и зловѣщѣе. Ущелья ложились рѣками тумана, и на высотѣ, на самомъ темени утесовъ, точно изваянныя изъ коралла, блистали бѣлыя сакли горныхъ ауловъ. Чеченскій всадникъ встрѣтился Амеду и презрительно оглядѣвъ его лохмотья, запѣлъ точно про себя:

— „Эхъ, лезгинъ, лезгинъ! Хорошо тебѣ идти на русскихъ,—что они сорвать съ тебя могутъ?—грязь одну"...

Молодой елисуецъ не остался въ долгу. Онъ отвѣтилъ тоже, не глядя на чеченца, другой пѣсней...

— „Мы идемъ на войну оборванными и голодными,—возвращаемся сытыми и одѣтыми... Аллахъ положилъ разницу между нами

и Чечней. Та идетъ въ бой раззолоченная, а домой босая бѣжитъ и въ лохмотьяхъ... Эй, чеченецъ, гдѣ твои позументы?—Потерялъ въ бѣгствѣ... Гдѣ твоя черкеска, шелкомъ шитая?—Бросилъ, чтобы спасти свою шкуру"...

Чеченецъ съ негодованіемъ отплюнулся и, подбодривъ коня нагайкой, полетѣлъ въ сумракъ уже наступавшей внизу ночи.

На Амеда вмѣстѣ съ вѣтромъ потянуло запахомъ чесноку. Молодой человѣкъ не ѣлъ съ утра. Онъ даже ноздрями задвигалъ, такъ его голоднаго раздражалъ этотъ духъ свѣжаго варева. „Должно быть, хинкалъ приготовляютъ!"—съ завистью проговорилъ онъ, не давая мысли слишкомъ долго работать въ этомъ направленіи, — онъ только подтянулъ поясъ потуже и рѣшительно двинулся впередъ. Скоро огонь одного изъ костровъ точно выросъ передъ нимъ. Подъ краснымъ свѣтомъ, ярко разгоравшимся, виднѣлись смуглыя горбоносыя лица... Папахи, откинутыя назадъ, голые, бритые лбы...

— Селамъ! — проговорилъ, мимо проходя, Амедъ.

— И тебѣ тоже... отвѣтили ему.

— Аллахъ да поможетъ! — пріостановился онъ.

— На тебѣ его благословеніе... Голоденъ?.. Если голоденъ,— садись...

Амедъ не заставилъ себя просить второй разъ. Онъ только зорко оглядѣлъ присутствующихъ... Они сидѣли спокойно, мало обращая на него вниманія. По горскому обычаю, разъ пригласивъ къ общему котлу прохожаго, его нельзя было разспрашивать ни о чемъ. Они даже притворялись равнодушными, хотя каждый самъ про себя думалъ, кто-бы былъ этотъ молодой красавецъ въ такихъ лохмотьяхъ. Амедъ, впрочемъ, пришелъ къ нимъ на помощь.

— Не знаете-ли, гдѣ наши джарцы?

— Ваши джарцы!—презрительно вырвалось у старика съ красной бородой. — Ваши джарцы... вѣроятно, русскимъ служатъ, у насъ ихъ мало.

— Я знаю, что мало. Мы у себя привыкли количество замѣнять качествомъ. Одинъ храбрецъ лучше тысячи трусовъ.

— Чохъ-якши!.. Хорошій отвѣтъ! Жаль, что платье-то у тебя не такъ красиво, какъ языкъ, о, юноша!

— Я долженъ былъ бѣжать изъ дому... Не пускали свои на газаватъ. Слава Богу, что и въ этомъ добрался!

— Ты мнѣ нравишься!—продолжалъ старикъ.—Я тебѣ найду у себя чоху получше...

— Не надо!—гордо отвѣтилъ Амедъ.—Я не милостыни пришелъ просить сюда, а драться.

— Тебѣ не милостыню и даютъ, а дѣлятся съ тобой по-братски.

— Дѣлись съ другими. Я одѣнусь, когда мы возьмемъ тѣхъ... и онъ кивнулъ на русскую крѣпость, казавшуюся теперь темнымъ и смутнымъ пятномъ за поблѣднѣвшимъ Самуромъ.

— Джигитъ настоящій... Богъ приглашаетъ! по обычаю показалъ старикъ на котелъ.

Туда только что всыпали въ наваръ изъ чесноку массу мучныхъ шариковъ. Они вскипѣли и поднялись наверхъ. Хинкалъ былъ готовъ.

Всѣ принялись за ѣду. Амедъ тоже и здѣсь себя лицомъ въ грязь не ударилъ.

— Дай Богъ тебѣ истребить столько русскихъ, сколько ты съѣлъ хинкалу!—засмѣялся старикъ, слѣдя за нимъ глазами.

— Я не стану считать ни тѣхъ, ни другихъ,—улыбался и Амедъ.— Гяурамъ Богъ счетъ ведетъ или шайтанъ, кто ихъ знаетъ... А хинкалу чѣмъ больше гость съѣстъ, тѣмъ больше хозяину почету.

— Жаль, у меня нѣтъ такого сына, какъ ты. Счастливъ отецъ, взроствшій тебя!

Почуствовавъ себя сытымъ, Амедъ всталъ.

— Куда ты? выпей бузы съ нами!

— Нельзя. У насъ не пьютъ бузы въ Джаріи. Да и своихъ надо искать.

Онъ двинулся рѣшительно впередъ, стараясь оставить костры скорѣе за собою. Но и тамъ, куда онъ шелъ, они все выдѣлялись изъ мрака красными пятнами. Точно сотни кровожадныхъ глазъ вспыхнули въ темнотѣ и, поднявъ свои вѣки, не мигая, смотрѣли на этого оборванца, старательно выбиравшаго промежутки между ними... Около одного такого огня ему, впрочемъ, пришлось остановиться. Онъ услышалъ елисуйское нарѣчіе и весь даже похолодѣлъ. Его тоже замѣтили оттуда, не различая его чертъ.

— Эй, кто тамъ?—кричали отъ костра. Надъ нимъ было старое дерево. И вѣтви его тускло освѣщались полымемъ.

„Это Али и есть!"—разсуждалъ про себя Амедъ, и взялся было

за кинжалъ, но, сообразивъ, что все равно одному со всѣми справиться невозможно, рѣшительно двинулся впередъ. Сердце его билось съ страшной быстротой, но юноша шелъ увѣренно и смѣло.

— Али, ты это?—весело крикнулъ онъ.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Тотъ, кого ты и не ожидаешь.

— Амедъ, сынъ Курбанъ-Аги!

Всѣ вскочили съ мѣстъ. Оглядѣвъ ихъ лица, Амедъ замѣтилъ, что ни въ одномъ не было ничего враждебнаго. Только одно удивленіе и выражалось на нихъ.—„Амедъ, сынъ Курбанъ-Аги",—слышалось ему повторяемое уже шепотомъ. Онъ беззаботно подошелъ и сѣлъ.

— Чего вы всѣ?.. Точно васъ шайтанъ надъ елисуйской горой поднялъ и на землю въ подолы къ бабамъ швырнулъ.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Мы не ожидали... Насъ тутъ шестеро...

— Теперь будетъ семеро. Зачѣмъ я здѣсь!.. Большіе вы жеребята, а надо еще васъ учить траву ѣсть!" Зачѣмъ я здѣсь... За тѣмъ-же, за чѣмъ и вы... Что-же я спокойно буду слушать, какъ горный вѣтеръ станетъ разносить по ущельямъ гимнъ газавата. Даромъ что-ли у меня руки выросли? Ужъ не думаете-ли вы, что я дѣвчонка въ шальварахъ, убирающая золотыми шнурками свои волосы и румянящая щеки, чтобы понравиться Али?..

— Нѣтъ, нѣтъ... Мы знаемъ тебя,.. Только... Только, вѣдь твой отецъ другъ русскимъ.

— Я въ дѣла тца не вхожу! — угрюмо проговорилъ Амедъ.— Не совѣтую никому и въ мои мѣшаться. Я даже у отца и платья не взялъ. Какъ рабъ въ лохмотьяхъ ушелъ.

— Да... Но ты тоже всегда за русскихъ стоялъ съ тѣхъ поръ, какъ учился у нихъ въ Дербентѣ.

— Я и всегда скажу, что съ нихъ надо примѣръ брать. Надо учиться и работать, какъ они, тогда и мы будемъ также богаты и сильны. Да что вы въ самомъ дѣлѣ пристали ко мнѣ!.. Мансуръ, вѣдь и твой отецъ другъ русскихъ... Да и твой, Али, не особенный врагъ имъ! А вы здѣсь... Что-же вы хотите, чтобы о Елисуѣ никто на заикнулся, когда будетъ перечислять подвиги газавата въ эту войну.

— Мы ради за тебя. Ты хорошій и храбрый товарищъ. Только тебѣ придется быть подъ начальствомъ Хатхуа.

— Канлы во время войны отмѣняется. Я не боюсь его, и пока мы не вернемся, ему тоже нечего меня бояться.

За костромъ живо закипѣла веселая бесѣда.

Елисуйцы и особенно елисуйская молодежь отличается беззаботностью и страстью къ пѣснѣ и смѣху. По мѣстному преданію, елисуйцы такъ надоѣли своими пѣснями Богу, что Онъ, въ одинъ далеко для нихъ не прекрасный день, приказалъ имъ всѣмъ онѣмѣть. Елисуйцы отчаявались только недѣлю, а когда она окончилась, они стали плясать да такъ, что въ раю пророку и святымъ покою не было. Они кинулись къ Аллаху: „Помилуй,—небо дрожитъ отъ пляски елисуйцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты повелѣлъ имъ молчать, у нихъ точно всѣ шайтаны въ ноги вселились“. Подумалъ, подумалъ Аллахъ и вернулъ имъ даръ слова. „Все меньше шуму будетъ!“ — рѣшилъ онъ.

Амедъ невольно задумался...

Теперь дѣло осложняется, — пѣшкомъ не уйдешь отъ нихъ. Завтра они всѣ всполошатся и догадаются, что онъ пошелъ къ русскимъ. Нагонятъ его, и тогда прощай его дѣло.

— Надо будетъ лошадь добыть!

«Какъ»?—онъ не думалъ. Когда всѣ заснутъ, тогда и сообразитъ онъ, что ему дѣлать. А теперь ему такъ пріятно было между своими.

И, сидя подъ громадною чинарою, прислушиваясь, какъ шипѣли сучья, надъ которыми жарился вкусный шашлыкъ, любуясь зрѣлищемъ костровъ, сіявшихъ кругомъ, Амедъ невольно уносился опять мечтами въ будущее. Сумрачныя вершины горъ висѣли надъ нимъ. Порой откуда-то доносилась полная тоски и нѣги горская пѣсня... Говоръ затихалъ; гдѣ-то далеко, далеко слышались струны сааса, чей-то поистинѣ, прекрасный голосъ точно вздыхалъ и, замирая, запѣлъ поэтическую пѣсню, одну изъ тѣхъ, которыми такъ богатъ прикаспійскій югъ... Пѣсня шла ближе и ближе... Очевидно, — пѣвшіе двигались мимо... Скоро ихъ силуэты выдѣлились изъ сумрака... Амедъ разобралъ толпу юныхъ бековъ. Посреди молодой красавецъ, роскошно одѣтый, небольшой самъ, но съ громаднымъ кинжаломъ, схватясь одной рукой за него, а другой придерживая грудь и перегибаясь съ одной стороны на другую, точно это ему помогало пѣть, импровизировалъ уже новую пѣсню.

— Это Сафаръ-Бекъ! — шепотомъ замѣтилъ Али...

— Тише вы!..—крикнулъ кто-то въ сторонѣ.

— Кто тамъ смѣетъ приказывать елисуйцамъ?—вскочилъ запальчиво Али.

— Тотъ, кто можетъ заставить полетѣть ваши головы, какъ спѣлые колосья изъ подъ серпа въ жаркое лѣто.

И вдругъ около костра обрисовался гордый силуэтъ молодого наиба, роскошно одѣтаго... Елисуйцы вскочили всѣ на ноги... Амедъ разслышалъ тихое, словно шелестъ: „князь Хатхуа!“ и впился пламенными глазами во врага своего рода. Хорошо, что Хатхуа не взглянулъ на него. Ненависть, ярко сверкавшая во взглядѣ Амеда, открыла бы тому многое... Онъ презрительно обвелъ елисуйцевъ „каленымъ взоромъ“. Такъ говорятъ въ горахъ.

— Елисуйцы?—коротко переспросилъ онъ.

— Да, господинъ.

— Пѣть да плясать—ваше дѣло. Посмотримъ, какъ вы драться станете. У чорта такихъ куколъ много, какъ вы... И орутъ, и танцуютъ. Тушить костры! Слышите!... Спать, утромъ съ разсвѣтомъ—дѣло будетъ... А если пѣть хотите,—есть на это гимнъ газавата. Кончится война, вернетесь домой... Тогда и я съ вами пѣть готовъ, если живъ буду...

И онъ удалился отъ костра.

Тишина воцарились кругомъ. Только шипѣли горящія головни, которыя разбрасывала кругомъ молодежь.

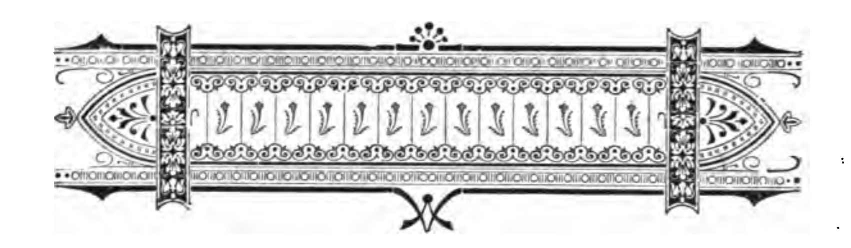
— Это Хатхуа... Хатхуа...—шепталъ про себя Амедъ, слѣдуя за нимъ взглядомъ.

— Онъ около насъ и спать будетъ...

— Гдѣ?—спросилъ его Амедъ, притворяясь равнодушнымъ.

— А вонъ за тѣми деревьями. И лошади его тамъ стреножены.

Больше ничего не хотѣлъ знать Амедъ. Планъ его былъ составленъ. Онъ вдругъ сдѣлался спокоенъ и веселъ. Спросилъ у Али, что назначено на завтра, тотъ кратко: „приступъ“; потомъ Амедъ закинулъ руки за голову и притворился спящимъ. Ночь стыла и горѣла всѣми звѣздами. Черные въ ея заколдованномъ царствѣ стояли утесы... Вѣтеръ пробудилъ листву чинары, и она сладко и нѣжно шептала ему что-то, но онъ равнодушный уже былъ далеко и будилъ другія деревья...



XVII.

Ночью.

Ночь была тиха, такъ тиха, точно она замерла, ожидая какого-то страшнаго преступленія... Амедъ заснулъ, какъ убитый. Подобно всѣмъ горцамъ, онъ зналъ, что проснется, когда ему будетъ надо, и дѣйствительно,—не успѣли семь очей Большой Медвѣдицы надъ вершинами Дагестанскихъ твердынь совершить четверть своего оборота, какъ юноша былъ уже внѣ царства грезъ, такъ нѣжно ласкавшихъ во снѣ его чуткую душу. Онъ потянулся. Открылъ глаза. Звѣзды сіяли ярко... Зловѣщій Альдебаранъ стоялъ надъ самою Шайтанъ-горою, и красный блескъ его, казалось, игралъ на ея грозныхъ утесахъ. Амедъ прислушался. Кругомъ раздавалось только ровное дыханіе спавшихъ елисуйцевъ. Чу, гдѣ-то заржала лошадь... Другая отвѣтила ей. Далеко, далеко затявкали крѣпостныя собаки... И по тому направленію, точно желая освѣтить мѣстность, взвилась огнистою змѣею ракета. И опять тьма, звѣздный блескъ и молчаніе... Амедъ поползъ прочь отъ товарищей осторожно, медленно... Земля стала уже влажной, и шорохъ его тѣла по ней былъ совсѣмъ не слышенъ. Хатхуа—тамъ вонъ... Во mракѣ смутнымъ пятномъ выдѣляется значекъ его,—дальше еще какія-то пятна... Тихо-тихо ползетъ Амедъ. Теперь не только судьба крѣпости и его жизнь, но и жизнь Нины зависитъ отъ успѣха задуманнаго имъ предпріятія... Вотъ уже дыханія елисуй-

цевъ не слышно. Направо — дидойцы, но они далеко, налѣво—чеченцы изъ Карадага,—тѣ тоже не увидятъ его теперь. Костры залиты и разбросаны. Только чутьемъ и можно взять. Амедъ приподнялся и уже пошелъ. Обувь его изъ сырыхъ бараньихъ шкуръ, мѣхомъ наружу, совершенно скрадывала звукъ шаговъ. Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы разстояніе между нимъ и становьемъ Хатхуа сократилось, и Амедъ опять припалъ къ землѣ. Сердце бьется. Съ страшною силою бьется, такъ что юноша пріостановился и ничкомъ пролежалъ, боясь, чтобы кто - нибудь не уловилъ этого стука. И въ головѣ точно молотки... Всѣ пульсы будто кричатъ о немъ, предупреждаютъ врага. Амедъ, приподнявъ голову, посмотрѣлъ на звѣзды. У него было достаточно времени. Торопиться не зачѣмъ. Онъ зналъ, что теперь, если понадобится съ его стороны ударъ, то повторить его нельзя будетъ, а его рука, какъ и сердце, должны быть тверды. Скоро, впрочемъ, бой его сердца сдѣлался тише, и юноша почувствовалъ такой приливъ отваги и увѣренности, что двинулся впередъ опять... На что - то холодное и склизкое наткнулся онъ... Оно зашуршало прочь, и легкое шипѣніе послышалось около. Змѣю встревожилъ... Вотъ прямо передъ нимъ какое-то пятно. Ноги спящаго человѣка. Амедъ – мимо и, только поровнявшись съ его головой, чуть приподнялъ свою и различилъ худое лицо тоже юноши—лезгина... А около—еще спящій... Джансеидъ и Селимъ даже не задышали тревожнѣе,—до того тихо двигался теперь Амедъ. Мѣдянка въ травѣ производитъ не больше шума. Наконецъ-то вонъ что-то блеститъ... Амедъ различаетъ подбитыя серебряными подковами каблуки. Это—Хатхуа... Это—князь. Его кинжалъ съ золоченой ручкой... Его ружье брошено около — въ бурочномъ чехлѣ... Князь разметался во снѣ и спитъ крѣпко-крѣпко... Такъ крѣпко, что не слышитъ, какъ надъ его лицомъ поднимается другое, такое-же молодое, красивое, дышащее смертельною ненавистью къ нему.

Амедъ жадно смотрѣлъ на него своими ястребиными глазами. Смотрѣлъ, стараясь не дышать, чтобы не разбудить врага. Рука юноши уже потянулась къ кинжалу, но онъ вдругъ отдернулъ ее прочь и, несмотря на темноту, покраснѣлъ. „Какая подлость!“ подумалъ онъ. Нарушеніе такого адата на вѣки вѣчные сдѣлало бы его, Амеда, позоромъ всей своей семьи и пословицей въ горахъ.

Говорили бы:—„подлъ, какъ Амедъ, сынъ Курбана-Аги... Онъ убилъ врага во время газавата"... „Живи, мысленно крикнулъ ему Амедъ. Живи, пока судьба не сведетъ насъ вдвоемъ грудь съ грудью!.. Живи"!.. Но тѣмъ не менѣе—такъ уйти Амедъ не могъ. Онъ пощадилъ жизнь врага, но оружіе ему принадлежало, и адатъ даже ничего не говорилъ противъ этого... Амедъ взялъ ружье Хатхуа, привязалъ его къ своей спинѣ, чтобы оно не мѣшало ему ползти дальше, и опять двинулся впередъ... Вонъ—темнѣютъ сливающіеся силуэты коней... Если бы знать, какая изъ нихъ принадлежитъ князю... Впрочемъ, примѣта вѣрная: конь Хатхуа не долженъ быть разсѣдланъ, и, дѣйствительно, вотъ онъ—стреноженный, но засѣдланный... Спитъ тоже, должно быть... Еще не улегся, но голову свѣсилъ, и только тонкая кожа породистаго кабардинца порою вздрагиваетъ... Амедъ подползъ ему подъ брюхо, — перевернулся лицомъ кверху, вынулъ кинжалъ и разрѣзалъ треногъ. Почуявъ себя свободнымъ, конь переступилъ шагъ, другой... Амедъ за нимъ. Вынулъ изъ-за пазухи чурекъ и поднялъ его къ самой мордѣ лошади. Лошадь почуяла запахъ хлѣба и потянулась за нимъ, — но Амедъ уже отползъ, — лошадь чутьемъ узнала, гдѣ лакомый кусокъ, и направилась къ нему... Онъ еще дальше,—конь за нимъ... Вонъ другіе кони... Одни ужъ къ землѣ припали и только, видя движущагося мимо коня, — провожаютъ его ласковымъ похрапываніемъ. Одинъ, стреноженный, подскочилъ ближе и тоже потянулся за хлѣбомъ,—Амедъ скорѣе пошелъ уже... Ему казалось, бояться нечего. Стреноженный конь отсталъ, лошадь Хатхуа слѣдовала за нимъ и тянулась мордой къ чуреку. Амедъ хотѣлъ уже вскочить въ сѣдло, какъ вдругъ рядомъ, точно изъ земли выросъ какой-то горецъ... Амедъ хотѣлъ припасть къ ней, но было уже поздно. Онъ смѣло повернулся къ нему... Горецъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Видно было, что онъ еще не совсѣмъ сбросилъ съ себя чары сна и не опредѣлилъ, видится-ли ему все это, или дѣйствительность сама передъ нимъ. Амеду нельзя было давать ему время очнуться совсѣмъ. Онъ какъ-то присѣлъ и быстрымъ движеніемъ прыгнулъ—прямо на шею горцу, всунувъ ему въ ротъ свой лѣвый кулакъ! Оба повалились на землю. Но Амедъ уже обвилъ его крѣпкими ногами, а правой рукой сдавилъ ему шею... Горецъ захрипѣлъ... Амедъ бѣгло осмотрѣлъ его и отличилъ кабардинскій на-

рядъ... Очевидно, онъ былъ на службѣ у Хатхуа... Амедъ замѣтилъ, что задыхавшійся нукеръ все-таки рукою тянется къ своему кинжалу, и отпустилъ горло его; не обращая вниманія на то, что тотъ кусаетъ его лѣвую руку, — Амедъ выхватилъ свой, самъ не зная какъ, быстро нащупалъ сердце лежащаго, и не успѣлъ тотъ еще употребить послѣднихъ усилій, чтобъ приподняться, какъ елисуецъ ударилъ его кинжаломъ. Судорога пробѣжала по тѣлу несчастнаго... Что-то теплое залило грудь Амеду... Онъ тихо всталъ... „Жаль мнѣ тебя!“ — прошепталъ онъ.—„Ты ни въ чемъ не виноватъ, но вѣрно судьба твоя была такова. Кысметъ! Аллахъ судилъ тебѣ сегодня быть убитымъ. Все равно, если бы ты осилилъ, — ты бы убилъ меня!..“ Только теперь елисуецъ замѣтилъ, что у него съ головы во время всей этой экспедиціи слетѣла папаха. Онъ взялъ такую у убитаго, снялъ у него изъ-за пояса пистолеты, которыхъ у Амеда не было, и, оставивъ трупъ, — сѣлъ на коня и тихо поѣхалъ впередъ... Тутъ уже не было никого. Очевидно, убитый принадлежалъ къ числу сторожей, поставленныхъ у бивуаковъ. Хатхуа, боясь вылазки, обезпечилъ себя сильною цѣпью часовыхъ спереди— тамъ, гдѣ его лагерь обращенъ былъ лицомъ къ Самурскому укрѣпленію,—здѣсь же у него не было почти никого. Нападенія отсюда не могло произойти.

Кабардинецъ, почуявъ чужого всадника, заартачился было, но Амедъ зналъ горскихъ коней и быстрымъ ударомъ кинжала поразилъ его ухо. Легкая рана заставила благороднаго коня вздрогнуть и кинуться впередъ, но елисуецъ чуть не разодралъ ему рта удилами и такъ сильно ногами сжалъ ему бока, что конь захрипѣлъ, покосился на него и вполнѣ подчинился волѣ своего всадника. Тутъ уже долина кончилась. Амедъ сообразилъ, что между нимъ и послѣднимъ бивуакомъ Хатхуа версты двѣ легло... „Спасибо тебѣ, князь!“—засмѣялся онъ,—„и за ружье, и за коня!“ Ему на минуту жаль стало, что, пожалуй, этого подвига его никто не узнаетъ. Самый подвигъ еще обнаружится утромъ, но кто его сдѣлалъ, будетъ тайной... Впрочемъ, елисуйцы вѣдь не станутъ скрывать, что вчера между ними былъ Амедъ. А сегодня нѣтъ его; значитъ, Хатхуа догадается. Тѣмъ лучше. Послѣ этого уже никто не осмѣлится дома считать Амеда за юношу. То, что онъ сдѣлалъ прежде и теперь, достаточно для того, чтобы даже на джамаатѣ ему по-

зволили говорить послѣ старшихъ, а настоящіе джигиты, пододвинувшись, давали бы ему между собою мѣсто...

Онъ уже поднялся на первый холмикъ.

Точно завернувшаяся въ бѣлое одѣяло, долина подъ ночною мглою была позади. Амедъ хотѣлъ было уже понестись теперь во всю, какъ вдругъ тамъ въ темнотѣ далеко, далеко, гдѣ должна была находиться крѣпость, вспыхнуло пятномъ въ туманѣ, и, нѣсколько секундъ погодя, послышался сухой трескъ залпа. Опять огни и опять залпъ. Вотъ новое свѣтлое пятно, очевидно, орудія съ башни сбросили снопъ огня въ ночную темень, и глухой ударъ пушечнаго выстрѣла покатился въ ущелье, которое начиналось у этого пригорка. Мгновенно позади точно ожили долина и горы. Гулъ тысячи встревоженныхъ голосовъ наполнилъ недавнюю тишину ночи. Безпорядочные выстрѣлы затрещали со всѣхъ сторонъ. Гдѣ-то далеко послышались крики: „Алла! Алла!“, и Амедъ сообразилъ, что какая-нибудь, посланная съ вечера княземъ, шайка наткнулась на русскій секретъ и вызвала залпъ оттуда. Въ тактику горцевъ входили ночныя нападенія врасплохъ. Даже не достигая прямой цѣли, они все-таки, не нанося имъ большихъ потерь, не давали русскимъ возможности спокойно спать. Непріятель утомлялся и терялъ энергію и силы.

Амедъ, впрочемъ, недолго думалъ.

Онъ понялъ, что Хатхуа уже на ногахъ, что онъ хватился ружья и не нашелъ его, кинулся къ коню, и коня не было; что, нѣсколько минутъ спустя, увидятъ убитаго кабардинца, и все дѣло обнаружится. Теперь каждое мгновеніе было ему дорого. Онъ наклонился къ головѣ коня и чуть не въ самое ухо ему пронзительно гикнулъ. Лошадь стремительно понеслась впередъ, выбивая искры изъ каменныхъ породъ, составлявшихъ дно ущелья. Погони позади еще не было, но Амедъ самъ выросъ въ горахъ и понималъ, что она не заставитъ себя ждать долго, особенно когда Хатхуа узнаетъ, кому онъ обязанъ этимъ. „Амедъ“, сообразитъ онъ, служитъ русскимъ и посланъ не иначе, какъ русскими съ депешами изъ крѣпости“... Каждая секунда увеличивала разстояніе между елисуйцемъ и горцами. Не прошло получаса, какъ ущелье позади было уже оставлено, а впереди потянулись цѣпи едва различимыя во мракѣ холмовъ. Одно спасеніе заключалось въ томъ, что едва-ли у горцевъ найдется такая лощадь, какъ эта. Для Хатхуа легче

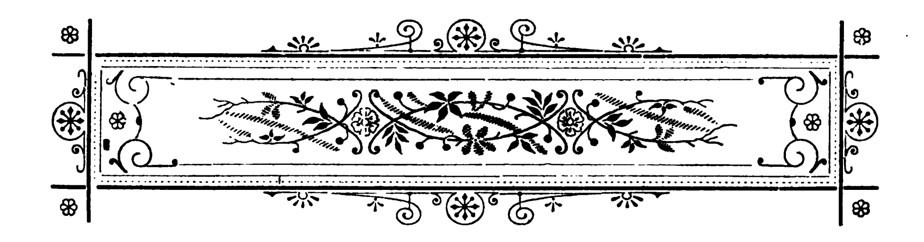
было-бы проиграть одну битву, чѣмъ потерять подобнаго коня. Это наполняло мстительную душу Амеда невыразимою радостью. Онъ даже нашелъ возможнымъ пѣть о чемъ-то, о чемъ самъ не зналъ. Горнымъ духомъ взлеталъ онъ на вершины холмовъ и злобнымъ Джиномъ вскачь стремился внизъ. Эта ночь убьетъ коня, но ему, Амеду, все равно. Завтра онъ будетъ уже далеко — у самаго берега моря... И какое ему дѣло тогда до огорченій Хатхуа!... Онъ даже броситъ кабардинца здѣсь на пути. Можетъ быть, лошадь отыщетъ погоня и приведетъ назадъ никуда негодную.

Какъ на этомъ бѣшеномъ бѣгѣ онъ не полетѣлъ черезъ голову коня, какъ кабардинецъ не споткнулся, Амедъ потомъ не могъ дать себѣ отчета. Ночь вѣтромъ своимъ что-то кричала ему въ уши, точно предостерегая его; горные потоки, казалось, стремясь догнать его, бѣжали нѣкоторое время рядомъ и оставались далеко позади... Около, точно часовые, выростали утесы, — онъ и ихъ бросалъ гдѣ-то за спиною... А семь очей Большой Медвѣдицы уже совершили половину назначеннаго имъ волею Аллаха круга и теперь смотрѣли прямо въ лицо этому юношѣ, летѣвшему, какъ вихрь въ пустынѣ Джанасана, какъ стрѣла, пущенная великаномъ Саaласомъ въ сказочнаго тура, какъ... Но Амеду было не до сравненій... Онъ зналъ, сколько счастья или несчастья связано съ его успѣхомъ и восклицалъ мысленно: „Ты помогъ мнѣ, Аллахъ, значитъ, дѣло, которому служу, — угодно Тебѣ... Дай-же, чтобы къ утру копыта коня уже коснулись соленой воды Каспійскаго моря!..“

Горы на востокѣ выдѣлились опредѣленнѣе, чѣмъ такія-же на западѣ...

Сердце Амеда радостно забилось...

— Сейчасъ будетъ день... Сейчасъ будетъ день! — кричалъ онъ въ лицо этой ночи, время которой уже было сочтено, въ лицо этой тьмѣ, дрогнувшей и поблѣднѣвшей въ ожиданіи солнца... И, дѣйствительно, когда разсвѣтъ заставилъ потускнѣть звѣзды, — и бѣлая шапка Шайтанъ-дага уже позади вдругъ обрисовалась въ сумракѣ, — недалеко передъ Амедомъ спокойное, безконечное, прекрасное въ своемъ медлительномъ ритмическомъ движеніи раскинулось море. Онъ съ наслажденіемъ потянулъ въ себя воздухъ — и еще стремительнѣе понесся навстрѣчу торжественному шуму его валовъ, бѣлой каймѣ пѣны, лежавшей на берегу... Море!.. Тутъ ужъ онъ былъ безопасенъ.



XVIII.

Дербентъ въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Причудливыя горы, сливаясь, недолго тонули въ таинственномъ полусвѣтѣ... Море слегка колыхалось. Южныя звѣзды еще страстно горѣли надъ нимъ. Но, когда на его безбрежный просторъ легли уже алые отсвѣты зари,—налѣво весь грозный Дагестанъ точно выдвинулся величавыми и мрачными вершинами. Амедъ смотрѣлъ туда. Какъ все было пустынно! Аулы внутри за первымъ кряжемъ. На берегахъ къ горамъ прижались только рощи громадныя, вытянувшіяся зелеными облаками на цѣлыя мили. Тамъ, когда прежде ему случалось проѣзжать по нимъ, онъ видѣлъ слѣды рвовъ и окоповъ. Горецъ зналъ, что это остатки славнаго похода, совершеннаго здѣсь нѣкогда великимъ Петромъ... Но теперь ему было не до этого. Онъ стремился все впередъ и впередъ. Онъ соображалъ, что погоня за нимъ давно уже несется, и старался какъ можно далѣе убраться по добру, по здорову. Разумѣется, когда украденный у Хатхуа кабардинскій конь протянетъ ноги,—лезгины уже далеко отстанутъ,—Амедъ будетъ въ виду русскихъ позицій, но для этого надо не обращать вниманія на усталь и все болѣе и болѣе увеличивать разстояніе между собою и ими... Когда солнце поднялось, наконецъ надъ вершинами Дагестана,—конь уже не могъ идти такъ быстро. Ноги его подкашивались. Справа море набѣгало кипучими волнами

на золотыя отмели... Казалось, чудовищныя змѣи развертывались и свертывались въ клубахъ пѣны. Грудью выгибались упругія воды налетавшихъ валовъ и внезапно раскидывались бѣлыми кружевами по береговому понизовью. Грохотъ и шумъ ихъ глушилъ всѣ остальные звуки. Амедъ во-время вспомнилъ, какъ живущіе у моря чеченцы освѣжаютъ усталыхъ коней. Онъ съ разлета въѣхалъ въ море. Въ брызгахъ соленой пѣны, въ какомъ-то бѣломъ облакѣ понесся онъ по крайней линіи прибоя, чувствуя, что все на немъ отъ папахи до чевякъ смокло. Конь храпѣлъ, отворачивая морду, останавливался и снова, поматывая тонкой шеей, шелъ впередъ. Изъ воды онъ вышелъ освѣженнымъ, а когда поперекъ берега легла серебристая бить горнаго потока, и лошадь напилась въ немъ, — она вдругъ сама почувствовала себя бодрой, прибавила шагу и быстро понеслась впередъ.

Эту ночь усталый и изнеможенный Амедъ провелъ въ мирномъ аулѣ, у своего кунака.

На другой день всталъ онъ рано и къ вечеру уже увидѣлъ вдали величавыя стѣны Дербента.

Стѣны Дербента! Сколько вѣковъ протекло надъ ними, и какихъ событій были онѣ безмолвными свидѣтелями! Громадные валы народныхъ войнъ часто разбивались объ ихъ некрушимые оплоты, пока не явился настоящій властитель — Россія, до тѣхъ поръ Дербентъ изъ подъ ига персіянъ переходилъ къ туркамъ, становился независимымъ, вновь захватывался персами, чтобы послѣ опять почувствовать на себѣ оковы предпріимчивыхъ сосѣдей.

Въ 1806 г. неожиданно подъ стѣнами Дербента явился Зубовъ, взялъ городъ штурмомъ и присоединилъ его на вѣчныя времена къ Россійской державѣ. Съ тѣхъ поръ ханство дербентское было стерто съ лица земли, въ цитадели, вмѣсто султановъ или хановъ, поселили храбраго маіора въ качествѣ коменданта и дали ему двѣ роты молодцовъ, творившихъ тогда чудеса на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Лучшее время для Дербента наступило при Ермоловѣ, здѣсь началось рыцарское управленіе краемъ. Съ нимъ пришли лучшіе люди тогдашней Россіи, скоро завоевавшіе намъ здѣсь великое уваженіе. Справедливость царствовала въ судахъ. Часто даже немирныя племена, джигиты, участвовавшіе въ газаватѣ, являлись раз-

бираться въ Дербентъ, зная, что имъ будетъ оказана „правда" въ полной мѣрѣ... Населеніе успокоилось и разбогатѣло — да такъ, что въ сосѣднихъ горныхъ ханствахъ, какъ напримѣръ, въ Елисуѣ, Таркахъ и другихъ, возникли большія народныя партіи, долго противившіяся газавату. Они высоко цѣнили наше управленіе, — а персы даже бѣжали сюда изъ отечества, зная, что тутъ ихъ ждетъ безопасность и довольство... Мало-по-малу Дербентъ, нѣкогда похожій на аулъ, обнесенный стѣнами, выросъ и сталъ городомъ настоящимъ, яркимъ и пестрымъ. Безлѣсная гора довольно круто поднималась надъ моремъ, по этому скату сверху отъ гребня до моря шла выемка,—точно гора внутри вдалась, чтобы дать мѣсто городу, ласково обнять его. Въ этой громадной впадинѣ съ высоты къ берегу древній городъ раскинулся въ колоссальныхъ сказочныхъ стѣнахъ... Каждый домикъ, каждая мечеть отсюда годились-бы на эффектную декорацію. Бѣлыя, выбѣленныя окна на сѣрыхъ стѣнахъ весело блистали на солнцѣ, зеленыя деревья надъ ними недвижно замерли въ воздухѣ, несмотря на отсутствіе вѣтра, уже напоенномъ ароматомъ цвѣтовъ. Изящныя галлерейки, какъ ласточкины гнѣзда, цѣплялись всюду, гдѣ имъ оказывалось мѣсто. Въ вершинѣ угла — бѣлѣли параллелограмы комендантскихъ домовъ и цитадели укрѣпленій. Посреди города громадный куполъ зеленый и правильный... Это — большая персидская мечеть. По другую сторону, на востокѣ, голубая полувоздушная полоса Каспія, немолчный и ласковый шелестъ пышныхъ садовъ, точно розовымъ дождемъ осыпанныхъ цвѣтами... Какія-то чужеядныя растенія цѣпкими стеблями перекидываются съ одного дерева на другое, падая водопадами нѣжной зелени, посреди которой, словно жадно раскрытыя губы, ярко-красные вѣнчики слегка колыхались подъ лѣнивымъ движеніемъ полузасыпающихъ вѣтвей...

Солнце, уходя за горы, весь Дербентъ охватывало радужнымъ сіяніемъ. Во дворѣ мечети собралась толпа уже и съ любопытствомъ смотрѣла на загнаннаго, но чуднаго кабардинскаго коня и на его всадника.

— Да это Амедъ, сынъ Курбанъ-Аги. Кажется, онъ... Непремѣнно онъ...

— Нѣтъ. Какой Амедъ! Это байгушъ какой-то оборванный. Развѣ вы не видите? Или вамъ пыль глаза засорила.

— Амедъ простого сукна не надѣнетъ! А этотъ въ драной холстинѣ. У Амеда и на поляхъ черкески позументы.

Елисуецъ въ это время всталъ и, обратившись къ заходившему солнцу, весь былъ облитъ его алымъ свѣтомъ.

— Амедъ и есть... Амедъ! Ты это? Амедъ... душа моя!..

— Амедъ! „Да растворятся врата твоего безмолвія!" Чего ты, какъ соловей, у котораго кошки хвостъ отъѣли!.. Скажи слово!.. Ты ли это? Что случилось съ тобою? Откуда ты коня такого добылъ?

— Послѣ, послѣ, — теперь не до васъ. А коня этого, — не выдержалъ онъ, — отнялъ я у князя Хатхуа. Пустите, я тороплюсь!..

— Куда ты? Къ себѣ?

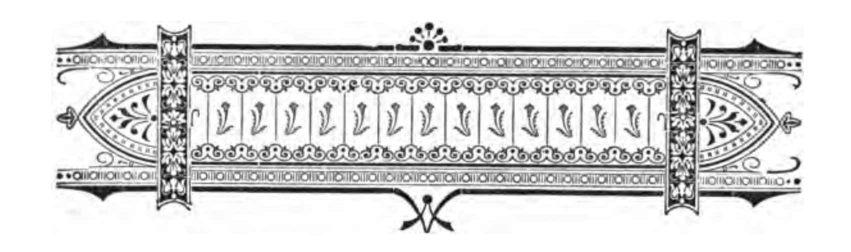
Они знали, что въ Дербентѣ у Курбанъ-Аги свой домъ.

— Нѣтъ, къ коменданту.

— Поди, переодѣнься, развѣ можно такъ являться? Тебя не пустятъ, скажутъ: лезгинскій нищій, а не елисуйскій ага!

Но Амедъ ударилъ коня нагайкой, и тотъ вынесся въ растворенную калитку мечети.

Ему хотѣлось разсказать о своихъ похожденіяхъ, дербентцы бы завидовали ему и удивлялись, но Амедъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Но горской пословицѣ: „скажи дербентцу что-нибудь по секрету, и сейчасъ же объ этомъ въ Стамбулѣ и Тегеранѣ узнаютъ". А Амедъ не могъ еще сообразить, насколько въ данномъ положеніи нужна тайна, и потому рѣшился молчать до свиданія съ комендантомъ.



XIX.

У коменданта.

Полковникъ Берхманъ только-что вышелъ на обычную свою прогулку по стѣнамъ Дербента. Какъ коменданту крѣпости, ему мало было дѣла у себя въ цитадели въ сравнительно мирное время, а теперь, когда по свѣдѣніямъ, нѣсколько дней назадъ полученнымъ имъ, газаватъ уже объявленъ, что онъ могъ предпринять съ двумя ротами и нѣсколькими сотнями казаковъ? О движеніи лезгинъ онъ ничего еще не зналъ. Посланный съ депешею нарочный отъ Брызгалова не доѣхалъ, а Амеда онъ пока не видѣлъ. Онъ поднялся наверхъ и невольно заглядѣлся туда, гдѣ къ стѣнамъ Дербента нѣкогда примыкала славная въ древности, поразительная до сихъ поръ своими величавыми остатками, стѣна, уходившая по гребнямъ горъ и ихъ стремнинамъ внутрь Кавказа.

— Да! Тутъ дѣлай, что хочешь! Свѣтлѣйшему хорошо было прокатиться миротворцемъ по Кавказу, да поснимать войска отовсюду. Какъ-то мы станемъ расхлебывать эту кашу! Теперь въ Петербургѣ всѣ въ восторгѣ. Помилуйте, — одними добрыми чувствами умиротворили Дагестанъ. Онъ намъ покажетъ это умиротвореніе! Въ полгода мы больше потратимъ солдатъ, чѣмъ за всѣ эти двадцать лѣтъ, и поздно будетъ все-таки. Хорошо еще, что они не осмѣлятся обложить Брызгалова въ его Самурскомъ укрѣпленіи... А то пришлось бы плохо...—И онъ, понуривъ голову, пошелъ къ себѣ домой.

Вечеръ быстро смѣнился ясною ночью. Молодой мѣсяцъ ярко свѣтилъ надъ старою крѣпостью, и все море далеко внизу было охвачено его серебристымъ сіяніемъ... Въ комнатахъ комендантскаго дома, нѣкогда дворца шамхаловъ тарковскихъ, гдѣ гостилъ Петръ Великій, было свѣтло и весело... Офицеры собрались уже на партію бостона. Какъ вездѣ на Кавказѣ, здѣсь желѣзная дисциплина царила только въ строю, на службѣ. Внѣ ея всѣ оказывались добрыми пріятелями, и фамиліарность была общимъ условіемъ жизни въ этихъ горныхъ гнѣздахъ. Берхманъ скоро забылъ свои тяжелыя предчувствія и самъ повеселѣлъ.

Въ это самое время въ дверяхъ показался вѣстовой.

— Чего тебѣ? — спросилъ Берхманъ.

— Тамъ горецъ спрашиваетъ васъ.

— Какой горецъ?

— Не знаю-съ. Говоритъ, самого полковника надо... Я ужъ ему толковалъ, чтобы онъ къ адъютанту шелъ. Не слушаетъ.

— Сейчасъ выйду. Переводчика!

— Онъ говоритъ чисто, ваше высокоблагородіе.

— Еще лучше.

Берхманъ вышелъ, всмотрѣлся въ Амеда и не узналъ его.

— Чего тебѣ надо?

— Я Амедъ, сынъ Курбанъ-Аги Елисуйскаго.

— Боже мой!.. Я и не узналъ тебя... Что съ тобой? Что значитъ этотъ маскарадъ?..

— Иначе мнѣ нельзя было бы и пробраться черезъ позиціи непріятеля, полковникъ. Я переодѣлся въ Самурскомъ укрѣпленіи.

— Что? Какой непріятель въ Самурскомъ укрѣпленіи? Туда пробирались горцы только слабыми шайками.

— Слабыми шайками! Ихъ больше двѣнадцати тысячъ... Газаватъ объявленъ, и первый ударъ его обрушился на майора Брызгалова. Горными скопищами командуетъ князь Хатхуа.

— Князь Хатхуа?.. Не можетъ быть... Онъ вѣдь при Шамилѣ теперь,—это любимѣйшій изъ его наибовъ. Не можетъ быть.

— Нѣтъ, полковникъ, можетъ. У меня его ружье, а внизу — лошадь, отнятая у него.

— Отчего ты не убилъ его? Вѣдь между вами кровь.

— Я? По адату во время войны всѣ канлы отмѣняются.

— Какъ это все случилось? Постой,—пойди сюда. Жена тебя чаемъ напоитъ, да и ты едва держишься отъ усталости.

Амедъ вошелъ. Здѣсь его знали почти всѣ. Офицеровъ удивили лохмотья, въ которыхъ явился къ нимъ богатый елисуецъ. Онъ скромно сѣлъ въ сторонѣ, по горскому обычаю, не разсказывалъ самъ, а ожидалъ разспросовъ.

— Амедъ, садитесь къ столу!.. Ну, теперь, пожалуйста, съ начала и подробнѣе.

Горецъ шагъ за шагомъ передалъ все, что съ нимъ было съ того момента, какъ Брызгаловъ далъ ему опасное порученіе, и до того, какъ онъ явился въ Дербентъ. Онъ старался умалчивать о томъ, что сдѣлано имъ самимъ, но это невольно сквозило въ его разсказѣ.

— Вотъ молодчинище-то! — вырвалось у офицера.

Амедъ оглянулъ его сіяющимъ взоромъ и продолжалъ свой разсказъ.

— Что еще приказалъ передать Брызгаловъ?..

— Главное... У нихъ продовольствія хватитъ только на три недѣли... Не больше...

Берхманъ задумался. Самыя тяжкія изъ его предчувствій оправдывались ранѣе, чѣмъ онъ думалъ. Система Чернышева уже приносила первые плоды... Послать провіантъ — пустое дѣло. Его заготовлено было въ Дербентѣ много, но какъ его доставить въ крѣпость, обложенную отовсюду... Въ виду громаднаго скопища горцевъ—надо было для прикрытія не менѣе баталіона, а его не было въ распоряженіи у Берхмана. Онъ зналъ, что и генералу, командовавшему линіей, не откуда взять войскъ, особенно если другіе шамилевскіе наибы воспользуются этимъ положеніемъ и откроютъ военныя дѣйствія. А разъ началось здѣсь, непремѣнно пожаръ перекинется и туда. Юноша былъ такъ утомленъ, что, передавъ все, необходимое коменданту, опрокинулъ голову на руки и тутъ же заснулъ. Офицеры не будили его... Жена Берхмана съ участіемъ смотрѣла на молодого елисуйца и знаками попросила всѣхъ выйти въ другую комнату.

— Бѣдная Нина! Прямо изъ института и попала въ такую опасность! — вздыхала она.

— Трехнедѣльный запасъ... Ну, положимъ, Брызгаловъ про-

тянетъ его на мѣсяцъ — и даже больше... Потомъ, въ крайности, можно будетъ зарѣзать коней...

— Если ихъ не перебьютъ лезгины. Теперь вѣдь они на всѣхъ скалахъ осиными гнѣздами засѣли. Сверху на выборъ стрѣляютъ. Потомъ фуража довольно ли для коней... Стараго сѣна нѣтъ, а новаго еще не заготовляли. Подъ самой крѣпостью луга, но теперь за ворота коней не выпустишь.

— Да! положеніе отчаянное... Хотя терять надежды нечего... Поручикъ Самойловъ!

Различивъ въ тонѣ начальника нѣчто оффиціальное, молодой офицеръ вытянулся.

— Завтра въ полдень вы вмѣстѣ съ Амедомъ отправитесь на линію, слышите! Представьте его генералу и скажите, что, по моему мнѣнію, Амедъ заслужилъ солдатскій георгіевскій крестъ. Поняли? Потомъ пусть онъ передастъ все самъ генералу, а я буду ждать васъ съ инструкціями...

— Слушаю-съ.

— Все это исполнить возможно быстрѣе!.. Я бы васъ сейчасъ отправилъ, но теперь все равно его превосходительства нѣтъ. Застанете вы его только послѣ завтра. Съ собой возьмете двухъ казаковъ понадежнѣе и проводника.

— Проводника не надо! — послышалось позади.

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Амедъ. Ему достаточно было нѣсколько минутъ, чтобы очнуться... И онъ уловилъ послѣднія слова коменданта.

— Проводника не надо. Я всѣ эти горы знаю хорошо и доставлю господина офицера, куда будетъ надо... А теперь прошу позволенія уйти...

— А поужинать съ нами?..

— Нѣтъ, я усталъ... У меня здѣсь домъ. Мнѣ пора...

— Ну, ступай! Спасибо... Я не забуду твоего подвига и сдѣлаю съ своей стороны все, чтобы ты повѣрилъ, что за царемъ служба, а за Богомъ молитва не пропадаютъ.

Теперь, боясь заснуть въ сѣдлѣ, Амедъ пошелъ пѣшкомъ, ведя за собою кабардинца въ поводу...

Передъ нимъ открывалось теперь новое поле для подвиговъ. И молодой человѣкъ чувствовалъ, что у него кружится голова въ

ожиданіи славы и счастья... Онъ не думалъ о подстерегавшихъ его опасностяхъ. Для этого онъ былъ слишкомъ горецъ. Вѣдь больше смерти не будетъ, а смерть неизбѣжна, о чемъ же ему было заботиться!..

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

